

НЕ КОПИРОВАТЬ

675

Г-43.

121900

В.Л.Ю.А.ГЕССЕН.

**ИСТОРИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ТРУДЕ
РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
В
РОССИИ.**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО
ГУБПРОШСОВЕТА**

ЭЛ.З.

2.0. ЭКЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБПРОФСОВЕТА

Дворец Труда, 1-й этаж.

Телеф. 183-83, 625-62.

Рабочий класс и его быт.

Прилежаева, Б. Русские рабочие в революционном движении 70-х годов	—	р.	35	к.
Оленов	116.	—	"	90 "
С. В	51.	—	"	35 "
Лоз	г.	1	"	60 "
Луи	о.	—	"	50 "
Мих	.	1	"	15 "
Кле	а-	.	1	40 "
Ще	1.	—	"	45 "
Про	р.	1	р.	20 к.
Ост	о.	—	"	85 "
Вас	й	—	"	60 "
Его	5.	—	"	18 "
Его	а-	—	"	30 "
Гас	к	—	"	45 "
Кар	.	1	"	— "
Нин	.	2	"	— "
Под	.	—	"	60 "
Хей	.	1	"	50 "
Кан	.	—	"	40 "
Гуз	.	—	р.	45 к.
В.	.	1	"	20 "
стр. 136	.	—	"	50 "
Смутов, А. Начатки электротехники. 1926 г., стр. 73 . .	.	—	"	95 "
Татарченко, Дм. Что должен знать рабочий о металле.	.	—	"	90 "
С рис., 1926 г., стр. 141	.	—	"	90 "
Его же. Что должен знать рабочий о топливе. С рис.,	.	—	"	90 "
1926 г., стр. 117	.	—	"	90 "
Его же. Что должен знать рабочий по химии. С рис.,	.	—	"	90 "
1925 г., стр. 136	.	—	"	90 "
Никольский, В. Как появились машины. С рис., стр. 61.	.	—	"	45 "
Фарфоровский, С. Труд, инструмент и машина. С иллюстр.	.	—	"	75 "
1926 г., стр. 111	.	—	"	22 "
Хейнман, Г. Л. Справочник металлиста. 1926 г., стр. 40 .	.	—	"	25 "
Металлургия (переработка с немецкого). 1926 г., стр. 46 .	.	—	"	30 "
Физика (перер. с немецкого). 1926 г. Стр. 68. С иллюстр.	.	—	"	65 "
Паровые котлы и машины (перер. с нем.), стр. 69. С илл,	.	—	"	65 "

Г-43

Вл. Юл. ГЕССЕН

676

Г-43

X

ИСТОРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
ПРИ ЦИН СССР

Л. Г. ГЕССЕН
Комис. по истории истор.
науки. Ленинск.
"Истор. ф."
Мат.
1927 г.

20

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБПРОФСОВЕТА
1927

ИСТОРИЯ

2-4 ЭКЗ

4к

Н.

Пров. 54

84-7

HD

6250

ТИПОГРАФИЯ
О. К. О.
ЛЕНИНГРАДСКОГО
ГУВПРОСОВЕТА
Красная, 24-а
Ленинградский Гублит
№ 37448
Тираж 2.000. Зак. № 114

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

688

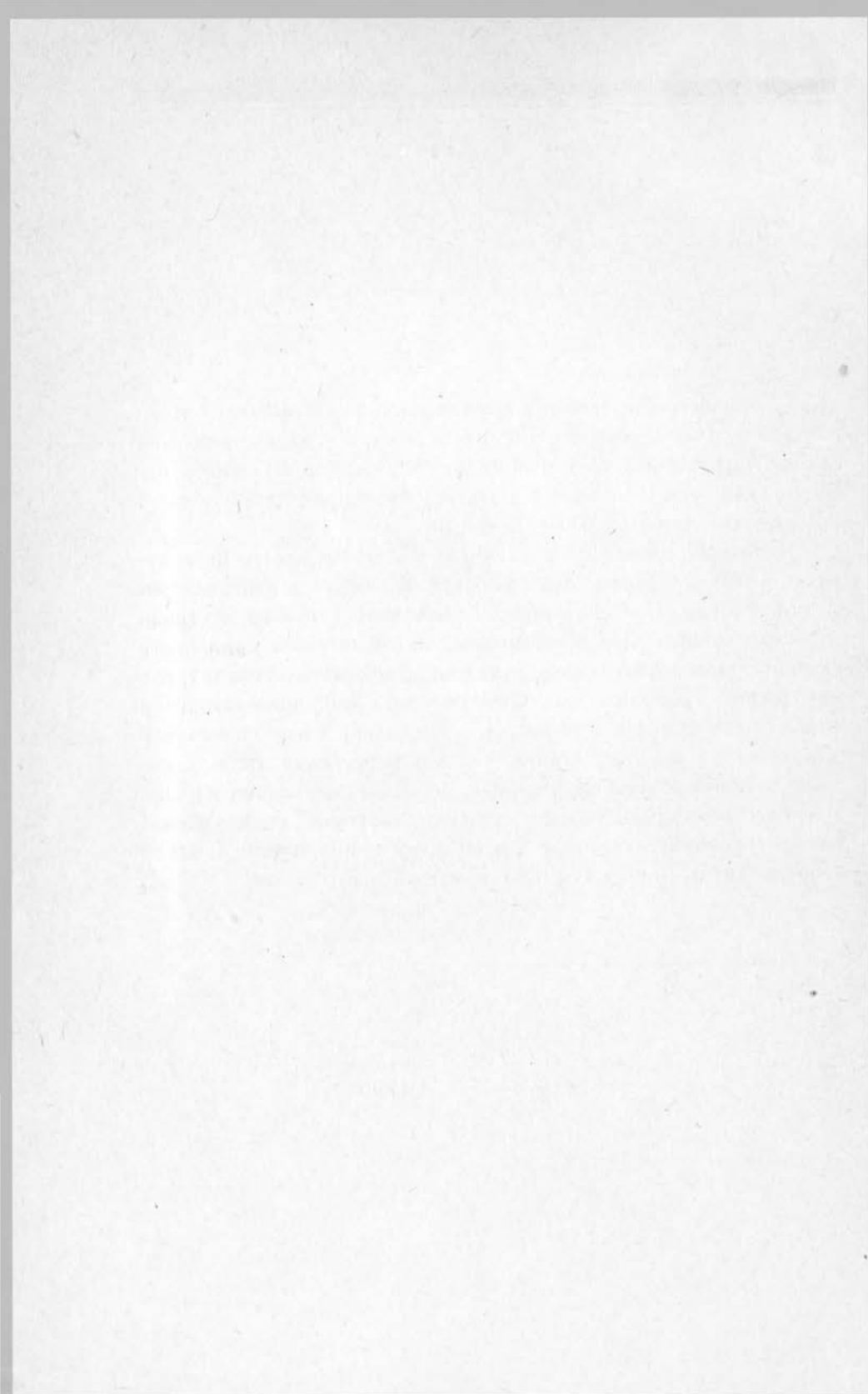
56

О Т А В Т О Р А.

В специальных работах, посвященных истории рабочего класса, вопросам детского и подросткового труда уделяется обычно сравнительно мало внимания. Между тем, слабая рабочая сила играла большую роль в общем развитии русской промышленности и рабочего класса.

Настоящая работа не претендует на всестороннее исследование условий труда и быта рабочей молодежи в капиталистической России. Поставив перед собой задачу только частично восполнить наблюдающийся пробел, автор пытался нарисовать картину последовательного развития законодательства о труде малолетних рабочих на предприятиях фабрично-заводской промышленности и стремился, поскольку это позволяли ограниченные размеры книги, увязать разработку темы с общими условиями экономической и политической жизни страны в данный период и наметить ту связь, которая существовала между законодательством о труде детей и подростков, с одной стороны, и положением рабочего класса в его целом, с другой.

Ленинград. Февраль 1927 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ И КРЕПОСТНОЙ ТРУД

ГЛАВА I

Зарождение фабрично-заводской промышленности

Первые сравнительно крупные предприятия, более всего по типу своему относящиеся к мануфактурной промышленности, заводились в Московской Руси иностранными мастерами. В XV, в XVI и даже в первой половине XVII века русских специалистов, могущих пустить в ход шерстяной или стеклянный, например, завод ¹⁾, не было, а ремесленное производство находилось на такой ступени развития, что первые фабрики и заводы не были обеспечены не только опытными мастерами, но даже и просто средне-квалифицированными рабочими. Вследствие этого иноземцы, открывая в Московском государстве завод, должны были привозить с собою мастеров и рабочих, строго сохраняя при этом в секрете не только тайны производства каких-либо химических соединений, сплавов и пр., но даже приемы чисто технического характера.

Незнакомое с завоеваниями иностранной техники, Московское государство сравнительно легко и быстро поглощало продукцию иноземных производств. Большие заработки, ласковый прием царского двора и многочисленные привилегии прельщали иностранных капиталистов, и они целыми партиями стремились в Россию, в потоке своем все более и более увлекая мастеров самых различных специальностей. Стремление иностранцев перейти от торговли к обработке на месте русского сырья начинает проявляться все ярче, способствуя появлению первых фабрик и заводов, которые были, конечно, иноземного происхождения. Обычно иноземный гость, уже ранее зарекомендовавший себя в торговле с Московским государством, получал от царя разрешение и некоторые привилегии на открытие того или иного предприятия, в продукции которого

¹⁾ В то время все подобные предприятия назывались „заводами“, Термин „фабрика“ появился позже, уже в петровское время.

москвичи ощущали недостаток. При этом иностранец вместе с оборудованием выписывал с родины обычно даже и ученический персонал. С подобным явлением сталкиваемся мы по делу немецкого мастера Ивана Рисинберга, который договорился с послом великого князя Ивана III Васильевича о своей службе при московском государе в течение трех лет. Но так как соседние государства пропускали в Россию мастеров с большою неохотою и часто чинили всевозможные препятствия, то московский князь принужден был послать в 1488 году за рубеж соответствующую грамоту. Обращаясь с просьбой, чтобы „немчина“ пропустили безо всяких задержек, Иван III рассказывает: „И мы к нему послали с нашим слугою с Николою свою грамоту, чтобы к нам поехал на наше жалованье нам служить и со своими ученики, а мы его жаловати хотим. А как отойдут три года, и мы его пожаловав, отпустим в его землю и с его ученики“²⁾. Канатные мастерские, открытые английской компанией в г. Холмогорах в 1557 году, также обслуживались мастерами из Лондона.

Первое время иностранные специалисты приглашались собственно не для того, чтобы поставить то или иное производство, а в целях удовлетворения незначительных сравнительно нужд царского двора. Поэтому с мастером заключался срочный договор, по окончании действия которого и мастер и его ученики уезжали на родину. Только с течением времени, с одной стороны, вследствие многочисленных войн и пленения техников, а с другой, под влиянием требования организующегося торгово-промышленного класса, чтобы права иноземных купцов и промышленников были умалены, появляется тенденция обязывать иностранцев, которые открывают в Московском государстве фабрики и заводы, обучать данному производству русских людей. Особенно рельефно проявляется эта тенденция во второй половине XVII века, оставив нам ряд документов, доказывающих, что, не довольствуясь выпускаемой продукцией, правительство неуклонно требовало от иностранных мастеров передачи их знаний русским людям. Продолжая приглашать иноземцев-специалистов, заключая с ними договоры на обучение мастерству определенного числа русских, правительство стремилось поставить иностранцев в такие условия существования, которые способствовали бы их обрусению. И, действительно, свидетельства современников не оставляют сомнения, что иностранцам жилось в то время в России настолько хорошо, что то благоволение, которым они пользовались, неоднократно волновало русских торговых людей. Нет ничего поэтому странного в том, что очень богатые иностранцы, развившие в России усиленную торговую деятельность и построившие фабрики и

²⁾ *Русская историческая библиотека* т. XV. Русские акты Ревельского городского архива, № 4.

заводы, изучившие русскую жизнь и сроднившиеся с нею, переходили в православие и делались русскими гражданами. И небезынтересно отметить, что чаще встретим мы это явление среди тех промышленников, предприятия которых считались особенно важными, как, напр., оружейные и железоделательные заводы, суконные и др., работавшие на армию предприятия ³⁾.

Эти новые предприниматели уже не приезжали в Московию в качестве гастролеров, наскоро устраивающих большую мастерскую и работающих со своими помощниками, учениками и пр., а твердо обосновывались на русской почве, с расчетом захватить внутренний рынок, с совершенно необычным для Московской Руси размахом предпринимательской деятельности и с организацией производств, имеющих наиболее жизненное значение для современной им технически отсталой России. На первых порах работавшие со своими иностранными высоко-квалифицированными мастерами, они уже не могли довольствоваться дорого стоящими заморскими специалистами и должны были озаботиться подготовкой кадров рабочих и мастеров из русских людей, которые могли бы впоследствии занять на их предприятиях командные должности и, во всяком случае, заполнить недостаток обученных рабочих. Это стремление, в свою очередь, целиком и полностью отвечало интересам государства и торгово-промышленного класса в частности, который хотел во что бы то ни стало освободиться от иноземной опеки. Поэтому почти все фабрики и заводы, открывавшиеся в конце XVII и в начале XVIII века, согласно договорам с правительством, должны были брать в обучение определенное число русских людей. Набор этих учеников, из которых надеялись получить квалифицированных рабочих и мастеров-знатоков дела, производился, с одной стороны, из числа ремесленников подходящих специальностей, а с другой — из массы солдатских, крестьянских и отчасти мещанских детей. И это понятно, ибо ремесленники в условиях тогдашней техники являлись работниками, наиболее подготовленными по своим знаниям и опыту к работе на этих предприятиях, а дети, легко усваивая им еще неизвестное, представляют собой в этом отношении более гибкий и способный элемент. И если в железоделательном производстве нужна была большая физическая сила, которою скорее обладали взрослые ремесленники, то в шелковом, например, производстве, где требуется известная тонкость работы и ловкость, там детский труд должен был найти большое применение. При недостаточно развитом ремесленном производстве и, следовательно, при отсутствии определенного кадра высоко квалифицированных рабочих, посыла именно детей и подростков на фабрики и заводы представлялась наиболее выгодной. В допетровское время, когда принцип

³⁾ С. Платонов. Москва и Запад в XVI — XVII веках.

принудительного труда только входил в жизнь и не проводился столь жестко, как в начале XVIII века, ремесленники и дети посылались на эти предприятия в сравнительно небольших количествах, причем все же перевес был безусловно на стороне малолетних.

Здесь небезынтересно привести два примера, которые показывают, какая политика проводилась на казенных и частных предприятиях в отношении использования рабочей силы малолетних.

Боярин Морозов, крупнейший вотчинник первой половины XVII века, устроил в своих имениях поташные заводы, для которых ему необходимо было иметь не только чернорабочих, но и сравнительно квалифицированных мастеров⁴⁾. Для первой цели он отослал на заводы зависимых от него крестьян, решительное противодействие которых ему удавалось преодолевать только угрозой немедленного взыскания всех числящихся за ними недоимок. Для подготовки рабочих к будному делу он пытался использовать крестьянских детей и подростков. Однако, условия работы на поташных заводах были столь тяжелые, что дети, как и взрослые, всячески уклонялись от этой новой повинности⁵⁾. И так как промышленники того времени не могли поддержать свое стремление к использованию детского труда специальными законодательными установлениями, то боярину пришлось оказывать соответствующее давление опять-таки угрозой взыскать недоимки с их родителей, а затем — обещанием совершенно „обелить“ их после обучения. Но в виду того, что даже перспектива стать свободными не могла убедить малолетних пойти на поташные заводы, Морозов в полной мере использовал свое право сбора всех видов оброка. Поэтому и получилось, что угроза отправки на поташные заводы служила боярину орудием выколачивания оброка и разных повинностей, а кадры как взрослых, так и малолетних рабочих на его предприятия составлялись из беднейших крестьян, которые не могли уплатить числящиеся за ними недоимки.

Другой пример — из жизни железных заводов Тульского, Каширского и Алексинского уездов. Основаны они были иностранцем Марселисом, который поставил своих крестьян в выгодные условия работы, оплачивая их труд по более высоким ценам, чем те, которые существовали в то время на рынке. После смерти Марселиса крестьяне его были отпущены на волю, но заводскую работу не оставили и тогда, когда эти предприятия перешли в ведение казны. Сохранившееся описание этих заводов, подробно говорящее о составе рабочих, их

⁴⁾ Боярин делал попытки использовать вольнонаемных рабочих, но они показались ему, во-первых, слишком непокладистыми, а во-вторых, и просто невыгодными при сравнительной дороговизне их труда.

⁵⁾ И. Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. „Вестник Европы“. 1871 г. февраль.

заработках и проч., свидетельствует, что многие из них, сыновья и внуки давних работников этих же заводов, совершенно оторвались от земледелия и передавали свои знания малолетним детям, с 12-ти лет обычно поступавшим в разные мастерские⁶⁾. Высокая заработная плата, хорошие жилищные условия, пенсии вдовам и старикам и пр. сделали здесь принудительность труда совершенно ненужной.

В худшее положение попадали те дети, которые специально посылались правительством для обучения на частных предприятиях, обычно принадлежащих иностранцам. Они, как это было, напр., с учениками шелковой фабрики Паульсена (1685—89 гг.), поступали в ведение казенного учреждения, которое и выдавало им крайне ничтожные суммы на прокормление, приобретение одежды и пр., причем над их обучением устанавливался самый строгий надзор. Вообще, посылка учеников на фабрики представлялась в то время явлением довольно необычным, и в каждом отдельном случае требовался особый царский приказ.

Мы видим, что в период зарождения фабрично-заводской промышленности, когда правительство только начало прибегать к принудительной посылке малолетних для обучения на фабрики и заводы, а казенные предприятия, еще не вышедшие на большую дорогу, ставили своих рабочих независимо от возраста в сравнительно сносные условия существования, в это время владелец промышленных вотчин старался привлекать на свои предприятия зависимых от него, а следовательно и более дешевых людей, не останавливаясь перед мерами жестокого экономического давления. А отсюда недалеко и до требования предпринимателей о законодательном урегулировании обязательного труда, каковое требование и было вскоре выставлено.

ГЛАВА II

Первые законы о малолетних

Империалистическая политика Петра нуждалась в той отечественной промышленности, которая удовлетворяла бы в первую очередь нужды войны. Именно поэтому уже на заре XVIII века начинается лихорадочное строительство оружейных и железных заводов, суконных, полотняных и т. п. фабрик. Первое время дело это было сосредоточено в руках правительства, которое само выписывало иностранных мастеров, посылало за границу для обучения, в порядке обязательной повинности, молодых людей преимущественно из дворян, само строило фабрики и заводы, отпускало им необходимые средства и т. п. И уже в этот период, период правительственной монополии на важ-

⁶⁾ П. Бранденбургский. Железные заводы в Тульском, Каширском и Алексинском уездах в XVII столетии (Оружейный сборник, № 1—4. 1875 г.).

нейшие отрасли фабрично-заводской промышленности, когда финансирование предприятий проводилось в ударном порядке и не представлялось столь трудным, правительство должно было разрешить сложную задачу — отыскать необходимое число рабочих, которых можно было бы с относительным успехом использовать в нарождающейся промышленности.

Ранняя попытка в этом направлении была сделана в 1706 г. Соответствующим указом все работники суконных фабрик, взрослые и подростки, передавались в исключительное ведение петербургского губернатора А. Д. Меншикова, причем с целью привлечения на предприятия рабочих в добровольном порядке „податей с их (работников и учеников) опричь дворового тягла имать не велено“¹⁾. Но эти полумеры не могли, конечно, утолить тот голод в рабочей силе, который стала ощущать промышленность с самого начала ее возникновения, благодаря тому, что ремесленники, наиболее квалифицированный и подходящий элемент, не имели никакого желания менять свою обеспечивавшую их существование деятельность на ничего не сулящую и совершенно неизвестную фабричную работу, а та рабочая сила, которая имелаась на рынке в изобилии, не удовлетворяла казенные предприятия или по своей дороговизне, или же по абсолютной неподготовленности.

Поэтому уже вскоре правительство вынуждено было пойти по пути *использования свободных рабочих в принудительном порядке*. Жители различных отдаленных от столицы мест посылались не на какой-нибудь завод или фабрику, а обычно непосредственно в Петербург на постоянное жительство, и уже отсюда по мере надобности распределялись по предприятиям. Такое переселение целых семейств вполне понятно, раз в то время все дело фабрично-заводской промышленности было строго централизовано в руках царской власти. В таком порядке были отправлены в Петербург в конце 1710 г. 2500 мастеров-ремесленников вместе с женами и детьми, которым положили жалованье в размере 22 руб. в год. Ремесленное производство достигло к царствованию Петра известного развития, и ясно, что именно ремесленники представляли собою рабочих, наилучше подготовленных для фабрик и заводов. Поэтому в течение многих последующих лет мы встречаем весьма часто принудительные посылки мастеровых-одиночек или вместе с семьями в Петербург с зачислением на государственную службу.

Колонизация вновь захваченных территорий также требовала отправки туда значительного числа работников различных специальностей, почему наряду с полицейскими мерами практиковались также и меры поощрительного характера, неоднократно подтверждаемые специальными постановлениями сената. Так,

¹⁾ Первое Собрание Законов, № 2081.

напр., в октябре 1713 г. в приговоре сената о присылке мастеров „денежного и скорняжьего дела“ говорилось: „И подтвердить в том указе, чтоб кроме платежа с дворов их и с вотчин, буде у кого есть, оброчных денег в слободы ни в чем их впредь не привлекали и не волочили, и не убытчали, и нигде б их не держали, потому что без них во обоих тех местах угосударева денежного и скорняжьего дела пробыть невозможно“²⁾. Из других подобных указов сената мы узнаем, что было приказано с крестьян, взятых на каменные и кирпичные работы, „податей никаких не брать и из окладу выложить“³⁾.

Насколько эти льготы были ощутимы, видно из челобитной 10-ти человек, которые, будучи записаны в каменщики еще подростками, проработали в этой специальности некоторое время, а в 1713 г. были отданы волостными старостами в рекрутские солдаты. Челобитчики просили „великого государя, чтобы он повелел быть им у каменного дела, а не в солдатах“, и сенат приказал отослать их на кирпичные заводы „и находиться им на этих заводах неотлучно“⁴⁾.

Нарастающие требования на рабочую силу принудили правительство издать ряд указов о присылке молодых ремесленников из дворянских вотчин для работы на казенных предприятиях в течение шести месяцев. Однако, вотчинники весьма неохотно выполняли этот приказ, предпочитая оставлять ремесленников в своем хозяйстве. Поэтому они вместо специалистов посылали подростков, на обучение которых уходили обычно все шесть месяцев.

Вследствие сказанного правительство должно было углубить метод принудительной отправки ремесленников на казенные заводы, и формула „быть им (работникам) на этих заводах неотлучно“ начинает встречаться все чаще и чаще. *Это и был переход не только к принудительному труду, но и к прикреплению рабочих людей к предприятиям на вечные времена.* Общий и повсеместный указ на эту тему последовал несколько позже, к концу царствования Петра, но отдельные постановления и приказы этого рода показывают, что такая форма привлечения рабочей силы фактически стала проводиться в жизнь уже в рассматриваемый нами период.

По предложению кн. Щербатова, в виду посылки помещиками на заводы подростков вместо мастеров и повального бегства с предприятий присланных крестьян, было постановлено выучить кирпичному делу сто рекрут с тем, чтобы они уже навсегда были оставлены при этих заводах⁵⁾. Далее был издан специальный приказ о производстве по всей Смоленской губ.

²⁾ Приговоры сената в царствование Петра Великого, том III, кн. 2-ая, № 921 (изд. Академии Наук).

³⁾ Там же, № 956.

⁴⁾ Там же, № 869.

⁵⁾ Там же, №№ 712, 773.

тщательной проверки больных, престарелых и малолетних рекрут с тем, чтобы всех достигших 15-ти летнего возраста отправить на фабричные работы⁶⁾. Обращает на себя внимание постановление 18 августа 1712 г. об отправке из различных губерний на тульские оружейные заводы около 300 „молодых робят“, знакомых с кузнечным и столярным делом, „для починки и делания ружей“. Губернии подчинялись этому указу крайне неохотно вследствие больших расходов, связанных с его выполнением. Однако, правительство, кровно заинтересованное в получении кадра подростков, которых можно было бы сравнительно быстро приспособить для оружейных заводов, неоднократно рассылало по губерниям дополнительные циркуляры, требуя срочного их исполнения. И сами подростки всячески старались избежать такой посылки вследствие тяжелых материальных условий, невыплаты жалованья, невыдачи прокорма, — они в значительном числе убегали с дороги или же с тульских заводов⁷⁾.

Таким образом, почин в деле проведения принудительного труда на фабриках и заводах был дан самим правительством для казенных предприятий. И вполне закономерным представляется нам, что это произошло именно в царствование Петра, когда сложившийся к тому времени крепостной порядок получил свое формальное утверждение.

Начавшееся в быстром темпе строительство казенных предприятий встретило вскоре на своем пути различные препятствия, как то: огромные расходы, создание большого бюрократического аппарата и пр. Трудности в развертывании промышленности заставили правительство принять ряд мер к использованию частной инициативы и к вовлечению излишков торгового капитала в фабрично-заводскую промышленность. В виду того, что купечество крайне осторожно вкладывало свои деньги в новое для него дело, Петр решил применить полицейские меры⁸⁾. Но так как заставить купечество одними только приказами строить фабрики и заводы, конечно, было невозможно, то им предоставлялись и важные льготы, как то: монополия на производство тех или иных товаров, субсидирование деньгами, оборудованием и рабочей силой и т. д.

Из этих льгот наибольшее значение имела дешевая рабочая сила. Вольнонаемных рабочих можно было использовать в то время уже в достаточном количестве, но цены на их труд были сравнительно высоки, а кроме того рабочие эти при существо-

⁶⁾ Там же, № 732.

⁷⁾ Там же, № 1009. Аналогичные указы см. там же №№ 763 и 825.

⁸⁾ Любопытно отметить, что в первом указе об отдаче купцам Цым-бальшикову и Турне полотняных заводов обуславливалось, что если заводы эти дадут прибыль, то купцы получат от царя милости, если же нет, то с каждого из них и с других вошедших в товарищество будет взят штраф по 1.000 рублей (Первое Собр. Законов, № 2324, 1711 г.).

вавшей тогда крепостнической системе являли собой элемент, сравнительно слабо поддающийся эксплуатации. Необходимо было предоставить торговому капиталу более удобную в этом отношении рабочую силу. И вот, внимание и предпринимателя и правительства начало сосредоточиваться на женщинах, подростках и маленьких детях. Время для закона об использовании детского труда, закона, который относился бы в одинаковой степени ко всем фабрикам, еще не пришло, и правительство ограничивается тем, что в каждом положении, издаваемом в отдельности для того или иного промышленного заведения, подробно из'ясняет права владельцев на труд детей и подростков, а также обязанности последних.

Не забывая о своих нуждах, правительство неоднократно договаривалось с предпринимателями в том отношении, что последние имеют право пользоваться трудом посланных к ним для обучения подростков в течение нескольких, обыкновенно, семи лет. Фабриканты всегда старались этот срок увеличить и часто добивались права удерживать учеников в течение еще трех лет после прохождения ими курса обучения. Такой срок был указан и в привилегии, данной фабриканту Тамесу. На игольном предприятии Томилина ученики должны были находиться до достижения ими совершеннолетия. Тот же срок был установлен на суконной фабрике Щеголина.

В подавляющем большинстве случаев только по окончании этого срока дети и подростки получали разрешение переводиться на другие предприятия. Конечно, условия труда этих несовершеннолетних рабочих никакими законодательными актами не регулировались, и правительство ограничивалось тем, что отмечало в именных указах на необходимость выдавать рабочим за их труды „достойную“ плату. Фабриканты понимали это выражение по-своему, и зачастую скверное, полуголосное содержание являлось „достойным“ вознаграждением несовершеннолетним за их многочасовую работу⁹⁾. В лучших относительно условиях работали те ученики из дворян и мещан, которые предназначались для занятия в будущем командных должностей в отечественной промышленности. Они получали сравнительно высокое жалованье и лучшее содержание.

Все более настойчиво пред'являемые фабрикантами требования на дешевых рабочих, зачастую сопровождаемые угрозами закрыть предприятие, побудили правительство использовать рабочую силу огромного числа малолетних, бродяг, нищих, проституток и другого обездоленного люда—по терминологии того времени „подлых лудишек“,—которые бродили по селам и городам, существуя то случайной работой, то подаванием. Так, регламентом главного магистрата от 16 января 1721 года

⁹⁾ Жалованье учеников в среднем достигало 3—5 рублей в год. Солдатский паек оценивался в то время в 6 рублей.

определялось, что смирительные дома предназначаются в значительной мере для несовершеннолетних, которые пьянствуют, бродяжничают, нищенствуют, но не хотят трудиться, — из смирительных домов они и должны рассылаться на работы. Что же касается „непотребного и неистового женского пола“, то женщины, независимо от возраста, посылаются на прядильные предприятия — „прядильные дома“¹⁰⁾. Смирительные и прядильные дома представляли собою как бы казармы с резервными рабочими, которых по мере надобности можно было перебрасывать на предприятия. Трудом таких малолетних бродяг обоего пола пользовались не только казенные, но и частные фабрики и заводы. Так, по особой привилегии, данной в 1722 г. владельцам игольных заводов Томилину и Рюмину, им разрешалось „во учение брать в Москве и на Рязани из бедных и малолетних, которые ходят по улицам и просят милостыню, и тем ученикам быть при том деле до совершенного возраста“¹¹⁾.

Эта тенденция использования труда бедных и малолетних, жертв зарождающейся фабрично-заводской промышленности, не менее ярко проявляется и в последующих распоряжениях правительства. Так, 26 июня 1721 г. последовал указ об отсылке виновных баб и девок в берг- и мануфактур-коллегии для отдачи в работу на фабрики и заводы. Этот указ, приравнивая фабричную работу к тяжелому наказанию, прямо говорит, что „винных баб и девок“, т.-е. присужденных к наказанию, следует направлять в упомянутые учреждения для отдачи заводчикам на их предприятия с обязательным указанием, „сколько которой лет в работе быть или по смерть“. Кроме того отмечалось, что содержаться они должны под караулом; кормовые деньги и пища выдаются им по усмотрению фабрикантов¹²⁾. Интересной особенностью этого указа является то, что он разрешает отправку женщин и девушек не только на мануфактуры, как это практиковалось до того времени, но также и на заводы горного ведомства, где работа протекала в значительно более тяжелых условиях. Указ этот ни в какой мере, конечно, не свидетельствует о том, что Петр проявил „беспредельную заботливость об участи рабочих“, как заявляет один исследователь¹³⁾. Наоборот, передача фабрикантам разрешения вопроса о вознаграждении работниц и самый факт приравнивания фабричной работы к наказанию за определенные преступления подтверждают, что Петр в гораздо большей степени защищал интересы промышленности, в частности предпринимателей, чем тех „подлых людишек“, кото-

¹⁰⁾ Первое Собрание Законов, № 3708, гл. XX.

¹¹⁾ М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I-ая (Киев, 1924 г.), стр. 27, — Первое Собрание Законов, № 4006.

¹²⁾ Первое Собрание Законов, № 3808.

¹³⁾ Л. Н. Нисселович. История заводско-фабричного законодательства, стр. 45.

рые по его распоряжению посылались в принудительном порядке на фабрики и заводы. Такая же линия проводится правительством и в других подобных указах, напр., в инструкциях московскому обер-полицмейстеру от 9 июля и 10 декабря 1722 г.¹⁴⁾: замеченных в повторном бродяжничестве и нищенстве подвергать наказанию на площади батогами и ссылатъ в каторжные работы, а женщин отправлять в шпингаус¹⁵⁾, а „ребят бив батоги посылать на суконный двор и на прочие мануфактуры“.

Многочисленные указы и положения, изданные при Петре, почти всегда заостряют внимание на вопросах, связанных с рабочей силой, причем очень часто трактуют специально о малолетних. Конечно, в том или ином законодательном акте мы наталкиваемся на известные вариации в разрешении этого вопроса, но они несущественные, не отклоняющиеся от намеченной выше общей линии, направленной к защите интересов не столько самих фабрикантов и заводчиков, сколько их предприятий, с принесением в жертву им огромного числа деклассированного элемента — взрослых, подростков и малолетних детей.

В царствование Петра были изданы еще два чрезвычайно важных указа, содержание которых вполне соответствовало всей проводимой в то время политике и которые оказали сильнейшее влияние на усиление и углубление эксплуатации несовершеннолетних. Первый указ, изданный 18 января 1721 г. под непосредственным и настойчивым давлением промышленного купечества, разрешил ему покупать к заводам и фабрикам деревни, населенные крепостными крестьянами¹⁶⁾, с тем, однако, условием, чтобы деревни эти уже навсегда оставались при предприятиях — продавать их разрешалось только вместе с фабрикой или заводом, с дозволения берг- или мануфактур-коллегии. Указ этот, предоставляя лицам не дворянского происхождения право иметь крепостных фабричных крестьян, в большой степени усиливал торговый капитал и *фиксировал переход от принудительного к крепостному труду*. Указ 18 января, направленный по существу против дворян, вызвал последних на активное противодействие, и борьба за отмену этого закона велась с переменным успехом в течение всего XVIII столетия, вплоть до 1816 г. Но, конечно, главный удар этот закон нанес закрепощенному крестьянству, которое должно было теперь вести борьбу не только с помещиками-крепостниками, но и с владельцами промышленных предприятий.

¹⁴⁾ Первое Собрание Законов, № 4047, § 31; № 8130, § 30.

¹⁵⁾ Шпингаус — прядильный дом.

¹⁶⁾ Первое Собрание Законов, № 3711. Крестьяне, купленные к фабрикам или к ним приписанные, стали называться позже „посессионными“.

Хотя согласно букве закона крестьяне, купленные фабрикантом, не являлись его собственностью, принадлежа непосредственно самому предприятию, фактически они представляли собою тех же крепостных, находящихся в полном распоряжении заводчика. И это положение в первую очередь отразилось на степени эксплуатации труда детей и подростков. Предприниматель стремился теперь до крайности использовать детскую рабочую силу своих крестьян, уравнивая пред лицом новой фабричной повинности всех крепостных, независимо от пола и возраста.

Отягчая положение крестьян, закон 18 января 1721 г. привел как к количественному, так и к качественному росту крестьянских беспорядков, которые принудили правительство путем издания отдельных положений регулировать некоторые стороны условий труда посессионных крестьян, в частности их малолетних детей. Но, как мы увидим в дальнейшем, предприниматель имел полную возможность путем жесточайшего экономического давления заставить своих крестьян посылать на фабричную работу малолетних детей уже с 5—6 летнего возраста и притом в совершенно „добровольном“ порядке.

18 июля 1722 г. был издан другой указ, опять-таки в ущерб дворянству защищавший интересы торгового капитала, согласно которому помещик не имел права требовать возвращения с фабрик и заводов своих беглых крепостных, устроившихся там в качестве учеников и рабочих людей¹⁷⁾. Дело в том, что предприниматель, изыскивая способы привлечения наиболее дешевых рабочих, охотно укрывал беглых крестьян, спасавшихся от тяжелой доли помещичьего крепостного. Бегство же крестьян именно на фабрики и заводы объясняется тем, что, с одной стороны, предприниматель, заинтересованный в привлечении наибольшего числа дешевых рабочих, предоставлял им сравнительно сносные, во всяком случае, лучшие, чем в имении помещика, условия существования, а с другой — бродяжничество, на которое был обречен нигде не устроившийся беглый крепостной, каралось в то время чрезвычайно строго. Убежавший от помещика крестьянин выигрывал только в том случае, если он попадал на фабрику под покровительство входившего в силу торгового капитала. Следует отметить, что на этот путь пошла в значительной степени именно крестьянская молодежь, что было наиболее выгодным для фабриканта и вместе с тем наносило помещицкому хозяйству значительный ущерб.

Указу 18 июля 1722 г., изданному во время отсутствия Петра из Петербурга, был придан временный характер, и поэтому в нем не имелось указаний на те взаимоотношения, которые устанавливались между беглым крепостным с момента

¹⁷⁾ Первое Собрание Законов, № 4055.

оставления его на фабрике владельцем предприятия. Ясно одно, что никуда уже с фабрики или с завода такой крестьянин уйти не мог, ибо тогда он лишался того покровительства, которое давала ему фабричная работа, и возвращался в состояние беглого крепостного. Закон этот был развит значительно позже указом 1736 г. Однако, и в своем первоначальном виде он не только ущемлял дворянство и предоставлял купечеству новые привилегии, но еще способствовал закреплению крестьян на фабричной работе. Если до издания указа 18 июля фабрикант мог бояться ухода укрывавшегося у него беглого крестьянина и поэтому старался создать для него сравнительно сносные условия работы и существования, то теперь, получив на таких беглых права владельца, он имел полную возможность, отбросив всякую осторожность, ухудшить их положение, извлекая из этого для себя наибольшую прибыль. Таким образом, крестьянская молодежь, бежавшая из имений и вотчин на фабрики и заводы, благодаря указу 18 июля 1722 г., в конечном итоге, только переменяла свое состояние частновладельческих крестьян на положение фабричных крепостных.

К тому времени торговый капитал стал уже входить в свою новую роль, и трудно было сказать, много ли хорошего сулила в будущем детям и подросткам эта перемена.

В отношении же крестьян, которые, согласно предоставленному им праву отхожего промысла, отпускались помещиками на фабричную работу, существовало положение, коим фабрикант мог задержать их на предприятии и по истечении обусловленного срока, без предварительного согласия помещика, с обязательством лишь уплачивать последнему по 50 рублей за каждого задержанного работника¹⁸⁾. Таким образом, даже и в отношении этого рода рабочих правительство защищало интересы предпринимателей и открывало последним новые возможности в деле закрепления фабричного люда.

ГЛАВА III

До конца XVIII века

Со второй четверти XVIII века, вследствие сильного и быстрого развития горнозаводской промышленности, которая одно время почти целиком находилась в руках государства, законодательное урегулирование отношений между предпринимателями и рабочими пошло в сторону удовлетворения требований момента в этой новой области предпринимательской деятельности и по линии дальнейшего развития законодательства о рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности. Специфические особенности экономики различного типа

¹⁸⁾ Первое Собрание Законов, № 4533 (26 июня 1724 г.).

Ю. Гессен.

ИСПРОМ
2

предприятий отразились и на законодательстве о труде занятых на них взрослых и малолетних рабочих, почему мы и считаем необходимым рассматривать эти законы отдельно, в зависимости от той отрасли промышленности, к которой они относятся.

Первым законодательным актом о крепостных рабочих, имеющим общее значение, изданным во вторую четверть XVIII в. после смерти Петра, является именной указ 7 января 1736 г.¹⁾, который в значительной степени дополнил и развил упомянутый уже выше петровский закон о беглых крепостных, нашедших приют на купеческих фабриках и заводах. Тогда, 18 июня 1722 года, было разрешено временно, до возвращения Петра из-за границы, не отдавать беглых крестьян их владельцам. Мера эта, конечно, сыграла большую роль в смысле дальнейшего увеличения числа беглых, которых предприниматели зачастую сманивали обещаниями легкой работы, высокой заработной платой и пр. Постоянные жалобы помещиков на несправедливость этого указа и попытки их, путем ссылок на его временный характер, добиться возвращения беглых в имения, с одной стороны, и стремление правительства укрепить позицию предпринимателей, внести ясность в создавшееся положение, а также желание найти новый источник дешевой рабочей силы, с другой, и вызвали к жизни указ 1736 г. Это видно из того, что указ был издан вследствие прошения, поданного крупнейшими фабрикантами того времени — Затрапезным, Щеголиным, Микляевым и др., указавшими, что из-за недостатка в рабочей силе (надо понимать — дешевой и даже даровой) они принуждены принимать на фабрики солдатских детей и крестьян разного звания.

Важнейшее постановление указа 1736 года заключается в том, что все те работники фабрик и заводов, которые были заняты не на простых работах, а обучались мастерству, все они остаются на предприятиях на вечные времена и образуют таким образом новый разряд рабочих — *вечно отданных*. Те крестьяне, которых употребляли в качестве чернорабочих, фабриканты обязаны были возвратить их прежним хозяевам. Что касается оставляемых работников, то предприниматели должны были уплатить за них владельцам по определенной таксе. Так, крестьянская семья, состоящая из мужа, жены и ребенка, расценивалась в 30 р., холостой крестьянин — в 20 р., мальчики от 10 лет — в 7 р., а девушки, начиная с 15-тилетнего возраста, — в 3 р. 50 к. Мальчики моложе 10 лет и девочки до 15 лет оставались на фабриках без выдачи вознаграждения за них. Также ничего фабриканты не должны были уплачивать за

¹⁾ Первое Собрание Законов, № 6858; часть статей этого указа приведена у Нисселевича в его работе „История заводско-фабричного законодательства“, стр. 56—59.

тех крестьянских детей, которые родились уже во время нахождения их родителей на предприятии. Что касается того бездомного люда, который насчитывал в своем составе большое число малолетних бродяг и нищих, то все, не могущие показать отца и деда, также оставались при предприятиях на вечные времена. В следующих пунктах указа определяется зависимость этих „вечно отданных“ рабочих от предпринимателей. Говоря, что все беглые с фабрики должны быть возвращаемы на предприятия, что укрыватели их понесут строгое наказание, что фабричные, замеченные в воровстве и других преступлениях, подлежат суду фабриканта, указ прямо и твердо говорит, что фабриканты и заводчики ответственны за проступки своих рабочих потому, что *„те мастеровые люди будут за ними крепостные“*.

Кроме того, этим указом владельцам промышленных заведений разрешалось покупать к своим мануфактурам крестьян, но „только без земель и не целыми деревнями“.

Указ 7 января 1736 года, следовательно, не только подтвердил прежние права и льготы предпринимателя, но и увеличил их за счет той части беднейшего населения, среди которой группа детей и подростков в численном отношении должна была быть безусловно значительной. Во всяком случае, большое число малолетних и несовершеннолетних делалось фабричными крепостными, с одной стороны, в силу подтверждения прежних указов о нищих, бродягах, праздношатающихся и пр., а с другой — вследствие статей нового закона о детях, работающих на фабриках, по своей воле приведенных родителями и прижитых уже в период нахождения их отцов на предприятии.

Указ 1736 г. наложил на предпринимателя обязанность — „впредь на мануфактурах и фабриках велено всяким мастерам обучать и в мастера производить из детей, отданных им вечно“²⁾. Какую цель преследует эта статья? Она лишний раз подтверждает, что дети вечно отданных составляют неотъемлемую принадлежность предприятия и что правительство было озабочено подготовлением кадра квалифицированных мастеров и промышленных рабочих.

Из изложенного видно, что правительство Анны Иоанновны, в царствование которой был издан указ 7 января 1736 г., проводило ту же политику, что и при Петре, и в жертву развивающейся фабрично-заводской промышленности попрежнему предавалась беднейшая часть крестьянского и крепостного населения. И указ 7 января вовсе не обозначал для „подлого“ и неимущего люда какого-либо поворота к худшему, как он не явился чем-то новым в деле закрепощения фабричных рабочих. Но в то время, как Петр действовал крайне осто-

²⁾ § 2 указа 7 января 1736 г.

рожно и шел ощупью по новому пути, преемники его, проверив на опыте прежние мероприятия и чувствуя себя достаточно сильными, имели возможность углубить, расширить и закрепить законодательными актами то, что хотя и проводилось уже ранее в жизнь, но не было еще регламентировано общим постановлением верховной власти. Указ 7 января 1736 г., сыгравший крупную роль в деле дальнейшего использования дешевой рабочей силы малолетних, явился логическим завершением всей прежней политики в области предпринимательской деятельности, утвердив законодательным путем *переход фабрик и заводов от принудительного к крепостному труду*.

Следующим крупнейшим памятником рабочего законодательства того времени является „Регламент“ и „Работные регулы“ для суконных фабрик, изданные 2 сентября 1741 г.³⁾ Издание „Регламента“ объясняется законодателем, как совершенно необходимая мера для урегулирования работы суконных предприятий, которые расстроились вследствие того, что рабочие приходят и уходят с работы, когда им вздумается, делают то, что хотят, никаких норм выработки не существует и проч. Весь этот беспорядок в производстве правительство предполагало устранить путем опубликования настоящих „регул“. Первые статьи этого интересного памятника трактуют о тех условиях работы, которые должны быть созданы фабрикантами в целях охраны здоровья рабочих. Здесь мы имеем наставления о хороших помещениях, чтобы ни стужа, ни дождь не вредили работникам; об искусственном свете в темные дни и в вечернее время; о расстоянии между стенами, чтобы рабочим не было тесно; о чистоте помещений, чистке инструментов и проч. Последние статьи первой части Регламента говорят об обязанностях фабрикантов и вскрывают истинные причины, побудившие правительство пойти на такое глубокое вмешательство в дела предпринимателей.

Из статьи, устанавливающей, что фабрикант должен выдавать рабочим заработную плату за все прогульные по его вине дни, а также из правил о хранении материалов, об их запасах и т. д. мы можем сделать вывод, что слабая производительность суконных фабрик, наносившая ущерб интересам государства, нарушение заключенных условий о поставке необходимого для нужд армии количества сукна и т. п. заставили правительство пойти на опубликование этого регламента.

³⁾ Первое Собрание Законов, № 8440. Почти целиком они приведены у Нисселовича, „История законодательства“, стр. 63—74. „Регламент“ составляет ту часть этого законодательного акта, которая говорит об административной стороне жизни данного предприятия. Что же касается непосредственно производственной работы, заработной платы, дисциплины и пр., то об этом трактуют „работные регулы“. В дальнейшем мы будем говорить в целях сокращения только о „регламенте“ или „работных регулах“, и под отдельными этими названиями следует разуметь весь памятник целиком.

Ведь еще ранее верховная власть неоднократно грозила предпринимателям, что казна не будет принимать от них плохих сукон и что за невыполнение договоров они будут оштрафованы⁴⁾. В дальнейшем мы еще вернемся к этому вопросу, сейчас же только укажем, что суконные фабриканты зачастую принимали все меры, чтобы их предприятие вырабатывало плохие сукна и в недостаточных количествах, так как угрозой полной ликвидации производства они заставляли правительство соглашаться на меньшее количество поставляемого сукна, что давало им возможность продавать излишки с большей выгодой на вольном рынке. В противовес именно этой предпринимательской политике и в подтверждение прежних частных распоряжений правительство и издало этот указ. Вместе с тем оно сочло для себя выгодным регламентировать также и обязанности рабочих, дабы заставить их работать с большей производительностью, и ограничить несколько власть фабриканта, поскольку она могла нанести вред фискальным (материальным) интересам казны. Поэтому в дальнейших статьях „рабочных регул“ наряду с установлением чрезвычайно жесткой дисциплины и с общим усилением эксплуатации рабочей силы мы встречаем также и статьи, немного улучшающие материальное положение рабочего люда.

Правда, указ 1741 года почти не проводился в жизнь, но все же принципиальное его значение безусловно велико. Не касаясь тех статей „регламента“, которые трактуют о санитарно-гигиенической стороне работы и которые в условиях того времени являлись не более, чем красивой фразой, мы остановимся лишь на тех, предметом которых является регулирование работы детей и подростков.

Прежде всего для рабочих, независимо от их возраста и пола, устанавливается 17-часовой рабочий день, от 4 часов утра до 9 ч. вечера с 2-часовым перерывом на обед. В зимнее время обеденный перерыв уменьшается до 1 часу, но зато и работа заканчивается в 8 часов вечера. Опоздание на работу карается согласно „регулам“ первый раз выговором, во второй — вычетом из заработка за час работы, в третий — тоже вычетом, но уже в двойном размере, а потом и в половинном размере всего дневного заработка. Невыход на работу также влечет за собою штраф: первый раз в размере заработка за столько дней, сколько рабочий прогулял, а в следующие разы в двойном размере, причем сверх этого полагалось еще наказание батогами. Равным образом штрафом караются азартные игры, пьянство, непристойное поведение на улице и пр.

Переходя затем к отношениям между рабочими и фабрикантами, указ 1741 года устанавливает, что непослушание и грубые слова, обращенные к хозяину, караются телесным

⁴⁾ Нисселоуиц, стр. 62.

наказанием и понижением заработной платы. Жестокому наказанию подвергаются рабочие, осмелившиеся ударить фабриканта—„а ежели кто начальников своих (мастера, управляющего фабрикой, предпринимателя) дерзнет рукою, то при всех фабричниках наказывать тех жестоко кошками и полгода кормить одним хлебом с водою, но на каторгу не посылать“. Это запрещение посылать в виде наказания на каторжные работы неоднократно упоминается в „регулах“ и объясняется самим законодателем тем, что из-за этого рабочие „могут художество свое забыть и в вящую шалость и в непотребство притти (т.-е. сделаться уже настоящими преступниками), да и другим через то охоты не будет, и легко причина к побегу подается“. Это объяснение интересно тем, что показывает, как фискальные интересы государства удовлетворялись даже за счет авторитета начальства, этого столпа важного принципа крепостной России.

Подробно регулируя в одной из своих статей размеры заработной платы рабочих суконных фабрик, регламент утверждает установившийся обычаем порядок, что труд рабочих оплачивается не только в зависимости от выполняемой работы и занимаемой должности, но также и по возрастному признаку. Так, „регламент“ говорит, что „драние, щипание и чищение *малолетние ребята* исправлять могут, получая платы по две копейки в сутки“. Принимая во внимание рекомендуемую оплату труда для других рабочих различных специальностей, мы приходим к заключению, что заработки детей, согласно указа 1741 г., должны были быть примерно в три раза менее, чем у взрослых, исключая, конечно, подмастерьев и мастеров.

Другая статья, имеющая непосредственное отношение к несовершеннолетним, говорит о работе жен и дочерей мастеровых и работных людей, занятых на фабриках. При решении этого сугубо важного вопроса было постановлено провести разграничение между вольнонаемными и крепостными рабочими. Дочери и жены первых могут быть использованы только по своей воле, за что и должны были получать плату наравне с мужчинами. Что же касается крепостного фабричного населения, то его желания не принимались в счет, и здесь вопрос о работе жен и дочерей мастеровых зависел исключительно от воли фабриканта.

Подытоживая все эти данные, мы можем сделать следующие заключения. В тех статьях, которые говорят об улучшении положения фабричных, указ 1741 г. ограничивается лишь добрыми пожеланиями, не подтверждая их никакими указаниями на обязательность проведения последних в жизнь. При этом нельзя было ожидать, что сами предприниматели пойдут в этих вопросах дальше, чем верховная власть, и поступятся хоть частью своих прибылей в пользу рабочих. Кроме того, указ 1741 г. в значительной мере способствовал еще большему закреплению фабричного населения, сделав работу детей мужского пола

обязательной для всех категорий рабочих, а дочерей их — лишь для тех, кто находился в крепостной зависимости от владельца предприятия.

Право принудительного привлечения к фабричным работам всей крепостной крестьянской семьи в целом, предоставленное владельцам предприятий, в сильной степени способствовало разорению и обнищанию крестьянских хозяйств, что, со своей стороны, влияло на усиление эксплуатации труда рабочей массы, в частности детей и подростков. Таким образом, наступательный характер более раннего фабрично-заводского законодательства и предоставление льгот по изысканию почти даровой рабочей силы получили в указе 2 сентября 1741 года свое дальнейшее развитие⁵⁾.

Расширяя право фабрикантов на крепостной труд, правительство вместе с тем продолжало прежнюю политику утилизации деклассированного люда, и от его зоркого глаза не могли укрыться и те малолетние сироты, для которых милостыня служила средством существования. В этом отношении характерен указ 11 июля 1744 г. о солдатских детях⁶⁾. Обсуждая в 1744 г. вопросы, связанные с ревизией Архангельской губ., сенат обратил внимание на то, что многие дети солдатские, по своему возрасту непригодные еще к военной службе, „шатаются“ без дела, и их рабочая сила пропадает без всякой пользы. Многие солдатские жены, согласно инструкции о ревизиях 1743 года, объявили об имеющихся при них детях двух, трех и десяти лет. У некоторых из этих детей отцы умерли, у других пропали без вести — по 5 и 15 лет о них ничего неизвестно; иные дети, оставшись круглыми сиротами, находились на воспитании у родственников, другие прижиты вне брака и т. д. Особое внимание сенат обратил на тех солдатских детей, круглых сирот, которые, не имея „никакого имущества“, бродят, выпрашивая милостыню.

Последовал указ (1744 г.), которым было велено „оных законно и незаконно рожденных солдатских детей переписать всех с показанием каждому лет“ и тех, которые не достигли 6-ти летнего возраста, оставить у родителей, по их желанию на воспитание, но только лишь до урочных лет. Когда же детям этим минет 6 лет, они должны быть записаны в гарнизонные школы. В отношении же тех солдатских детей, которые не имеют родственников совсем или у которых родственники

⁵⁾ Мы не имеем никаких данных присоединиться к оптимистическому заявлению Нисселовица, что в указе 1741 г. правительством „проводится с большой точностью мысль о невыгодности для самого дела труда крепостных“ (цитир. сочинение, стр. 73) и что это не было проведено в жизнь только вследствие злой воли фабрикантов. Наоборот, все приведенные выше данные говорят за то, что правительство пошло навстречу интересам предпринимателей и указом 1741 г. предоставило им еще большие возможности использования крепостного труда.

⁶⁾ Первое Собр. Законов, № 8989.

настолько бедны, что не могут их пропитать, сенат, принимая во внимание бедственное положение этих детей, которые к тому же не получают необходимого „воспитания“, постановил отдавать их „всякого чина людям, имеющим деревни, *также на фабрики и заводы*“. То, что сенат руководствовался в данном случае не целями педагогического характера, а исключительно фискального, видно из того, что в этом указе говорится далее: „кто их (солдатских детей) из платежа подушного оклада взять похочет и писать бы за ними в перепись и давать выписи¹⁾, и быть оным (детям) у них (фабрикантов и помещиков) вечно, равно как купленным и крепостным их людям“, иначе солдатские дети „без всяких платежей (государству) остаться могут“. По отдаче же их помещикам, а также на фабрики и заводы, „будет за них платеж подушных денег и сбор рекрут, с прочими наряду, отчего государственная польза быть признавается“.

Как мы видим, указ 1744 г. по праву может считаться примерным в смысле твердо проводимой линии закабаления и закрепощения беднейшего населения и использования труда малолетних детей. В дальнейшем эту участь малолетних солдатских детей разделили также и те, которые уже успели быть зачислены в гарнизонные школы. В 1749 г. на московскую суконную фабрику Болотина, Докучаева и К^о („Большой суконный двор“), по ходатайству ее владельцев, из московской гарнизонной школы были отданы на время 400 „непонятных к наукам школьников“, главным образом, в возрасте от 10 до 15 лет, с тем, чтобы по достижении 20-тилетнего возраста они были возвращены на военную службу. Военная коллегия поддержала ходатайство об отдаче на фабричную работу этих школьников, мотивируя это тем, что: 1) они научатся полезному для государства делу и будут содержаться за счет предприятия; 2) армия от этого ничего не потеряет, так как школьников можно по воскресным и праздничным дням обучать военному делу; 3) по достижении 20-ти лет они будут отданы в солдаты; 4) по отставке от военной службы они не будут „праздно шататься“, так как смогут опять пойти на суконную фабрику, и 5) фабрики, благодаря этой мере, не будут „оскудевать“ и закрываться по причине недостатка в рабочей силе. Фабриканты же считали эту меру настолько обычной и необходимой, что, когда семь лет спустя военной коллегии зачем-то экстренно понадобились 102 школьника и она взяла их с фабрики, предприниматели обратились с жалобой в сенат, который и постановил возвратить учеников обратно на фабрику, чтобы „не привести (ее) в упадок и остановку“. А при обсуждении в 1761 г. в сенате ходатайства военной коллегии о возврате с фабрики Бо-

¹⁾ Дать выпись — значило выдать удостоверение на данного человека в том, что он является крепостным помещика или, как в этом случае, фабриканта.

лотина хотя бы только тех школьников, которые достигли уже призывного возраста, фабрикантам удалось оказать на сенат столь сильное давление, что последний не уважил просьбу военной коллегии⁸⁾.

Фабриканты, зная, как нуждается казна в бесперебойной доставке сукон, зачастую провоцировали беспорядки среди рабочих путем ухудшения их материального положения, с целью побудить правительство, во-первых, уменьшить свои требования относительно качества и количества поставляемых сукон, а, во вторых, предоставить в их распоряжение более дешевых рабочих, в значительной мере детей и подростков, так как именно дороговизна рабочих рук препятствует, мол, предпринимателям в точности выполнять свои обязательства перед казной. Такое явление мы наблюдаем на примере суконной фабрики, принадлежащей Болотину и компании. Всячески притесняя рабочих, постоянно снижая заработную плату, налагая на них огромные штрафы и производя вычеты, Болотин довел фабричных до того, что в мае месяце 1737 г. они бросили работу и бастовали в течение около двух месяцев. Жалобы в сенат, ничего, конечно, им не дали, и в 1738 году они вынуждены были согласиться на все условия предпринимателя. Продолжая свою прежнюю политику, Болотин довел своих рабочих до новых беспорядков в 1746 году, под влиянием которых мануфактур-коллегия разрешила ему принудительно брать на работу жен и дочерей мастеровых, праздно живущих на фабрике⁹⁾.

Рабочие эти не являлись крепостными владельца суконной фабрики, и ясно, что последнее распоряжение нарушало права рабочих и сводило на нет указ 2 сентября 1741 г. Фабричные стали целыми группами покидать фабрику. Дошло до того, что в 1749 г. из 1000 рабочих осталось всего 120. Это было на руку фабриканту, — он тотчас потребовал, чтобы правительство пришло к нему на помощь и предоставило дешевую рабочую силу. Вот тогда-то и состоялось известное постановление о посылке на фабрику Болотина 400 учеников московской гарнизонной школы. Получив в свое распоряжение таких детей, которые по своему социальному положению и возрасту не могли оказать серьезного сопротивления жестокой эксплуатации, Болотин не изменил своей давней политики. Дети очутились в крайне тяжких условиях. В 1755 г. 24 школьника просили о посылке их на военную службу — только острая нужда и постоянные издевательства заставили этих детей мечтать о тяжелой солдатчине. Однако, так как эти школьники еще

⁸⁾ Первое Собрание Законов, № 11371 (1761 г.).

⁹⁾ *Архив департамента торговли и мануфактур*, дела мануфактур-коллегии, св. № 314, дело № 11629 за 1762 г. „О волнениях на московской суконной фабрике“. Подробно об этих волнениях см. мою книгу „Труд детей и подростков в фабрично-заводской промышленности России“, том первый (Госиздат).

не достигли двадцатилетнего, призывного, возраста, сенат оставил их просьбу без внимания.

Во вторую половину XVIII века был издан ряд указов, имевших чрезвычайно важное значение в ходе дальнейшего развития фабрично-заводской промышленности и косвенно отразившихся на положении фабричных рабочих, в частности детей и подростков. Усиление торгового капитала, захватывавшего в свои руки промышленные предприятия, шло за счет ослабления дворянства, ибо кустарная крестьянская промышленность, приносившая помещику хозяйству большие доходы, не могла конкурировать с купеческими фабриками, которые, пользуясь крепостным трудом и вкладывая в предприятия большие капиталы, убивали крестьянские промыслы. В виду этого дворянско-помещичий класс уже в конце первой половины XVIII века начинает серьезную борьбу за лишение разночинцев тех льгот, которые были им предоставлены в период зарождения фабрично-заводской промышленности.

Первую победу дворянство одерживает в 1752 г., когда появляется указ об ограничении права купцов приобретать к фабрикам и заводам населенные деревни. Указ 1752 г. регламентировал, сколько душ может купить тот или иной фабрикант в зависимости от характера его предприятия, размеров последнего и пр. При этом разрешалось из общего числа купленных крестьян только часть употреблять на фабричной работе, а остальные должны были быть оставлены в крестьянском хозяйстве. Так, напр., на шелковых фабриках использовать на производстве можно было только $\frac{1}{4}$ купленного числа, а на суконных — всего $\frac{1}{3}$. В отдельных случаях допускались исключения, но в общем правило это проводилось в жизнь довольно твердо. При таких условиях купеческие фабрики должны были обратиться или к более дорогому вольнонаемному труду, или же пойти на сокращение своего производства. И в том и в другом случае выгоду извлекали дворянские фабрики и крестьянская промышленность, так как они могли теперь конкурировать с более крупными предприятиями. Так в конце концов и случилось, и значительное число крупных купеческих фабрик перешло в руки дворянства.

Между тем, все это должно было отразиться и на положении рабочей массы, улучшить ее жизнь на купеческих фабриках, ибо здесь стали ценить каждого рабочего, и ухудшить на вотчинных предприятиях, ибо даже слабые помещицы хозяйства стали устраивать мелкие заведения, употребляя на них своих крепостных. Но, кроме того, помещики договариваются теперь с фабрикантами об эксплуатации труда крестьян, забирая себе заработки последних.

Конечно, закон 1752 г. явился только полумерой, и дворянство должно было добиваться дальнейшего ограничения прав купеческого сословия. И этого оно добилось уже в цар-

ствование Петра III, когда указом 29 марта 1762 г. была совершенно запрещена покупка крестьян к фабрикам и заводам и вместе с тем приказывалось никому никаких стеснений в устройстве новых фабрик и заводов не чинить¹⁰⁾.

Фабрично-заводское законодательство всей второй половины XVIII века проникнуто этим духом свободной предпринимательской деятельности, которая уже по одним тем привилегиям, которые были присвоены дворянству, была в сильнейшей степени стеснена для купечества. И не удивительно поэтому, что в комиссии по составлению нового уложения разгорелись сильнейшие споры за отнятое у разночинцев право покупать к фабрикам необходимых им крепостных. Торгово-промышленный класс в лице своих представителей настойчиво требовал ограничения торговой деятельности крестьян, запрещения им заниматься промыслами в городах и расширения, вернее, возвращения купечеству утраченных прав и льгот. С другой стороны, дворянство ни в коем случае не могло упустить что-либо из своих завоеваний и энергично отстаивало свободу крестьянских промыслов, которые приносили ему значительные доходы.

Все это, вместе взятое, а также последовавшее разрешение и крестьянам заводить фабрики содействовало усилению эксплуатации вообще, детей и подростков в частности, уже по одному тому, что предприятия, вызванные к жизни последними указами, представляли собою маленькие полуремесленные заведения, которые могли существовать только путем самого широкого использования наиболее дешевой рабочей силы. Но, кроме того, ухудшению экономического положения рабочего населения способствовало еще то обстоятельство, что Екатерина II, уничтожая всяческие льготы, предоставленные ранее предпринимателям, установила (1769 г.) целый ряд новых налогов на фабрики и заводы¹¹⁾, которые легли в конечном счете опять-таки на плечи рабочих людей. Правда, в 1775 г. эти сборы были отменены, но несколько позже они были восстановлены и даже в больших размерах, чем ранее¹²⁾.

Тогда же, примерно, стал намечаться перелом в политике правительства в смысле возвращения купечеству его прав, в том числе — права покупать к заводам и фабрикам крепостных крестьян. Но указ об этом был опубликован лишь 16 марта 1798 г. В нем говорилось, что по рассмотрении причин, вызвавших закон 1762 г. о запрещении покупать к заводам и фабрикам крестьян с землею и без земли, каковой закон не вполне соблюдался, было признано необходимым „к вящему умножению в империи нашей всякого рода заводов и фабрик

¹⁰⁾ Первое Собрание Законов, № 11490.

¹¹⁾ Нисселович, цит. соч. стр. 92.

¹²⁾ Там же, стр. 114.

запрещение сие отменить и покупку к заводам и фабрикам крестьян с землею и без земли дозволить"¹³⁾. При этом покупка разрешалась в пределах елизаветинского указа 1752 г.

Этим, собственно, и заканчиваются те фабричные законы, которые, будучи изданы в течение второй половины XVIII века, хотя прямо ничего и не говорят о самих рабочих, а больше касаются непосредственно фабрик и заводов, все же косвенно отразились на условиях работы всех рабочих, не пройдя мимо детей и подростков. Одно то обстоятельство, что беспорядки и волнения среди фабричных людей достигли в этот период небывалых размеров как по количеству в них участвующих, так и по силе сопротивления предпринимателям, правительственным чиновникам, комиссиям и воинским командам, уже свидетельствует, что материальное положение рабочих в тот период значительно ухудшилось.

В высшие правительственные органы неоднократно представлялись доклады, которые в самых черных красках рисовали условия существования фабричных крестьян и настаивали на необходимости внушить предпринимателям мысль о недопустимости подобной сугубо притеснительной политики. И все же, рабочие беспорядки ликвидировались не путем издания каких-либо указов, улучшающих положение фабричных людей, а применением вооруженной силы и путем суровых наказаний. Характерным в этом отношении представляются события, разыгравшиеся на казанской суконной фабрике подполковника Ивана Осокина.

Рабочие осокинской фабрики подали генерал-поручику Маврину жалобу на совершенно невыносимые условия существования¹⁴⁾. Они указывали, что с самого начала возникновения фабрики заработная плата ни разу не изменялась, хотя цены на продукты возросли, по меньшей мере, в четыре раза; что их заставляют работать в воскресные и праздничные дни; что фабрикант требует от рабочих полной выработки даже за тех престарелых, больных и малолетних, которые абсолютно неспособны к работе, и т. д. и т. д. Положение мастеровых отягощалось еще тем, что они принуждены были из своего скудного жалованья выплачивать разнообразные налоги. Маврин, с исключительной добросовестностью исследовавший положение рабочих осокинской фабрики, писал, что единственное спасение рабочих в том, что они работают также в праздничные и воскресные дни, а престарелые и малолетние собирают милостыню, ибо в противном случае они „лишены бы были всех способов к своему содержанию, тем больше, что ни жены, ни дочери их не освобождаются от фабричной работы“. По до-

¹³⁾ Первое Собрание Законов. № 18442.

¹⁴⁾ *Архив торговли и мануфактур*, дела мануфактур-коллегии, св. 334; дело № 22, за 1797 г. На фабрике Осокина в числе 1.119 рабочих было 430 детей и подростков.

кладу Маврина было назначено особое следствие, которое вскрыло самую безудержную эксплуатацию как взрослых, так и малолетних рабочих. Однако, несмотря на явную правоту рабочих, правительство, боясь, что удовлетворение их интересов толкнет и других фабричных на путь активной борьбы за право существования, ограничилось внесением таких незначительных изменений в условия работы, что они, по свидетельству казанского гражданского губернатора, не имели никакого значения, и положение осокинских рабочих оставалось попрежнему весьма тяжелым.

С возвращением купечеству былых привилегий правительство опять начинает несколько чаще издавать отдельные положения и указы, которые свидетельствуют, что казна вновь стала изыскивать дешевую рабочую силу. В этом отношении обращает на себя внимание проект управляющего казенными иркутскими суконными фабриками Новицкого, который предлагал использовать на этих предприятиях труд ссыльных, причем считал необходимым для лучшего прикрепления их к этим фабрикам послать туда же и ссыльных женщин и переженить их всех. Он считал, что проект этот принесет производству сукон большую пользу, так как обеспечит его постоянным увеличением числа обязанных рабочих¹⁵⁾. Не менее характерным представляется предложение некоего Оссовского о введении на русских фабриках изобретенных в Англии чесальных машин, причем для примера первое такое предприятие должен был устроить сам Оссовский при содействии правительства, — между прочим, он просил, чтобы ему предоставили рабочую силу 300 малолетних из императорского воспитательного дома. Доклад мануфактур-коллегии, поддержавшей требования Оссовского, был (13 апреля 1798 г.) утвержден¹⁶⁾. И в указе (5 июля 1798 г.) об учреждении фаянсовой фабрики опять-таки идет речь о посылке необходимого числа крестьянских мальчиков.

Мы видим, что сравнительно большое число законодательных актов, изданных в первую половину XVIII века о взрослых и несовершеннолетних рабочих, занятых на предприятиях обрабатывающей промышленности, сильно сокращается в последующий период и совпадает при этом с лишением торгового капитала его важнейших привилегий. Только к самому концу XVIII века, когда купечество вновь получает право покупки к заводам и фабрикам крестьян, мы замечаем в развитии рабочего законодательства некоторое оживление. Явление это объясняется тем, что отнятие у торгового капитала льготы приобретать к своим предприятиям крепостных сокращало поле законодательной деятельности правительства, ибо вмешиваться в отношения между вотчинником-фабрикантом и его крепостными

¹⁵⁾ Ниссенович, цит. соч., стр. 124.

¹⁶⁾ Первое Собрание Законов, № 18483; там же, стр. 128 — 129.

оно не имело никаких оснований. Только тогда, когда купечеству возвращаются прежние права, правительство в силу обстоятельств начинает путем усиленной законодательной деятельности регулировать отношения между фабрикантами и посессионными крестьянами, которые в конце концов принадлежат не предпринимателю, а заводу или фабрике.

Несколько особняком стоят те законодательные мероприятия правительства, которые относятся к предприятиям горнозаводской промышленности. То огромное значение, которое стали придавать последней ко второй половине XVIII века, и тот факт, что значительная часть этих предприятий находилась в руках казны и дворянства, обеспечивали за ними особо внимательное отношение правительства и непрерывное регулирование законодательным путем разнообразных сторон этой отрасли промышленности.

Именно тем, что первое время почти все горное дело находилось в руках государства, и следует объяснить издание в 1724 г. указа об оплате труда крестьян, принудительно привлекаемых к работе на горно-заводских предприятиях. В указе этом предлагалось выдавать „в летнее время мужику с лошадыю по десяти, а без лошади по пяти копеек, а в зимнее с лошадыю по шести, а без лошади по четыре копейки на день“¹⁷⁾ „без платежа денег в работах их (крестьян) не употреблять“¹⁷⁾. Это были те рабочие, занятия которых на горных заводах носили подсобный и временный характер,—вызываемые к заводам и рудникам по мере надобности, не зачисленные в штат его постоянных рабочих, выполнявшие заводское дело, как одну из многочисленных повинностей, государственные и приписные к заводам крестьяне. Что же касается тех рабочих, которые были заняты непосредственно на самом производстве, то здесь регламентация условий труда впервые облекается в форму указов и инструкций в последние месяцы царствования Петра. Так, в инструкции первого начальника уральских горных заводов Геннина от 23 февраля 1725 г. уже разрешается важнейший вопрос о продолжительности рабочего дня: в горном и плавильном деле работа начиналась в 4 ч. утра и продолжалась до 4 ч. вечера с перерывом на 1 час для отдыха и обеда, между 11 и 12 ч. дня, а всего, следовательно, рабочее время исчислялось в 11 часов¹⁸⁾. И этому правилу подчинялись все рабочие независимо от их возраста.

Целый ряд обстоятельств способствовал настолько сильному ухудшению положения горнорабочих, что к середине XVIII века беспорядки среди них значительно усилились. Под влиянием этих волнений 22 октября 1733 г. был издан указ, регулирующий выдачу заработной платы: с рабочими казенных заводов,

¹⁷⁾ Юлий Гессен, История горнорабочих в России, том I, стр. 52.

¹⁸⁾ Там же, стр. 53.

которые получают менее 5 рублей в месяц, контора расплачивается ежемесячно, а с зарабатывающими больше этой цифры — по третям года¹⁹⁾. Между тем, предприятия горнозаводской промышленности, продолжая испытывать нужду в дешевой рабочей силе, все в больших и больших размерах стали привлекать приписных крестьян для постоянной работы на заводах, рудниках и шахтах. Это, конечно, пагубно отражалось на благосостоянии крестьянских хозяйств, способствуя их обнищанию, что уже, в свою очередь, должно было усилить использование в горной промышленности труда детей и подростков, которых родители принуждены были под влиянием острой нужды отправлять на заработки в рудники и шахты.

Кадры постоянных рабочих пополнялись и благодаря естественному приросту населения. Дети мастеровых людей обычно с 12-летнего возраста обязаны уже были принимать участие в работах наряду с родителями. И явление это считалось настолько естественным, что когда крупнейшему горнозаводчику того времени Демидову было предложено послать детей мастеровых в Екатеринбургскую школу, он запротестовал и просил, чтобы „обывательских детей от 6 до 12 лет в школах обучать охотников, а в неволю не принуждать, понеже такого возраста многие заводские работы исправляют и при добыче железных и медных руд носят руду и пожоги и в прочих легких работах и у мастеров бывают“. Просьба этого богатейшего предпринимателя была уважена, — в 1735 г. был издан указ, разъясняющий, что на частных заводах учить детей мастеровых можно только в добровольном порядке. Понятно, что воля детей находилась всецело в руках заводчиков. То, что дети употреблялись на работах с самого малого возраста, свидетельствует и немецкий ученый Гмелин, который заметил при посещении Нижне-Тагильского завода, что в проволочной мастерской большая часть работы выполняется детьми в возрасте от 10 до 15 лет, занимаемыми наравне со взрослыми рабочими. На другом заводе тот же путешественник обратил внимание, что малолетки 7—8 лет самостоятельно отделывают чашки и различные сосуды из желтой меди.

Применение труда детей в столь раннем возрасте не было специально разрешено какими-либо указами. Но так как в то время весь характер рабочего законодательства был наступательный, агрессивный, то уже само отсутствие ограничительных правил фактически санкционировало подобную эксплуатацию малолетних. Целью же тех законодательных актов, которые говорили о возрасте рабочих в горной промышленности, являлось ограничение возможной утечки рабочей силы. Таким образом, подобного рода указы не только не защищали права детей и подростков, но еще обязывали их, начиная с определен-

¹⁹⁾ К. Пажитнов. Промышленный труд в крепостную эпоху, стр. 61.

ного возраста, к заводской работе. Например, по определению горной канцелярии (1748 г.) в состав годных работников зачислялись из горнозаводского населения все мужчины в возрасте от 15 до 60 лет²⁰⁾. Это опять-таки не означало, что недостигшие 15-летнего возраста не могут быть употребляемы в заводских работах. Законодатель, стремясь к наибольшему использованию детской рабочей силы, хотел путем издания этих правил обеспечить заводам известный минимум рабочих, поощряя, конечно, переход за эти нормы. Наиболее действительным средством в этом отношении служило установление такого заработка, который не обеспечивал бы существования семьи. Содействовало привлечению детей также то, что рабочему приходилось отрабатывать за немощных, стариков, больных и т. д., которые согласно ревизиям были включены в счет плательщиков налога. В это число входили дети, начиная с 7-летнего возраста. На заводах Алтайского округа дети приступали к работам обычно начиная уже с 10-ти лет, причем первые годы они были заняты на подсобных работах при взрослых или же работали самостоятельно на копах, при перевозке угля, дров и проч.²¹⁾.

Все это, вместе взятое, создавало самые отчаянные условия существования крестьян, которые неоднократно обращались к правительству с жалобами, отмечая, между прочим, что разоряемые крестьянские хозяйства не могут выполнять всех возложенных на них государственных повинностей. Об этом говорили и приписанные к частным заводам государственные крестьяне в наказах своим представителям в Екатерининскую комиссию по сочинению нового уложения. Указывая, что плата по утвержденной таксе настолько мала, что многие из них принуждены нанимать за себя посторонних работников и оплачивать труд последних в 5 и 6 раз более, чем полагается по плакату, крестьяне настаивали, чтобы их освободили от работы за недостигших 15-летнего возраста и перешедших предельный 60-летний возраст с условием вносить за это соответствующую сумму²²⁾. Просьба эта свидетельствует, что рабочая сила малолетних ценилась высоко и крестьянской семье было выгоднее использовать ее в своем хозяйстве, чем посылать на заводские работы с низкой оплатой труда.

Из тех детей и подростков, которые принуждались к заводской работе, заводоуправления выбирали наиболее подходящих и посылали их в горнозаводские школы. Здесь они получали самое ничтожное жалованье—по одной копейке в день. На это жаловались, напр., крестьяне Юговских заводов, принадлежащих Чернышеву, но кн. Вяземский, который, имея от

²⁰⁾ К. Пажитнов, Положение рабочего класса в России. Т. I, стр. 24.

²¹⁾ Алтайский сборник, т. I, стр. 34—35.

²²⁾ Архив госуд. совета. Наказы Казанской губ. Дело № 98, тетрадь 249.

Екатерины II общее поручение расследовать причины недовольства горнозаводских рабочих, никаких существенных распоряжений по этому вопросу не дал и только приказал тем ученикам, которые перешли 15-летний возраст, выдавать жалованье в том размере, какое бы им шло, если бы они работали на производстве. Вообще же по докладу князя Вяземского была упорядочена выплата приписным крестьянам их заработков, назначение на работы и пр. Никаких ограничительных правил об употреблении на работах детей и подростков тогда издано не было.

Все непрекращавшиеся среди горнозаводского населения беспорядки заставили правительство от мероприятий частного характера и относящихся к отдельным, хотя бы и крупным, предприятиям²³⁾, перейти к изданию правил, обязательных для всех. Так, манифестом от 21 мая 1779 г. был сужен круг обязательных для крестьян работ и повышена оплата труда приписных. Улучшилось ли, однако, от этого положение последних? Отнюдь нет. Так как заработка не хватало на уплату всех многочисленных сборов, то приписным приходилось наилучше использовать то время, когда они в принудительном порядке работали в горнозаводских предприятиях. А сделать это можно было путем сверхурочных работ и посылки на работу своих малолетних и несовершеннолетних детей. Таким образом, и указ 21 мая 1779 года, который на первый взгляд может представиться прогрессивным, фактически имел наступательный характер и способствовал усилению эксплуатации труда детей и подростков.

Что касается труда детей мастеровых людей, постоянных рабочих на казенных заводах, то его условия регулировались специальными положениями и штатами, которые чаще всего касались вопросов заработной платы. Жалованье детей до 15-летнего возраста не превышало обычно 6 р. в год, а подросткам оно выдавалось в размере 12 руб. Поденное вознаграждение малолетних от 7-летнего возраста было установлено, по распоряжению начальника горных заводов в 1789 г., в 2—3 коп., а для подростков—в 6 коп. Эта утвержденная положениями и инструкциями заработная плата фактически была значительно меньше, так как вследствие отдаленности заводов от населенных центров и трудности получения предметов первой необходимости предприятия устраивали свои продуктовые магазины и, пользуясь безвыходным положением рабочих, назначали очень высокие цены, не только включая в них организационные расходы, но еще добываясь некоторой прибыли.

Бедственное положение рабочего люда заставило правительство пересмотреть этот вопрос, и оно стало снижать цены

²³⁾ В инструкции от 5 марта 1764 г. предписывалось учредить школы для обучения детей мастеровых грамоте, а отчасти и производству Нуссе-лович, стр. 101—102).

на предметы первой необходимости. Так, напр., в 1786 г. по распоряжению кабинета цена на пуд ржаной муки для получающих менее 40 р. в год, следовательно, для всех детей и подростков, не могла превышать 25 коп. Что же касается остальных категорий рабочих, а также членов их семейств, то муку они получали по покупной цене с 10% надбавкой на содержание продуктовых складов ²⁴⁾.

Значительные изменения были внесены в это дело постановлением от 14 мая 1799 г. по докладу сената о довольствовании мастеровых людей Екатеринбургского ведомства горных заводов и монетного дела ²⁵⁾. Указывая, что по старым штатам 1737 г. мастеровые люди Екатеринбургского ведомства получают большей частью жалованье в размере 1 р. в месяц, из которого еще делаются вычеты на госпиталь, за харчи, одежду и обувь, выдаваемые из заводских магазинов с некоторой надбавкой, и т. д., доклад рисует отчаянное материальное положение работников, которые не могут выплатить причитающиеся с них платежи, и потому рекомендовалось выдавать рабочим хлеб еще на более льготных условиях, чем это делалось, а для тех из них, которые получают жалованье в размере от 1 до 3 рублей, даже даром, если себестоимость заготовки хлеба обходилась не дороже 50 копеек за пуд. Что касается „до получающих платы по рублю в месяц и ниже, разумея тут и малолетних, оных включая в 3 класс, давать указанный провиант без всякого из заработанных денег *вычета*, не взирая на цену, по какой бы он ни заготавливался“. При этом количество провианта, выдаваемого малолетним мужского пола, предлагалось оставить прежним для недостигших 12 лет, а для перешедших этот возраст отпускать в таком количестве, как полным работникам, с условием, чтобы дети употреблялись „к разбору руд и к другим работам соответственно силе каждого, производя за то обыкновенную донныне плату“. Относительно же девочек вопрос об участии их в заводских работах передавался на усмотрение родителей, а паек должен был выдаваться лишь до достижения ими 18 лет ²⁶⁾.

Указ 14 мая 1799 г., по мнению многих, коренным образом изменил условия существования горнозаводских рабочих. Так ли это?

Освобождение мастеровых от вычетов на госпиталь и лазарет, от процентных надбавок к ценам на хлеб, вещи и одежду и льготная выдача муки, конечно, внесли некоторое облегчение в положение рабочих людей. Но вследствие исключительной нищеты, свившей себе прочное гнездо среди горнозаводского

²⁴⁾ К. Пажитнов, цит. соч., т. I, стр. 95.

²⁵⁾ Первое Собрание Законов, № 18965.

²⁶⁾ Все эти предложения, получившие высочайшее утверждение, и составили указ 14 мая 1799 г.

населения, отдаленности заводов от торгово-промышленных центров, сильнейшего вздорожания жизни, значение тех крох, которые давал указ 14 мая, сводилось почти к нулю. С другой же стороны, он ухудшил положение некоторой части рабочих, а именно малолетних детей. Теперь не только определенно узаконяется употребление на работу детей с 12-летнего возраста, но и принимаются меры к тому, чтобы довести число таких малолеток до наибольших размеров. И разве можно предположить, что законодатель, суля изголодавшемуся населению лишний пуд хлеба в месяц за каждого 12-летнего мальчика, посланного на заводскую работу, преследовал другую цель, кроме желания воздействовать таким образом на тех родителей, которые хотели охранить слабые силы своих детей от губительной работы на предприятиях? Конечно, нет. И все душеспасительные рассуждения о нищете мастеровых людей, приводимые в докладе сената, не могут прикрыть той агрессивной политики, которую, в сущности, проводил указ 14 мая в отношении эксплуатации малолетних рабочих²⁷).

Во второй половине XVIII века, не менее твердо стремясь к использованию дешевой рабочей силы, как мы наблюдали это ранее в отношении нищих, бродяг и т. п., правительство стало привлекать в обязательном порядке ссыльных и ссыльно-каторжан, срок работы которых назначался соответственно тому числу лет, на которые они ссылались в Сибирь. Дети этих преступников не избегли участи своих родителей и не только работали совместно с ними, но по особым ходатайствам предпринимателей задерживались на больший срок, оставаясь на предприятии тогда, когда отцы их отпускались на „вольное пропитание“. Немецкий путешественник Паллас, побывавший в конце 60-х годов почти на всех предприятиях горной промышленности, не мог пройти мимо этого явления, считая его весьма полезным. Оказывается, что целые деревни заселялись ссыльными, которые в случае надобности использовывались на рудничных работах. Так, например, управляющий Ишкульским рудником, не имевший в своем распоряжении достаточного числа рабочих, по словам Палласа, „должен требовать людей для работы из Абаканского острога, коих ему оные из деревень Тес и Кепен отпускают. Сии деревни населены ради горных работ такими людьми, кои за свои преступления сюда

²⁷) К. Пажитнов считает, что указ 14 мая 1799 г. *запретил* употребление на работах детей моложе 12 лет, и сравнительным методом доказывает прогрессивность нашего законодательства (цит. соч., т. I-ый, стр. 53). Это положение представляется нам неверным, ибо закон 14 мая не запрещал использование труда детей в таком возрасте, а только устанавливал норму выдачи хлеба тем, в чьем труде промышленность была наиболее заинтересована. И, наоборот, все факты говорят за то, что и правительство и предприниматели стремились к использованию труда детей в их самом раннем возрасте.

ссылаются“²⁸⁾. Такой участи наравне с уголовными преступниками подвергались и политические. Тот же Паллас свидетельствует, что в районе Колывано-Воскресенского завода находились деревни, сплошь заселенные сосланными поляками и преступниками²⁹⁾. Вместе со своими детьми они употреблялись в заводских работах.

Анализ указов и законов, которые были изданы на протяжении XVIII века, не оставляет сомнений, что рабочее законодательство этого периода было направлено к возможно большому прикреплению приписных и крепостных крестьян, а также рабочих людей к предприятиям фабрично-заводской промышленности. И все на первый взгляд прогрессивные статьи тех или иных законодательных актов, направленные будто к улучшению положения рабочей массы, при более или менее критическом к ним отношении выявляют свой подлинный облик. Были, конечно, единичные случаи, когда правительство под влиянием тех или иных беспорядков принуждено было идти на известные уступки, но в общем и целом в жертву развивающейся фабрично-заводской промышленности и господствующих классов приносилось не только беднейшее крестьянство и мастеровые люди, но их малолетние и несовершеннолетние дети.

ГЛАВА IV

Первая половина XIX века

В первые годы царствования Александра I возобновившаяся в конце XVIII века политика поощрения фабрично-заводской промышленности развивалась в еще более быстром темпе, и купеческие предприятия сравнительно легко добывались различных льгот. Но при этом все более рельефно начинается проявляться стремление к использованию труда вольнонаемных рабочих, с одной стороны, и детей и подростков, с другой. Об'яснение этому следует искать отчасти в тех последствиях промышленного переворота в Англии, который открыл перед землевладельческим классом России богатые возможности вывоза хлеба. Последовавшее под влиянием этих причин вздорожание цен на труд крепостных принудило предпринимателей изыскивать новые резервы дешевой рабочей силы. И само собой разумеется, что взоры фабрикантов обратились на малолетних.

В первую очередь правительство и предприниматели стремились использовать тех детей, которые в больших количествах обретались в сиротских и воспитательных домах. Эти дети отдавались на фабрики с 10—12 лет впредь до достиже-

²⁸⁾ Паллас. Путешествие по разным провинциям Росс. империи, кн. 2, ч. II, стр. 471 (изд. 1786 г.).

²⁹⁾ Там же, стр. 211, 212.

ния ими совершеннолетнего возраста. Фабрикант обязывался выдавать им незначительную плату и, кроме того, содержать их на свой счет. Та же участь была уготовлена и тем бедным мещанским детям и сиротам, которые по тем или иным причинам не попали в воспитательные дома. В этом отношении интересный опыт был проделан с Александровской мануфактурой. Императрица решила с „благотворительной целью“, но так, чтобы это было выгодно упомянутому предприятию, использовать на нем труд таких малолетних. Поэтому в 1804 году было постановлено, что для „обучения“ на мануфактуре ремеслу из бедных и сирот набираются дети в возрасте от 12 до 15 лет; находясь на полном иждивении предприятия и получая содержание „прилично их состоянию“, они не могут претендовать на какую-либо плату. Лишь по истечении обусловленного в указе 6-летнего срока им выдается по 25 руб. Дальнейшая работа детей зависит от добровольного соглашения сторон. Прием детей на мануфактуру производился по желанию их отцов, а также городских и сиротских судов ¹⁾, что обеспечивало Александровскую мануфактуру необходимой рабочей силой.

Использование труда сирот из воспитательных домов наиболее часто встречается на частных предприятиях. Что же касается казенных фабрик, то здесь их труд применялся сравнительно редко, и нажим производился, главным образом, на детей государственных крестьян. И следует отметить, что в начале XIX века такая линия проводилась не менее, если не более твердо, чем раньше. Например, согласно положения 1806 года об Екатеринославской казенной суконной фабрике, рабочий день продолжался не более 12 часов, но дети на этом предприятии вступали на работу начиная уже с 10-летнего возраста; престарелые и увечные получали в год по 20 рублей на одежду, пищу и пр., а малолетние до определения их к занятиям—всего 6 руб., что, конечно, должно было повлиять на привлечение к работам детей государственных крестьян, прикрепленных к Екатеринославской фабрике, в наиболее раннем возрасте. Отметим, что еще в 1803 г., т.-е. до отдачи этой фабрики в ведение военного ведомства, рабочий день продолжался на ней 15 часов, и малолетние дети за эту работу получали в день: бабинщики и бабинщицы—по 3 коп., а прядильщики—по 6 коп. Следовательно, годовой заработок детей, из расчета 248 рабочих дней, колебался в размере от 7 р. 44 к. до 14 р. 88 коп.

Указом 1818 г. „об улучшении способов содержания фабричных Павловской и Екатеринославской суконных и лосиной фабрик и кожевенного при последней завода“ опять было подтверждено, что по достижении 10-летнего возраста дети

¹⁾ Первое Собрание Законов, № 21368.

мастеровых поступают в работу и, кроме задельной платы, получают наравне со взрослыми продовольственный паек, состоящий из 1 п. 32¹/₂ ф. ржаной муки и 1¹/₂ гарнца круп ²⁾.

Характерен пример из жизни частновладельческого предприятия. Мы имеем в виду волнения в 1811 г. среди рабочих Красносельской бумажной фабрики, принадлежавшей помещице Полторацкой, с которой у них был заключен специальный договор. Чиновник, командированный министром внутренних дел для расследования причин, вызвавших беспорядки, отметил, как непорядок, то, что мальчики моложе 15 лет вовсе не выходят на работу, а рабочий день продолжается не более 10 часов. Мнение ретивого чиновника было поддержано сенатом, который установил для этой фабрики *обязательную* работу детей, начиная с 12 лет ³⁾.

Это частное определение сената безусловно-показательно. Верховные органы власти не только не защищали малолетних детей от употребления их на вредной фабричной работе в столь раннем возрасте, но даже стремились ограничить для них возможности избежать ее. Правда, нередко раздавались голоса против эксплуатации малолетних и даже составлялись на эту тему проекты, но они не соответствовали интересам господствующих классов и находили себе место постоянного „упокоения“ в канцеляриях министерств. Так было, напр., с проектом министра внутренних дел Козодавлева о том, чтобы было запрещено принуждать к фабричным работам жен и детей мастеровых ⁴⁾. Не получили законодательного утверждения и многие другие предложения, исходившие от разных ведомств, хотя они и были частично использованы для положений об отдельных предприятиях. Все существенное, могущее действительно внести некоторое улучшение в условиях работы мастеровых и их детей, выкидывалось, причем приводились такие сентенции, как, напр., „вообще человеколюбие к крестьянам, ласковое с ними обращение, снисходительность и умеренность во взысканиях должны быть отличительными свойствами фабриканта“. Наряду же с этим министр внутренних дел в своем „Положении об учреждении особого состояния свободных мастеровых“ предлагал обязать детей их, достигших 15-летнего возраста, или поступать на фабрики, или избирать какое-либо иное занятие ⁵⁾.

Если в то время считалось возможным принуждать к работам детей свободных фабричных, то ясно, что в отношении малолетних сыновей казенных мастеровых такое закабаление проводилось в еще более широком масштабе. Так, например,

²⁾ Первое Собрание Законов. №№ 22099 и 27438.

³⁾ Тулан-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, стр. 138 (изд. 1898 г.).

⁴⁾ Там же, стр. 141.

⁵⁾ Нисселевич, стр. 81.

в положении о Тельминской казенной суконной фабрике определенно указывалось, что дети мастеровых приступают к работам, „силам их свойственным“, начиная с 10-летнего возраста, а с 15-ти лет зачисляются уже в разряд полных работников. На этом же предприятии, по старому обычаю, прикреплены были на вечные времена и дети фабричных свободного состояния, а также ссыльных и каторжан, в свое время отданных на фабрику. Не мечтая о полном увольнении от работ, дети эти неоднократно ходатайствовали хотя бы только о сокращении срока обязательного пребывания их на предприятии. После долгих мытарств они, наконец, добились в 1839 г. того, что для них был установлен 20-летний срок согласно положению о каторжанах ⁶⁾.

В положении о Петергофской гранильной фабрике (1830 г.) прямо устанавливалось, что дети старофабричных и казенных мастеровых мужского пола „принадлежат неиземлемо гранильной фабрике“ ⁷⁾.

Из приведенных примеров видно, что правительство, как и прежде, принимало меры, чтобы предоставить предпринимателям возможность широкого использования труда детей и подростков как свободного состояния, так и находящихся в крепостной зависимости. Однако, вследствие изданного в 1816 г. закона, запрещающего покупку крестьян владельцами предприятий обрабатывающей промышленности, не принадлежащими к дворянскому сословию, образовалась новая группа малолетних фабричных, которые, являясь крепостными помещика, работали на купеческих фабриках по договорам, заключаемым их владельцем с хозяином предприятия. Это были так называемые „кабальные рабочие“.

Как уже неоднократно отмечалось, те законодательные акты, которые разрешали купеческому сословию покупать к фабрикам и заводам помещичьих крестьян, усиливая торговый капитал, ослабляли вместе с тем дворянство, которое само пыталось устраивать в своих вотчинах промышленные предприятия и крепостные крестьяне которого оказывались, по сравнению с посессионными (прикрепленными к предпринятию или купленными фабрикантами не дворянами), в значительно худших материальных условиях. Это вызывало беспощадную войну между дворянско-помещичьим классом и нарождающейся торгово-промышленной буржуазией, которая велась на протяжении всего XVIII и начала XIX веков за право разночинцев приобретать к фабрикам крепостных крестьян. В зависимости от соотношения сил этих социальных групп издавались указы то разрешительного, то запретительного характера.

⁶⁾ К. Лажитнов, стр. 29; Балабанов, стр. 146.

⁷⁾ Первое Собрание Законов, № 3460.

В то время свободная рабочая сила, благодаря отсталой технике, особенно в центральной России, и своей дороговизне по сравнению с почти даровым трудом крепостных крестьян, не являлась особенно выгодной. Поэтому представители торгового капитала, пользуясь заинтересованностью правительства в развитии фабрично-заводской промышленности, настаивали на предоставлении им права покупать к предприятиям вотчинных крестьян, которые таким путем становились посессионными. Это, конечно, ослабляло не только экономическую мощь дворянства, но также и ту кустарную промышленность, развитие которой в среде крепостного населения стало принимать в начале XIX века особенно широкие размеры.

Не останавливаясь сейчас на деталях этой борьбы, укажем лишь, что в 1816 г. дворянству удалось одержать окончательную победу и покупка крестьян фабрикантами не дворянами была раз навсегда запрещена⁸⁾.

Торговый капитал, успевший вкусить сладость промышленной деятельности при правительственной поддержке и даровой рабочей силе, принужден был теперь обратиться к вольнонаемному труду, а именно посредством найма свободных рабочих и заключения срочных договоров на использование труда помещичьих крестьян.

Если и раньше вольному найму препятствовала высокая оплата труда таких рабочих, то теперь, благодаря новым ограничительным правилам, изъясшим с рынка огромную массу почти даровых рабочих, эта стоимость возросла еще более. Росту цен на рабочие руки не мало способствовала и быстро развивающаяся кустарная промышленность, всячески культивируемая дворянством. Поэтому, начиная применять все в больших размерах дорогую вольнонаемную рабочую силу, предприниматель не упускал возможности обеспечить себя более дешевым трудом.

Здесь на помощь промышленному капиталу пришли разоренные и убыточные помещичьи хозяйства, которые и для своего восстановления и для устройства фабрик и заводов нуждались в средствах. Эти средства мог им дать только торгово-промышленный капитал в обмен на необходимую ему рабочую силу, в излишках имевшуюся у помещиков. Взаимные интересы должны были привести к какому-либо соглашению, которое и было вскоре достигнуто. Оно заключалось в том, что помещики стали отпускать своих крепостных на фабричную работу, причем или крестьяне сами договаривались с фабрикантами об условиях работы, и помещики путем специальных налогов получали свою прибыль непосредственно с крестьян, или же договоры найма заключались непосредственно помещиком и фабрикантом — тогда жалованье брал

⁸⁾ Первое Собрание Законов, № 26504.

помещик, а крепостные без его разрешения не могли покинуть фабрику. Такие крестьяне, игравшие, как видим, пассивную роль в вопросе о посылке их на фабрику, об условиях их работы и пр., и получили наименование, четко характеризующее их положение — „кабальные рабочие“. Понятно, что эта форма „вольного“ найма распространилась особенно широко, так как она была выгодна и фабрикантам, ставя таких рабочих по отношению к ним в положение крепостных, и крепостных сравнительно дешевых, и помещикам, которые на полученные за крестьян крупные суммы поправляли свои дела.

Указанная форма найма рабочих приняла вскоре угрожающие размеры. Угрожающие потому, что заключение отмеченных договоров дало возможность обеим сторонам сравнительно легко обходить запретительный закон о посессионных крестьянах, и фактически покупка крепостных лицами не дворянского происхождения, вследствие трудности контролирования договоров о кабальных рабочих, продолжалась тем же темпом, что и раньше. Если первоначально кадр „кабальных“ рабочих составляли дети 10 — 12-летнего возраста, отдаваемые на фабрику обычно сроком на семь лет, то впоследствии договоры стали заключаться на крестьян всех возрастов обоого пола. Это встревожило ту часть крупных землевладельцев, которая в течение почти столетия старалась выбить из рук торгово-промышленного класса сильнейшее орудие конкуренции — дешевую рабочую силу. Вот почему к концу первой четверти XIX века все чаще и чаще раздаются протесты против нового института кабальных рабочих, в конечном итоге заменившего собою покупку крепостных промышленными предприятиями. С своей стороны, сами кабальные рабочие, которым закон 1816 г. был известен, не раз волновались, указывая, что по существу своему их новое положение ничем не отличается от того, в котором находились ранее покупаемые фабрикантами крепостные. В результате указом 10 апреля 1823 г. помещикам было запрещено отдавать своих крепостных в наем не дворянам⁹⁾.

Владельцы промышленных предприятий не хотели примириться с этим новым законом, тем более, что рост кустарной промышленности повлек за собою сокращение предложений рабочей силы, тем самым повысив цены на вольнонаемный труд. Поэтому, несмотря на указ 1823 г., заключение договоров между разночинцами и помещиками на труд крепостных не прекратилось, причем чаще всего объектом этих сделок являлись малолетние, рабочая сила которых оценивалась значительно дешевле. Закона 1823 г. оказалось недостаточно, и 16 июля 1825 г. последовало высочайшее утверждение поло-

⁹⁾ Первое Собрание Законов, № 29416; М. Тулан-Барановский, Русская фабрика, стр. 95.

жения комитета министров, которым абсолютно запрещалась отдача крепостных на фабричные и заводские работы с заключением условий от имени помещика; за невыполнение этого постановления помещик наказывался тем, что отданный на фабрику крепостной получал свободу¹⁰⁾.

Этот запрет вызвал более интенсивное применение вольнонаемного труда вообще и усиленную эксплуатацию детей и подростков в особенности, а также заставил фабрикантов искать новых путей для обхода ограничительных законов. И лазейка нашлась довольно скоро. Помещики стали заключать теперь с предпринимателями договоры на отдачу крепостных не для фабричной работы, а на обучение их тому или иному производству. В ту пору в обучение могли приниматься только дети, не достигшие 15 лет, и, следовательно, ограничения существовали лишь для более старших возрастов. Ясно, что это должно было способствовать более широкому применению труда малолетних рабочих.

Набираемые из воспитательных домов, а также из крестьянских хозяйств, разоряемых помещичьими поборами, и отдаваемые землевладельцами в „обучение“, дети эти подвергались жестокой эксплуатации. Заработную плату получали они самую мизерную, да и то весьма часто она не выдавалась им на руки, а отсылалась домой или помещикам, или родителям. Рабочий день продолжался в среднем 14—15 часов, доходя на спичечных фабриках и стекольных заводах до 18-ти часов в сутки. На многих предприятиях перерыв между сменами не превышал 6-ти часов, и таким образом дети буквально не успевали отдохнуть или выспаться. На суконной фабрике Вигеля десятилетние дети работали зимою 15—17, а летом 14—16 часов¹¹⁾. В общем малолетние работали на равных условиях со взрослыми, причем разница наблюдалась, главным образом, в заработной плате, которую дети получали в значительно меньших размерах. Крестьяне, остававшиеся в имении помещика, должны были вносить налоги за тех, которые были отправлены на фабрики и за которых он получал соответствующую плату, что влекло за собою, конечно, разорение и обнищание крестьянских дворов.

Нет ничего удивительного, что на этой почве среди помещичьих крестьян нередко возникали волнения и беспорядки, обычно подавляемые вооруженной силой. В эту эпоху, эпоху реакции, правительство боялось обнародовать какой-либо указ или циркуляр, ограничивающий произвол фабриканта и помещика, ожидая, что он только „возбудит“ в крепостных мысль

¹⁰⁾ Там же.

¹¹⁾ Об условиях работы несовершеннолетних см. мою книгу „Труд детей и подростков в фабрично-заводской промышленности России (от 17 века до Октябрьской революции) том I (Госиздат).

о неповиновении и освобождении из-под помещичьего ига. Поэтому правительственные мероприятия ограничивались, главным образом, рассылкой помещикам секретных циркуляров, в которых мягко и деликатно говорилось о необходимости ослабить эксплуатацию и произвол и заботиться о благосостоянии своих людей. Такой циркуляр был разослан в связи с волнениями крестьян, принадлежавших помещику Груздеву¹²⁾. В нем предписывалось губернским и уездным предводителям дворянства наблюдать, чтобы помещики при учреждении фабрик и заводов избегали обращения крестьян целыми селениями к фабричным работам, чтобы посылаемым на работу давались некоторые льготы и облегчения и „чтобы помещики пеклись о содержании и благосостоянии людей, не изнурая трудами, слишком тягостными, и принимая в соображение пол, возраст и силы каждого“. Об этом же и примерно в тех же выражениях говорил и министр финансов Канкрин в 1835 г., считавший необходимым внушить фабрикантам, чтобы малолетние дети не подвергались изнурению слишком продолжительной дневной и ночной работой. Но все эти внушения и просьбы, рассчитанные на гуманность помещиков и промышленников, не привели к осязательным результатам, и эксплуатация малолетних крестьянских детей, с 10-летнего возраста посылаемых на фабрики и заводы, нисколько не уменьшилась.

Фабричные и помещичьи крестьяне, конечно, не мирились с этим положением. Волнения среди них, начавшиеся на Вознесенской мануфактуре купца Лепешкина, достигли особенно больших размеров среди крестьян, принадлежавших калужским помещикам Дубровиным и частично находившихся на московских бумагопрядильнях. Они вызвали ряд следствий и обследований, из которых одни, направленные к выяснению причин этих беспорядков, привели в конечном итоге к осуждению нескольких десятков фабричных и вотчинных крестьян, а другие, стремившиеся выяснить положение малолетних рабочих на всех московских бумагопрядильнях, завершились изданием *закона 7 августа 1845 г. „о воспреещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста“*¹³⁾.

Долгое время историки русской промышленности и фабрично-заводского законодательства считали, что первым ограничительным о детском труде законом является закон 1 июня 1882 года, и это потому, что исследователи принимали за аксиому, что никакого ограничительного законодательства в крепостную эпоху не могло быть, что появление его связано с ростом рабочего класса и рабочим движением, которое стало

¹²⁾ Архив министерства внутренних дел, деп. полиции исполнительной, 2-ое отд., 2 ст., дело № 398 за 1833 г.

¹³⁾ Первое Собрание Законов, № 19262.

играть роль лишь в последней четверти XIX века. Но М. Туган-Барановский опроверг это мнение, указав на закон 7 августа 1845 г., открытый им в полном собрании законов. Этот закон привлек его внимание в значительной мере тем забвением, которому его быстро предали, а также тем, что до последнего времени об его существовании и не догадывались. Позднейшие историки фабричного законодательства и рабочего класса¹⁴⁾ продолжали игнорировать этот закон, считая, что отсутствие практических результатов оправдывает столь невнимательное к нему отношение. Немного подробнее останавливается на этом законе только М. Балабанов¹⁵⁾, более полно использовавший материал комитета министров. То, что интересующий нас закон не попал в Свод законов и что неизвестны случаи его применения, дало исследователям возможность не признать за ним права называться первым ограничительным законом о малолетних рабочих. По этому пути пошел и И. Татаров, утверждающий, будто именно „закон 1 июня 1882 года — первый закон о малолетних в России“¹⁶⁾.

Между тем, то обстоятельство, что закон 1845 года был издан, с одной стороны, в эпоху сильнейшей реакции и обострения противоречий крепостного хозяйства, а с другой — под непосредственным воздействием беспорядков на бумагопрядильне купца Лепешкина (Вознесенская мануфактура) и в калужском имении помещика Дубровина, заставляет нас обратить на него особое внимание. Отысканные нами архивные материалы проливают свет на это, на наш взгляд, незаурядное событие в жизни крепостной России, объясняют те причины, которые вызвали сперва издание закона 1845 г., а затем — забвение его.

Помещик Калужской губернии, Масальского уезда Дубровин из общего числа принадлежавших ему 2.504 душ отдал в 1842 г. на бумагопрядильню Лукина, Скуратова и К^о 200 мальчиков и девочек „для обучения“, а в течение 1843 — 44 гг. послал на бумагопрядильную мануфактуру купца Лепешкина еще 600 крестьян обоего пола и разного возраста.

3 июня 1844 г. помещик Дубровин сообщил приставу Дмитровского уезда Шатилову¹⁷⁾, что принадлежащие ему и находящиеся на бумагопрядильне Лепешкина крестьяне вышли из повиновения и прекратили „лежащую на их обязанности фабричную работу“, почему он и просит пристава принять над-

¹⁴⁾ А. Быков. Фабричное законодательство и развитие его в России (П. 1909 г.). — К. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, ч. I.

¹⁵⁾ М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I (изд. 1924 г.).

¹⁶⁾ И. Татаров. Закон 1 июня 1882 г. о труде малолетних (статья в журн. „Комсомольская летопись“ № 3, стр. 66, прим. 2-ое).

¹⁷⁾ Фабрика Лепешкина находилась в Дмитровском уезде, Моск. губ.

лежащие меры¹⁸⁾. Шестьсот человек, действительно, бросили работу и намеревались идти в Москву за защитой¹⁹⁾, но приставу удалось уговорить их, и они остались на фабрике, ожидая решения по их делу.

Фабричные крестьяне показали, что Дубровин отправил их на фабрику сроком на восемь лет, обещав предоставить оставшимся членам их семейств большие льготы в господских работах. Однако, эти обещания помещик не выполнил, отчего их домашние терпят острую нужду. Оказать же помощь своим семействам они не могут, так как *заработанные ими деньги получает сам Дубровин*. На допросах временного отделения Дмитровского уездного суда крестьяне показали, что, когда они стали просить Лепешкина о выдаче им заработка, последний заявил, что все деньги он уже отдал вперед помещику Дубровину. Между тем, как они слышали, Дубровин с оставшихся в деревне крестьян требует подати за находящихся на фабрике. Кроме того, все допрошенные заявили, что посланы они были на фабрику против своего желания и что значительное большинство их были отосланы на фабрику вместе с малолетними детьми, племянниками и воспитанниками. Приведем показания некоторых из них.

Прокофий Михеев — послан на фабрику на 8 лет, вместе с женой и *малолетней* племянницей. Денег за работу они не получают, а в деревне стариков заставляют работать за всех отсутствующих.

Петр Алфимов — на фабрику послан с племянником *подростком*. Остальные условия работы те же.

Кир Емельянов — на фабрике с 1843 г. вместе с *малолетками*, сыном и племянником. Дома осталась жена с дочерью и тоже племянником. За это время помещик отнял у них землю, которой они пользовались при оброке, и всячески стесняет. *Никаких денег никто из них не получает.*

¹⁸⁾ *Архив государств. совета, деп. гражд. дел, дело № 130 за 1848 г.* — „О возмущении крестьян помещиков Дубровиных и о производивших следствие исправнике Мясоедове и др.“ на 153 листах. Дело о беспорядках на Вознесенской мануфактуре интересовало самые различные ведомства — мин. внутр. дел, мин. финансов, моск. губернатора, сенат и государств. совет. К сожалению, в архивах первых двух ведомств это дело не сохранилось, и только некоторые отрывки из него известны были из материалов комитета министров. Нам удалось найти указанное дело, которое заполняет наблюдавшийся пробел, заключая в себе копии докладов различных чиновников и комиссий, о существовании которых ранее можно было только догадываться. Дело это, начавшееся в Дмитровск. уезде, побывало в самых различных инстанциях, обрастало постепенно приложениями, заключениями и т. п., переходило из одного учреждения в другое, пока не попало в государств. совет, который только в конце 1848 г. положил последнее решение.

¹⁹⁾ По свидетельству московского гражд. губернатора, посетившего после беспорядков Вознесенскую мануфактуру, на ней находилось всего около 2.000 рабочих обоего пола и разного возраста. *Архив гос. совета. Прилож. к журналу комитета министр. за 1845 г. март, ч. II. Рапорт моск. гражд. губернатора).*

Афан. Лукьянов — работает на фабрике с двумя детьми, племянниками, а двое малолетних пасынков еще в 1842 г. были отправлены на фабрику Скуратова.

Яков Сафронов — отдав помещику оброк за 1844 г., заплатив за себя казенные подати, мог бы остаться дома, однако помещик послал его вместе с малолетней воспитанницей на фабрику.

Андрей Севастьянов — сам был послан на фабрику Лепешкина, а его малолетний сын на бумагопрядильню на реке Наре. Ни он, ни его сын жалованья не получают.

Екатерина Семенова — до 300 малолетних детей обоего пола находятся без отцов и матерей при фабрике на реке Наре.

Так как показания были отобраны от всех взрослых 198 фабричных крестьян, а малолетних не допрашивали, то, принимая во внимание, что в „явном возмущении“ было не менее 500 человек, надо считать, что из этого числа на долю малолетних детей приходится примерно 275 человек ²⁰⁾.

Между тем, события продолжали развиваться. Отпущенный приставом делегат фабричных Дмитриев, приехав в имение, собрал крестьян для совместного обсуждения создавшегося положения. Они отправили через Дмитриева письмо к Лепешкину, в котором просили его принять участие в их судьбе, ибо — „что у него (Дубровина) жить, лучше в горячей смоле кипеть“. Допрошенные по этому поводу вотчинные крестьяне показали, что они действительно участвовали в составлении письма к Лепешкину, так как считали себя потерпевшими „по невознаграждению помещиков за отправленных на фабрику детей“. Казалось бы, что это менее важная причина недовольства, чем, напр., принуждение вотчинных крестьян к уплате податей за крестьян, посланных на фабрику, но в действительности для вотчинных крестьян имела громадное значение неуплата денег за труд детей, так как если бы дети не были отправлены на фабрики, они помогали бы им в хозяйстве. Конечно, эта причина являлась далеко не единственной, но она была выставлена под давлением Дубровина и тех чиновников, которые допрашивали крепостных. Дело в том, что Дубровин в виду закона, запрещавшего отдачу крепостных в наем лицам не дворянского происхождения, не будучи уверен в благополучном для себя исходе этих событий, стремился к компромиссному соглашению с крестьянами и обещал им часть их детей возвратить, а за остальных выплачивать по 25 р. асс.

²⁰⁾ Цифра для того времени огромная. Ведь надо иметь в виду, что речь идет о кабальных рабочих, которые посылались помещиком на фабричную работу в принудительном порядке и которые не брали с собой детей для совместной жизни, как это встречаем мы у вольнонаемных. Здесь малолетние представляют собою тех же в полном объеме эксплуатируемых рабочих, что и их родители.

в год. Крестьяне же, опасаясь кары за неповиновение помещику, которое выразилось в отправке письма к Лепешкину и в участии в сходе, заявили следователям, что они никаких претензий к помещику не имеют.

Возможно, что этим дело бы ограничилось, если бы начальник Калужской губернии не поручил уездному предводителю дворянства произвести секретное расследование. Выяснилось, что крестьяне жаловались не только на неуплату денег за детей, но и на отправку большой партии работников на фабрики, благодаря чему их хозяйства разорились, и что следствие производилось с пристрастием. Тогда калужское губернское правление признало необходимым, во-первых, членов врем. отделения Масальского земского суда²¹⁾ предать уголовной ответственности за беспорядки, допущенные при следствии, с целью обелить Дубровина, и, во-вторых, доставить Дмитриева обратно в Масальский уезд для допроса и предания суду за возмущение вотчинных крестьян. При всем том калужское правление сочло необходимым изыскать способы к ограждению крепостных Дубровина от притеснений с его стороны.

С этого момента начинается вторая глава в истории беспорядков на Вознесенской мануфактуре, ибо крестьяне категорически отказались выдать стражникам Дмитриева, фабричные стали вести себя более активно и, в конце концов, толпой в 500 человек направились в Москву требовать защиты. В 15 верстах от нее они были встречены отрядом войск под командой кн. Вяземского, которому московским военным генерал-губернатором было поручено остановить продвигающихся крестьян. Были пущены в ход „полицейские меры“, после чего крестьяне „согласились“ вернуться.

Оставшиеся на фабрике крестьяне были допрошены. Показания их дают ясное представление о той эксплуатации, которой они подвергались в имении помещика и на фабрике предпринимателя. Так, Емельянов, посланный на фабрику в 1843 г. в числе 109 крестьян разного возраста, показал, что им было объявлено, что каждый из них, сверх получаемых Дубровиным по 40 р. асс. за душу, будет иметь столько, сколько сумеет выработать, причем Дубровин обязался вносить за них подати и земские повинности из своих средств. Вскоре число отправленных на фабрику превысило 600. Но обещаний своих Дубровин не выполняет, и разоренные семьи терпят острую нужду из-за отсутствия рабочих рук²²⁾.

Прохор Артемьев дал оценку и купцу Лепешкину, который считал, что никакие деньги этим работникам не нужны, и они должны довольствоваться платьем и пищей, которую он им дает.

²¹⁾ В Масальском уезде находилось имение Дубровина.

²²⁾ У Емельянова нашли при обыске письмо, в котором его отец писал, что для уплаты податей и исправления повинностей помещик принудил его продать имевшийся у него скот.

Фабричный крестьянин Григорьев сообщил интересные данные о своей семье. Состоит она из 14 человек, из которых он, жена с сестрою, *малолетние* племянник и племянница были отправлены на фабрику Лепешкина, другой *малолетний* племянник — на фабрику Фомина, а остальные — отец 50 лет, брат с женою, матерью и двумя маленькими детьми — были оставлены в имении, причем отец был взят на господский двор. Распыляя так целую семью, помещик сулил им всяческие блага, а в результате и находящиеся на фабрике, и оставшиеся в крестьянском хозяйстве впали в крайнюю нужду.

Семен Фирсов также подчеркивал систему рассылки членов одной семьи в разные места. Так, он сам с *малолетними* сыном и племянником были отправлены на фабрику Лепешкина, а два другие племянника и дочь, все *малолетки*, были отданы на фабрику Фомина.

С подобными же жалобами выступили и вотчинные крестьяне²³⁾, выясняя, как разрушительно отозвалась на крестьянском хозяйстве отсылка крестьян, в частности — детей, на фабрики.

Сам Дубровин старался доказать, что жалобы крестьян неосновательны и что меры, им принятые, вызваны единственно заботами о крепостных. Отмечая, что купил он имение в скверном состоянии, Дубровин говорил, что единственным выходом из создавшегося положения являлось устройство бумагопрядильной фабрики, как это сделали многие уже помещики, но голод и неурожай 40-х годов приостановили начавшиеся было подготовительные работы, и он должен был поэтому послать 800 своих крестьян на московские фабрики для *обучения*. Дубровин считал, что жалобы оставшихся в имении несправедливы, ибо он обещал за каждого *малолетнего* выдавать по 25 р. асс. в год²⁴⁾; отправка части крестьян на фабрики не ухудшила положения остальных потому, что „они на производимые им денежные зачеты²⁵⁾ могут нанимать себе работников за весьма небольшую плату, которая в половину оных менее...

²³⁾ Распоряжением 29 авг. 1844 г. за № 4029 м-ра внутр. дел чиновник особых поручений Баранович был командирован для расследования дела о неповиновении крестьян помещиков Дубровиных. В помощь к нему каужский губернатор прикомандировал чиновника особ. поручений Мансурова. Приступив 16 сент. 1844 г. к следствию, чиновники решили, что его нужно вести не только в имении Дубровина, но и на фабрике Лепешкина, Скуратова, Фомина и К⁰, на которых работают малолетние, посланные Дубровиным. Независимо от этого ими были допрошены и передпрошены все лица, имеющие отношение к событиям на бумагопрядильне Лепешкина, причем оба чиновника создали такую атмосферу, что допрашиваемые смело говорили правду (самого дела в архиве этого министерства не сохранилось; личное дело Барановича погибло в пожаре 1865 года).

²⁴⁾ *Архив гос. совета*, дело № 130 за 1848 г. Показания Дубровина (л. 80 — об.).

²⁵⁾ В своих показаниях все крестьяне единодушно отрицают эти зачеты.

большая же часть крестьян не находили средств пропитывать детей своих и отправляли их просить милостыню²⁶⁾.

Теперь посмотрим, в качестве кого работали на фабриках дубровинские крестьяне и в каких условиях протекала их работа.

Как известно, первая партия малолетних крестьянских детей в количестве 200 чел., против их воли и родителей, была отправлена Дубровиным на фабрику Лукина и К^о ²⁶⁾. Хотя непосредственного участия в беспорядках на Вознесенской мануфактуре дети эти и не принимали, но и сами крестьяне и следовательно Баранович понимали, что все это звенья одной цепи, почему в материалах следствия имеется не мало данных о первой партии малолетних кабальных рабочих, на которых между Дубровиным и Лукиным был заключен специальный договор ²⁷⁾.

Официально предметом этой сделки являлось обучение на фабрике разным частям прядильного производства около 200 мальчиков и девочек, доставляемых помещиком Дубровиным. Однако, уже второй пункт договора приподнимает завесу, и мы начинаем ощущать, что дело обстояло не так просто. Во втором пункте определяется число малолетних рабочих каждого возраста: десятилетнего возраста может быть прислано детей не более четверти всего числа, а остальное должно быть равномерно распределено между детьми от 11 до 14-ти летнего возраста. Ясно, что этим пунктом Лукин стремился обеспечить себя известным количеством рабочих, более пригодных по возрасту для фабричной работы. Все присланные дети должны были пробыть на фабрике по 5 лет и 4 месяца. Относительно материального обеспечения было договорено, что работники будут снабжены крепкой одеждой и бельем самим Дубровиным ²⁸⁾, владельцы же фабрики обязывались давать им харчи, как и прочим рабочим своего предприятия, в случае болезни лечить на свой счет и выдавать дубровинским людям на руки ежегодно определенные суммы, распределявшиеся между рабочими не равномерно, а по усмотрению хозяина. Те 9 рубл., которые являлись максимальной цифрой среднего годового заработка малолетнего рабочего, следует признать чрезвычайно ничтожными, ибо *месячная* выработка рабочего на посессионных фабриках в то время редко спускалась ниже 3 р. сер. ²⁹⁾. Фабрикант должен был выплатить частями за эти годы еще известную сумму, но эти деньги шли уже самому Дубровину, хотя

²⁶⁾ Фабрика Лукина, Скуратова, Фомина и К^о на реке Наре в Верейском уезде, Московской губ.

²⁷⁾ *Архив государственного совета*, дело № 130 за 1848 г. Условие Дубровина с Лукиным (л. 84 — об. и 85).

²⁸⁾ Из показаний крестьян известно, что эта обязанность была переложена Дубровиным на плечи крепостных.

²⁹⁾ *Тулан-Барановский*, стр. 193 и др.

по договору они предназначались тем семействам, члены которых были отправлены на фабрику.

Итак, из приведенных пунктов договора явствует, что Дубровин отправил малолетних крестьянских детей обоего пола на фабрику Лукина не для обучения их прядильному производству, а с целью получить значительную прибыль из их фабричной работы. Иначе говоря, не извлекая прибыли от участия их в крестьянских работах, Дубровин продал фабриканту их рабочую силу, заключив с ним договор от своего имени. Таким образом, эти малолетние дети стали не чем иным, как теми крепостными и „кабальными рабочими“, институт которых был уничтожен законами 1823 и 1825 гг. Ссылка же на обучение крестьян производству противоречила существовавшим тогда правилам, по которым 15-летний возраст являлся предельным для отдачи в учение. Это было отмечено калужским губернским правлением: помещики Дубровины, „стараясь усилить свои выгоды... отдали в работы на фабрики *под предлогом обучать* фабричному мастерству более 200 чел. обоего пола от 7 до 45-летнего возраста“³⁰⁾.

Первый опыт натолкнул помещика на мысль о еще более широком использовании крепостных. С осени 1844 г. на бумагопрядильную фабрику купца Лепешкина начинают отправлять значительные партии вотчинных крестьян обоего пола в возрасте от 10 до 45 лет. Дубровины отдали 600 крестьян от 14 до 45 лет на фабрику „для обучения“ на четыре года.

Сущность этого обучения вскрывается пунктами договора, по которым крестьяне должны были, во-первых, исполнять фабричные работы по указанию Лепешкина, причем Дубровин обязывался приводить непокорных к послушанию, а, во-вторых, тем, что на помещика возлагалась обязанность—путем предоставления оставшимся семьям различных льгот—поощрять фабричных крестьян к учению и работе.

Крестьяне, однако, показали, что их ничему не обучали, обращая на подсобные работы. Те 26 р. 78¹/₂ к. сер., которые выкладывал ежегодно Лепешкин за каждого присланного работника, распределялись так, что 12 р. 50 к. выдавались самому помещику, а остальные 14 р. 28¹/₂ коп. шли на покрытие расходов по содержанию фабричных. Фабрикант понимал, что результатом такой неоплачиваемой работы, когда на той же фабрике было занято значительное количество вольнонаемных рабочих, могут быть беспорядки и волнения, способные захватить всех рабочих вообще. И, чтобы избежать этого, фабрикант выступил в защиту интересов крепостных крестьян.

Помещик утверждал, что „малолетние дети, посланные на фабрики, имеют спокойное помещение, здоровую пищу,

³⁰⁾ Архив юсуд. совета, дело № 130. Распоряжение калужского губ. правления, л. 88.

по летам своим соразмерную и неотяготительную работу и, приучаясь с малых лет к опрятности и порядку, от регулярной и порядочной жизни имеют свежий цвет лица, веселы, добры и здоровы". Это трогательное описание условий фабричной работы малолетних трудно вяжется с тем, что, согласно договора, дети должны были подчиняться общему фабричному режиму, работая днем и ночью по 14—16 часов в сутки. И даже калужское губ. правление должно было признать, что Дубровин отправлял на фабрику крестьянских детей в таком возрасте, когда „они требовали еще попечения родителей“.

Признав, с одной стороны, что Дубровин, „стараясь усилить свои выгоды“, противозаконными действиями разорил своих крестьян, отдал на фабрику таких малолетних, которые ни в коем случае не могли быть по своему возрасту удалены из дома, а, с другой, что крестьяне были доведены до отчаянного положения,—калужское правление постановило предать их суду, обвиняя в самовольном оставлении фабрики и в „невнимании в полной мере внушениям начальства, принявшего участие в их положении“. В результате несколько крестьян понесли тяжкое наказание, Дубровин же не подвергся никакой каре ³¹⁾.

Однако, грубое нарушение законов со стороны помещика, его „притеснительный образ правления“ и солидарные действия вотчинных и фабричных крестьян повлекли за собою детальное обследование причин, вызвавших эти волнения. Беспорядки на Вознесенской мануфактуре обратили на себя особое внимание московского гражданского губернатора гр. Капниста, который пуше всего боялся нарушения общественного спокойствия и поэтому настаивал на запрещении устраивать вблизи Москвы новые фабрики или во всяком случае на ограничении их числа, указывая, что в таком фабричном городе, как Москва, „скопление большого числа фабричных людей не может не представлять справедливого опасения при случайности неурожая или при дороговизне хлеба“ ³²⁾. События на фабрике Лепешкина взволновали губернатора, и он подал на высочайшее имя соответствующий рапорт ³³⁾. Правда, беспорядки освещены им чрезвычайно поверхностно и в благополучном виде, но сам-то он, повидимому, придавал им более серьезное значение. Капнист счел необходимым объехать наиболее крупные предприятия губернии,—после чего представил специальный доклад, в котором подробно излагает условия работы на фабрике Лепеш-

³¹⁾ О причинах, вызвавших беспорядки среди дубровинских крестьян, а также условиях их труда и быта см. мою статью „Первый ограничительный закон о труде малолетних—7 августа 1845 г.“ в журнале „Комсомольская летопись“, № 4, стр. 53—83 (Москва, 1926 г.).

³²⁾ Архив гос. совета. Приложение к журналам комитета министров 1845 г. март, ч. II. Рапорт московск. губернатора за 1844 г.

³³⁾ Архив гос. совета. Приложение к журналам комитета министров 1845 г. апрель ч. I, л. 830.

кина³⁴⁾. Именно этот доклад и дал первый толчок к проработке закона 1845 г. о ночной работе малолетних.

Капнист указывал, что, „хотя при содействии машин труд работников значительно облегчается, но, судя по образу производства самих работ, требующих непрерывного действия в продолжение дня и самой ночи, нельзя не заметить, что ночное бдение и работа, не взирая на учрежденные смены работников, не может быть для них не тягостною, особенно для детей, занимающихся на фабрике от 10-летнего возраста“. Он полагал, что „при кротком и справедливом введении“ можно было бы достигнуть такого распределения работ, которое уменьшило бы количество ночных часов. Но даже ласковое и осторожное обращение не произвело на фабрикантов ни малейшего впечатления. Тогда Капнист пытался повлиять хотя бы на одного только Лепешкина, питая надежду, что другие предприниматели последуют примеру своего собрата.

Доклад московского губернатора обратил на себя внимание Николая I, и по распоряжению последнего комитет министров предложил министру финансов представить свои соображения об „удобнейшем распределении работ на московских фабриках и об уменьшении времени ночного производства оных, весьма отяготительного для рабочих, особенно для малолетних детей“³⁵⁾.

По собранным сведениям выяснилось, что ночные работы наиболее широкое распространение получили на бумагопрядильных фабриках, на которых занято более 3.000 малолетних рабочих. Министерство финансов решило, что вопрос этот необходимо предварительно обсудить в московском отделении мануфактурного совета. Последнее, в свою очередь, пригласило „известнейших“ фабрикантов Лепешкина и Скуратова, которые представили по этому вопросу свои соображения, сводившиеся к следующему: 1) Прекращение ночных работ малолетних принесет вред не только фабрикантам, но и рабочим, так как фабрикантам придется заменить малолетних более дорогими взрослыми и рабочие потеряют тот заработок, который до сих пор приносили им дети. 2) Дети заняты фабричной работой не более 11½ часов в сутки, причем непрерывно она тянется только 6 часов, затем дается 6-ти часовой же перерыв, потом опять 6 часов работы и т. д. „Следовательно, говорили фабриканты, предполагаемое вредное влияние ночной работы, *ослабляемое привычкой*, вполне вознаграждается сокращением рабочего времени и продолжительнейшим отдыхом“. Далее фабриканты соглашались распределить работу таким образом,

³⁴⁾ *Архив гос. совета. Приложение к журналу комитета министров 1845 г. март, ч. II, № 554. Рапорт московского губернатора за 1844 г.*

³⁵⁾ *Архив гос. совета. Приложение к журналу комитета министров 1845 г. июль, л. 824.*

чтобы дети до 12 лет на ночную работу (от 12 ч. ночи до 6 ч. утра) вовсе не употреблялись³⁶⁾.

Московское отделение мануфактурного совета, считая, что 12-часовая работа малолетних не является для них тягостною, что 6-часовую работу сряду „нельзя считать утомительною, когда за нею следует 6-часовой отдых“, признало предложение Лепешкина и Скуратова вполне приемлемым. Министр финансов, с своей стороны, добавил лишь, что раз в законах нет ни запрещений, ни разрешений на ночную работу, ни указаний на ее продолжительность и раз рабочие нанимались на фабрику с объявлением условий, то, соглашаясь на наем, рабочий тем самым изъявлял согласие „на время производства работ“. Указав, что имеются фабрики, рассчитанные на ночную работу, и потому запрещение таковой может нанести фабрикантам большие убытки, но все же, считая, что ночная работа тягостнее дневной, министр финансов поддержал готовность московских фабрикантов на недопущение детей до 12-летнего возраста к ночной работе, заявив при этом, что сокращение работы малолетних „для сих последних (т. е. для рабочих) не может быть слишком обременительным“.

7 августа 1845 г. был издан закон о воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста³⁷⁾.

В тексте этого закона обращает на себя внимание отсутствие указаний на ответственность предпринимателей в случае его нарушения. Этот пробел представляется не случайным. Не следует забывать, что в крепостную эпоху законы, ограничивавшие право господствующих классов, издавались чрезвычайно редко и зачастую облекались в форму секретных циркуляров³⁸⁾. Это делалось, с одной стороны, из-за боязни вызвать неудовольствие, а может быть и активное противодействие среди той или иной классовой группировки, в данный момент оказывающей на политику правительства наибольшее давление, а с другой, памятуя „всегдашнюю наклонность черни к освобождению от власти помещичьей“. И закон 1845 г., ничего не говоривший об ответственности фабрикантов за его нарушения, не попал в свод законов и уподобился, таким образом, почти секретному циркуляру.

³⁶⁾ Журнал комитета министров, 24 июля 1845 г. л. 606.

³⁷⁾ Первое Собрание Законов, № 19262 (распубликован 13 сент. 1845 г.). В законе сказано, что „вследствие представления министра финансов в комитет министров от 24 июля и 7 августа т. г. его имп. велич. „высочайше соизволил обязать подписками хозяев фабрик, на коих производится работа по ночам, чтобы они малолетних рабочих 12 лет и моложе не назначали в смену с полуночи до 6 час. утра, и наблюдение за сим представить местному начальству“.

³⁸⁾ См. ранее секретный циркуляр мин. внутр. дел от 26 дек. 1833 г. о вотчинных крестьянах, переводимых на фабричные работы.

Значение закона 7 августа заключается не только в том, что он явился ответом на возмущение крестьян Дубровиных. Мы уже неоднократно имели возможность убедиться, что и помещики, и фабриканты, и даже высшие чины различных министерств зачастую подкрепляли свои рассуждения ссылками на отсутствие в законодательстве тех или иных правил запретительного характера. И нам кажется, что значение закона 1845 г. заключается также и в том, что, запрещая ночную работу для детей, не достигших 12-летнего возраста, он тем самым подтвердил право фабрикантов на использование труда малолетних вообще, а для достигших 12-ти лет — также и в ночное время.

Итак, мы видим, что беспорядки среди крестьян в *вотчине* Груздева в 1833 г. привели лишь к секретному циркуляру, которому к тому же комитет министров оказал сильнейшее противодействие, так что потребовалось даже личное вмешательство Николая I, а волнение крестьян на *купеческой* фабрике имело своим результатом ограничительный закон. Таким образом, понятно, что не менее существенное значение указа 7 августа 1845 г. заключается в том, что самим фактом его издания дворянско-помещичий класс нанес купеческому сословию очередной удар, хотя в дальнейшем предпринимателям и удалось принять меры к его обезвреживанию.

Во всяком случае, отдача малолетних детей на фабричную работу не только родителями, но и их помещиками, с заключением предпринимателями договоров с последними, продолжалась. Запрещение допускать их к работам в ночное время осталось лишь благим пожеланием. И этому могло способствовать то „уложение о наказаниях уголовных и исправительных“, которое было издано тогда же — 15 августа 1845 г.³⁹⁾ Согласно ст. ст. 1791 и 1792, в случае „явного неповиновения фабричных и заводских людей владельцу или управляющему заводом, оказанного целой артелью или толпою“, виновные подвергались лишению всех прав, наказанию плетью и ссылке на рудники сроком на 15—20 лет, а „за стачку между работниками какого-либо завода, фабрики или мануфактуры прекратить работы прежде истечения условленного с содержателями сих заведений времени для того, чтобы принудить хозяев к возвышению получаемой им платы“, виновные подвергаются аресту сроком до трех месяцев. Понятно, что при таких условиях малейшая попытка несовершеннолетних к своему освобождению от работ в ночное время могла быть пресечена фабрикантом указанием, что участники этой попытки будут подведены под действие одной из упомянутых статей.

К концу первой половины XIX века (в известной мере благодаря тем рогаткам, которые ставились предпринимателям

³⁹⁾ Первое Собрание Законов, № 19283.

в отношении отыскания наиболее дешевых рабочих) механизация производства все более проникает в фабрично-заводскую промышленность, значение принудительного труда начинает падать, а требование более производительных и квалифицированных рабочих делает крепостные отношения не только ненужными, но даже тормозящими первые шаги промышленного капитала. Все это сказывается на использовании труда малолетних. И это понятно, так как машина, понижая значение мускульной силы, делает труд малолетних особенно выгодным. Поэтому неудивительно, что и после закона 7 августа 1845 г. продолжается усиленное использование малолетних в ночное время, в особенности тех из них, социальное положение которых позволяло им самим решать свою судьбу.

Проблема максимального привлечения на фабрики и заводы малолетних и несовершеннолетних рабочих стала усиленно обсуждаться в то время в правительственных кругах. Так, напр., известный деятель адмирал Н. С. Мордвинов, отвечая на вопрос, из каких резервов должны набираться фабричные рабочие, говорит, что малолетние из крестьян также „с совершенной пользой служить могут к содействию производства фабричных работ“. Такую участь уготовляет Мордвинов и тем детям мещан и разночинцев, родители которых бедствуют⁴⁰⁾. Московский генерал-губернатор Закревский в докладной записке Николаю I, разбирая те условия, в которых живут фабричные рабочие, тоже считает использование труда малолетних выгодным для рабочих, причем по поводу указания противников на незначительные заработки детей он отметил, что наибольшая доля вины в этом лежит, мол, на самих малолетних, которые тратят слишком большие суммы на одежду и обувь, посещают трактиры и харчевни, употребляют чай и вообще имеют привычку к роскоши! В 1850 г., благодаря настойчивым требованиям Закревского, были изданы жесткие правила, строго регламентирующие поведение рабочих, живущих при фабриках. Между прочим, дети и подростки могли отлучаться с территории предприятия только в праздничные дни, да и то лишь по увольнительным запискам конторы⁴¹⁾. Приход и уход в казармы в определенное время, запрещение принимать у себя знакомых и родственников, обязательное—под угрозой штрафа—посещение церкви и пр. и пр.,—вот что составляло предмет указанных правил.

Но уже в это время в Петербурге начинает доминировать иная точка зрения на использование детского и подросткового труда, противоположная взгляду московского дворянства и купечества, которая и определила собою дальнейшее развитие

⁴⁰⁾ М. Балабанов, Цитир. сочинение, часть 1-ая, стр. 58.

⁴¹⁾ К. Пажитнов, Цит. сочинение, стр. 123—124; М. Балабанов, стр. 108—109.

многолетней упорной борьбы вокруг ограничительного законодательства о малолетних.

В 1859 г. при петербургском генерал-губернаторе была образована комиссия для осмотра фабрик и заводов в Петербурге и его уездах.

Проект правил, составленный комиссией на основании собранного материала, был разослан в 1860 г. в различные учреждения, организации, а также и отдельным лицам, с мнением которых правительство не могло не считаться. Сделанные на этот проект замечания представляют большой интерес, с одной стороны, рисуя отношение к проекту различных предпринимательских групп, а с другой—являясь предтечей тех споров, которые с особой силой разгорелись в 80-х гг.

Часть правил, включенных в проект, встретила дружный отпор всех предпринимателей вкупе, независимо от характера их предприятия, его местонахождения и пр. Это были правила, которые должны были облегчить условия работы фабричных на самом предприятии. Так, например, единодушные протесты вызвал параграф проекта, запрещавший предпринимателям допускать к машинам взрослых и малолетних рабочих, не убедившись, что рабочим известны опасности для здоровья и жизни, которыми угрожают машины⁴²⁾. Промышленники, во главе с департаментом мануфактур и торговли, заявили, что эта статья неприемлема, так как, мол, опекает самостоятельных людей и дает возможность рабочим каждый несчастный случай объяснять недостаточной осведомленностью об опасностях и вследствие этого требовать от фабрикантов соответствующего возмещения. Элементарнейшее правило, запрещавшее спать рабочим на столах и на полу в мастерских, также встретило возражения со стороны тверских и московских промышленников, которые умудрились объяснить свое отрицательное отношение к указанному правилу заботами о благосостоянии самих рабочих. Но тверской губернатор граф Баранов определенно заявил, что „фабриканты отстаивают не благосостояние рабочих, а только свои собственные карманы“⁴³⁾.

Наибольшие дебаты вызвал тот пункт о работе малолетних, согласно которому через два года после введения закона в жизнь запрещалось принимать на фабрики и заводы детей моложе 10-ти лет, причем с момента его опубликования продолжительность рабочего времени для 10—12-летних не должна была превышать 6 часов в сутки, а для 12—14-летних—12 часов. При этом указывалось, что детей, не достигших 10 лет, но уже работающих на предприятиях, нельзя занимать в промежутки времени от 8 ч. вечера до 5 ч. утра. Эта статья

⁴²⁾ *Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного.* Часть вторая. Материалы. С.-Петербург. 1863 г. Приложение XV, стр. 260.

⁴³⁾ Там же, стр. 274—275.

проекта, знаменующая собою не только полное забвение, но даже значительное отступление от закона 7 августа 1845 г., вызвала серьезные возражения со стороны департамента мануфактур и торговли. Указывая, что „вред, причиняемый преждевременным обращением детей слишком нежного возраста на усиленные фабричные работы обыкновенно среди смрадного, удушливого и пыльного воздуха“, с особой силой отражается на подрастающем поколении, департамент предлагал, не устанавливая никаких льготных сроков, немедленно же по введении закона в жизнь запретить принимать на фабрики и заводы малолетних обоого пола, не достигших 12-летнего возраста. Что касается продолжительности рабочего дня несовершеннолетних, то в виду того, что между малолетними до 14 лет и недостижими 16-летнего возраста — нет резкого отличия, было предложено норму в 12 часов установить для всех малолетних от 12 до 16 лет.

Замечания департамента мануфактур были поддержаны и некоторыми промышленниками. Одни высказали пожелание, чтобы ограничительный возраст для допущения к работам был повышен до 13 лет; другие предлагали совершенно запретить использование малолетних в некоторых вредных производствах и т. п. Зато сильнейшую оппозицию составили рязанские, тульские и тверские предприниматели. Так, крупнейшие бумагопрядильные фабриканты братья Хлудовы прежде всего потребовали, чтобы было разрешено принимать детей на мануфактуры уже с 11-летнего возраста, с правом употреблять их на работах в течение *тринадцати* часов в сутки, и настаивали на исключении пункта о запрещении ночных работ для малолетних, так как в противном случае придется вообще отказаться от производства работ в ночное время, ибо силами одних взрослых вести их нельзя. И, преследуя свои выгоды, бр. Хлудовы прикрылись заботами о материальном благополучии рабочих: „дети, лишаясь заработков на фабриках, не принесут своим родителям никакого материального пособия, будут пребывать *во вредной для их возраста праздности* и расстроят свое здоровье, находясь, вместо светлого и здорового помещения фабрики, в душной атмосфере своей избы“. Тульские фабриканты и заводчики вообще считали недопустимым какое бы то ни было ограничение работы детей в возрасте от 12 до 16 лет, ибо оно, с одной стороны, „в высшей степени неблагоприятно отразится на ходе фабричной промышленности, а с другой — не принесет никакой пользы и малолетним, так как развитие сил их, при легкости работы, не может пострадать от ее продолжительности“. Отрицательно отнесся к законопроекту и владимирский губернатор, который отметил, что ограничительные меры вызовут усиление эксплуатации малолетних в избах, где условия работы значительно более тяжки. „Умственная недоразвитость малолетка и под-

ростка не может здесь служить достаточным основанием к ограничению свободы найма... Выгоднее и человечнее, чтобы дети и несовершеннолетние работали на фабриках, в виду большого числа народа, чем, оставаясь дома и тяготя взрослых, возбуждали тем их крайнее нерасположение, или высылались нищенствовать, или, наконец, отдавались в более тяжкие работы на меньшие промышленные заведения, ускользающие от контроля правительства⁴⁴⁾. Хлопчатобумажный фабрикант Шилов тоже восстал против проектируемых правил о труде малолетних, ибо это приведет, по его мнению, к сокращению заработков рабочих и лишит их возможности воспитывать своих детей.

С резкой отповедью всем противникам ограничительного закона выступил тверской губернатор гр. Баранов. Полемизируя с Шиловым, он замечает, что в рассуждениях последнего видна только „изворотливость фабриканта к защите самого неправого дела и противоречие самому себе... Известно, что ни о народном богатстве, ни о воспитании детей народа фабриканты не думают, а заботятся единственно о своем кармане. Если же их производства и разливают в народе деньги, то, очевидно, им тут хвастаться не следует, что они благодетели народа; они просто эксплуататоры его сил и способностей, эксплуататоры в полном смысле этого слова, так как они вовсе не заботятся ни о здоровье, ни о нравственности своих рабочих... Медицинской помощи, в большей части случаев, нет, школ также; а где есть та и другие—то заводятся без всякого сочувствия, только для виду“. В заключение Баранов говорит: „Государству нужны здоровые, разумные и способные граждане, а не тупоумные, хотя с виду и очень покорные рабы“⁴⁵⁾.

Проект комиссии, получивший столь различную оценку, хотя и не был осуществлен, дал все же толчок к дальнейшему обсуждению вопроса о законодательном ограничении работы малолетних.

В том же году при министерстве финансов была учреждена комиссия для пересмотра фабричного и ремесленного устава, которая, всесторонне рассмотрев проект 1859 года, также уделила много внимания вопросам труда детей и подростков. В результате комиссия предложила (1862 г.): 1) дети моложе 12 лет не должны употребляться на фабричных работах; 2) в возрасте от 12 до 18 лет они могут быть заняты на предприятиях не более 12 часов; 3) для всех не достигших 18-тилетнего возраста работа в ночное время запрещается⁴⁶⁾. Проект этот поступил на рассмотрение московского отделения

⁴⁴⁾ Там же, стр. 287.

⁴⁵⁾ Там же, стр. 290—292.

⁴⁶⁾ Там же, ч. I, стр. 511.

Мануфактурного совета, органа предпринимателей и промышленников, который признал необходимым понизить предельный 18-летний возраст до 16 лет и воспротивился безусловному запрещению ночной работы, соглашаясь, чтобы для подростков моложе 16 лет, занятых в ночное время, рабочий день исчислялся не 12-тью, а только 6-тью часами. И этот проект остался лишь на бумаге.

Уже в решении комиссии при петербургском генерал-губернаторе повсеместно ввести предлагаемые ею правила, не ограничиваясь одной Петербургской губернией, чувствуется, что вопрос о детском труде разрешался не только по соображениям „гуманного“ характера. И действительно, комиссия при министерстве финансов уже прямо отметила: „Не должно упускать из виду, что многие из петербургских фабрикантов выражали полную готовность сократить как ночную работу вообще, так и работу детей в особенности, с тем, впрочем, чтобы *ограничения этого рода были обязательны для всех фабрикантов*“, иначе тот предприниматель, который пошел бы на такую реформу, „едва ли вынес бы *соперничество* с другим, не переставшим эксплуатировать дешевый труд малолетних“.

Мануфактурный же совет, обсуждая проект комиссии министров финансов, остановился на тех экономических предпосылках, которые по его мнению доказывали несвоевременность ограничительных правил о малолетних рабочих. Часть фабрикантов, главным образом московские, основываясь на принципе свободы труда и считая, что новые законы стеснили бы не только фабрикантов, но и рабочих, говорили, что „нельзя ограничить по возрасту и времени работу малолетних, не стеснив тем всего движения промышленности и не посягнув на свободу труда“. Другие указывали, что запрещение употреблять детей в ночное время повлечет за собою полную приостановку ночных работ, что, в свою очередь, отзовется на вздорожании продукции производства. Наконец, третьи, в противовес альтруистическим соображениям петербуржцев, уверяли, что ограничения эти бесполезны, так как не охраняют детей от изнурительных работ в жилищах своих родителей.

Таким образом, мы видим, что петербургские и московские предприниматели стояли на противоположных точках зрения, и требование первых об издании ограничительных правил встретило протест со стороны фабрикантов центрального промышленного района. В рассматриваемый нами период проекты эти, повторяем, не получили утверждения, и, следовательно, победа осталась за предпринимателями центрального района.

Посмотрим теперь, какого рода обстоятельства сыграли роль в том, что вообще в порядок дня был поставлен вопрос об использовании на фабрично-заводской работе детей и подростков.

Мы уже отметили выше, что законы, запрещающие покупку крестьян к купеческим фабрикам и посылку крепостных на последние с заключением договоров непосредственно самими помещиками, привели к тому, что предприятия должны были обратиться к более дорогому вольнонаемному труду. При этом росту цен на рабочие руки способствовало еще то обстоятельство, что именно в этот период кустарная промышленность сделала большой шаг вперед в смысле своего развития, оттягивая с рынка труда свободную рабочую силу. Особенно остро должен был ощущаться этот рост цен на рабочую силу в тех районах, где слабая плотность крестьянского населения сокращала предложение труда до самых минимальных размеров. Таким образом, при всех прочих равных условиях наиболее высокая заработная плата должна была установиться в петербургском округе. Что же касается центрально-промышленного района, то здесь вопрос этот не стоял так остро, ибо населенность его обеспечивала московских, владимирских и др. предпринимателей трудом тех крестьян, которые в большом числе шли в города на заработки как по своему желанию, так и по воле своих помещиков.

Обнищание крестьянских хозяйств выбрасывало на рынок значительное количество не только взрослых, но и несовершеннолетних рабочих, которые сравнительно легко находили себе применение на предприятиях фабрично-заводской промышленности. Временный характер работ этих крестьян и стремление найти ее, не удаляясь далеко от постоянного местожительства при минимальных расходах на переезд, делали для них более выгодной низкую заработную плату на фабриках центрального района, чем более высокую на петербургских предприятиях. Законы конкуренции, борьба за существование потребовали от петербургских промышленников принятия таких мер, которые обезвреживали бы, с этой точки зрения, дешевый труд на фабриках и заводах в центральной России. И одной из таких существенных мер являлось техническое усовершенствование предприятий, благодаря которому последние, требуя производительного труда, ограничиваются меньшим числом рабочих. И если предположить, что использование завоеваний техники сравнивало возможности этих двух главных конкурирующих районов, то ограничение детского и подросткового труда, широко применявшегося на московских фабриках и понижавшего там цены на труд взрослых рабочих, должно было еще более укрепить именно петербургских предпринимателей и создать условия, угрожающие для промышленности центрального района ¹⁷⁾.

¹⁷⁾ Мимо этого явления не прошла и комиссия по пересмотру уставов фабричного и ремесленного, которая отметила, что с одной стороны „общирное предложение детских рабочих рук ведет к крайнему понижению задельной платы детям, которые таким образом работают почти даром“.

Вот по этим именно причинам петербуржцы явились защитниками ограничительных правил о детском труде.

Закон 7 августа 1845 г., как мы уже указывали, появился в результате столкновения двух мощных классов—дворянско-помещичьего и торгово-промышленного. И при этом роль первого ослаблялась здесь, во-первых, тем, что закон этот появился в связи с незаурядными беспорядками на Вознесенской мануфактуре, а во-вторых, тем, что фактически он в жизнь не проводился.

Иначе обстояло дело, когда крепостной порядок стал доживать свои последние дни, когда технический прогресс все энергичнее проникал на предприятия торгового капитала, когда крепостной труд уже терял свое значение, удерживаясь, главным образом, только на вотчинных фабриках. Накануне крестьянской реформы эти предприятия не имели уже былой мощи. На смену им выступила новая сила, промышленный капитал, внутри которого и повели ожесточенную борьбу две группы: предприниматели центрального и петербургского районов. И в значительной мере от развития этой борьбы, которая в основе своей являлась не чем иным, как одной из форм конкуренции, зависела дальнейшая судьба законодательства о труде несовершеннолетних рабочих.

Заканчивая этим обзор законодательства о работе детей и подростков за первую половину XIX века в предприятиях обрабатывающей промышленности, следует констатировать, что прежний наступательный характер подобного рода актов, которым еще отмечена законодательная деятельность правительства в первую четверть XIX века, уступает затем место стремлению ограничить в известной степени права предпринимателей. Конечно, из этого не следует, будто агрессивная политика в отношении рабочей массы совершенно прекратилась. Ведь и во второй четверти XIX века на ряду с ограничительным указом 7 августа 1845 г. мы видим ряд законодательных мероприятий противоположного характера. Но важно то, что изменилась экономическая основа отношений между различными социальными классами, следствием чего и явилась постановка вопроса об охране труда рабочих. А изменение экономических отношений, вызванное ограничением прав торгового капитала на крепостной труд, стало ощущаться наиболее остро именно к концу первой половины XIX века.

Что же, в сущности, изменилось за это время? Указ в 1816 г., запрещающий покупку крепостных к купеческим фабрикам, заставил обратиться частью к вольнонаемному труду, а частью к труду крепостных, принадлежавших дворянско-помещичьему

а с другой— „при меньшем числе малолеток возвысится плата взрослым рабочим“. (*Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного*, ч. I, стр. 357-358).

классу. И то и другое способствовало усилению экономической мощи землевладельцев и повышению цен на труд. В связи с этим явилась потребность в техническом усовершенствовании предприятий, уменьшающем число рабочих рук, причем процесс использования завоеваний техники протекал значительно энергичнее в тех районах, в которых по ряду условий цены на труд были более высоки. Делаясь, таким образом, независимым от дворянско-земледельческого класса, торгово-промышленный капитал усиливает вместе с тем другой социальный класс, класс фабрично-заводских рабочих, которые начинают играть теперь доминирующую роль в развитии промышленности. Вместе с тем ослабляется значение дворянской, вотчинной фабрики и намечаются условия, наиболее благоприятствующие обострению конкуренции между двумя самыми мощными предпринимательскими группами. Таким путем изменились соотношения сил не только между вотчиной и купеческой фабрикой, но и внутри крепнущего класса промышленников. И при этом на арену политической и экономической борьбы выступила новая сила — вольнонаемные рабочие.

По всем этим причинам вокруг детского и подросткового труда начинается ожесточенная борьба. И если накануне падения крепостной зависимости она не дала осязательных результатов, то во вторую половину XIX века, когда налицо были все условия, необходимые и для большего обострения конкуренции и для более энергичного развития и организационного оформления рабочего класса, борьба эта значительно обострилась и, как мы увидим ниже, привела к изданию ограничительного закона 1 июня 1882 г. о труде малолетних⁴⁸⁾.

Горнозаводские предприятия, независимо от социального положения их владельцев, находились под бдительным контролем правительственных органов как вследствие их значимости в общей системе народного хозяйства и огромного числа прикрепленных к ним крестьян, так и в виду специфических свойств самого производства, а также отдаленности их от торгово-промышленных и административных центров. Грозные беспорядки среди горнозаводского населения во второй половине XVIII века, вызванные тяжким положением приписных крестьян и мастеровых, привели к изданию ряда указов, целью которых было смягчить условия труда. Но вместе с тем все эти же условия убеждали правительство, что горнозаводская промышленность требует особого законодательства, прикрепляющего рабочих к предприятиям. И эта точка зрения держалась на протяжении всей первой половины XIX века. В частности, она распространялась на детей и подростков в силу

⁴⁸⁾ Вопросы протекционизма в промышленной политике имели лишь косвенное отношение к вопросам ограничения работы малолетних, почему мы на них и не останавливаемся.

специфических особенностей этого производства и необходимости иметь кадры постоянных и более квалифицированных рабочих. Показательной в отношении значения подросткового труда в горной промышленности представляется посылка с казенных горных заводов мастеровых людей для обучения на чугуноплавильном заводе англичанина Берда ⁴⁹⁾.

Конечно, заводы сами тоже принимали меры к обеспечению себя подготовленной сменой: дети мастеровых с 7-летнего возраста зачислялись в заводские школы, где они получали первые элементарные знания, причем начальство имело право употреблять их одновременно и на работе. Этим детям, кроме обычного пайка, выдавалось еще жалованье в размере 50 коп. в месяц; с привлечением к работе вознаграждение повышалось до 75 коп. и только с зачислением в штат (при наступлении 18 лет) жалованье достигало 12 р. в год.

Положение для непременных работников при горных заводах 15 марта 1807 года внесло существенные изменения в условия работы и жизни приписных крестьян, в частности малолетних и несовершеннолетних детей ⁵⁰⁾. Непременные работники набирались из числа приписанных крестьян (которые теперь в массе освобождались от заводской повинности) на казенных заводах в необходимом количестве, на частных — из расчета 58 человек на каждую тысячу приписных. Непременный работник прикреплялся к заводу со своей семьей. На собственно заводских работах принимали участие сыновья их, достигшие 12-летнего возраста; малолетние допускались к работам подсобного характера за соответствующее содержание.

В общем детям непременных работников присваивались те же права и обязанности, что и детям мастеровых. Обязательное пребывание на заводах: для взрослых — срок в 30 лет, а для детей их — 40 лет. Жалованье непременному работнику, кроме содержания, выдавалось в размере 20 рублей в год.

Указ 15 марта 1807 г. свидетельствует, что правительство стремилось, освободившись от бремени малопроизводительного и разоряющего крестьянское хозяйство труда приписных, создать кадр постоянных, а, следовательно, и более квалифицированных горнорабочих. И в целях обеспечения себя рабочей силой оно прикрепляло к заводам не только самих непременных работников, но и их детей. Если достигшие определенного возраста обязывались к заводской работе, то совсем малолетки принуждались к ней не правительственными указами, а безисходной нуждой их родителей.

Из других мероприятий, относящихся к горнорабочим и затрагивающих непосредственно малолетних и несовершенно-

⁴⁹⁾ Первое Собрание Законов, № 2209 (1806 г.).

⁵⁰⁾ Там же, № 22498 (15 марта 1807 г.). Подробности, вызвавшие этот закон и перечень его статей, см. *Юлий Гессен. История горнорабочих в России*, т. I, стр. 153 и др.

летних, следует отметить указ 19 мая 1819 г., согласно которому двухмесячное увольнение рабочих в отпуск в страдное время для сельских работ (от 1 июля до 1 сентября) стало в значительной мере зависеть теперь от воли заводууправления, ибо последнее получило право предоставлять отпуска лишь постольку, поскольку это не мешало работе предприятия. Далее, в виду явного несоответствия между неизменявшейся в течение многих лет заработной платой и стоимостью жизни, 31 августа 1826 г. был издан указ, который совершенно прекращал на казенных заводах вычеты из жалованья мастеровых и непременных работников за хлебные пайки, выдаваемые им и их семьям⁵¹⁾. На алтайских заводах последнее правило было введено только в 1828 г., да и то оно распространялось лишь на самих работающих, — за паек членам семейств делался вычет. Вместе с тем, опять подтверждалось, что дети, уже начиная с 7 лет, поступают в заведенные школы и частично участвуют на подсобных работах, а с 12 лет — постепенно приобщаясь и к настоящим заводским работам.

Пересмотр положений о горных заводах и отдельные указы, изданные за этот период, не внесли сколько-нибудь значительных изменений в условия работы малолетних и несовершеннолетних рабочих. Так, напр., в 1838 г. было подтверждено, чтобы дети по достижении 12 лет употреблялись на работах, а с 18 лет зачислялись в полные работники. При этом „было раз'яснено, что годы (начиная с 1838 г.), проработанные детьми, не засчитываются при исчислении лет службы для назначения пенсии рабочим горного ведомства“⁵²⁾.

Более точное регулирование труда на казенных заводах находим мы в „штатах главного управления уральских горных заводов и горных казенных заводов Уральского хребта“ 1847 г.⁵³⁾: „Дети мужского пола нижних рабочих чинов до 15-летнего возраста называются малолетками, а с 15 до 18 лет подростками. Принадлежа заводскому ведомству, они по рождении вносятся в общий список заводских людей, а с 8 лет поступают в заводские школы“. По выходе из школы малолетние, которые оказали лучшие успехи, могут быть посланы на работу в конторы, а „прочие до 15 лет — помогают семействам своим в домашнем хозяйстве и в случае нужды употребляются в работу“, с тем, чтобы продолжительность рабочего дня для них не превышала 8 часов в сутки. Участвующие в работах получают: малолетние по 1½, а подростки по 2 пуда провианта, и при этом им идет жалованье согласно штатам. С 18 лет подростки переходили в разряд полных работников. Незаконорожденные дети мужского и женского пола, а равно

⁵¹⁾ Пажитнов. Т. I, стр. 94.

⁵²⁾ Ю. Гессен. Цит. соч., стр. 190.

⁵³⁾ Первое Собрание Законов, № 21203 (§ 248).

и те, чьи отцы умерли, кроме провианта получали пособие от казны: до поступления в школу—в размере 10 коп. в месяц, а после, до 12 лет, по 22 копейки. Эти правила не говорят о значительном улучшении участи детей и подростков. Если, с одной стороны, в принципе и проводилась мысль о недопущении на работу детей моложе 15 лет, то, с другой, такое использование их труда не только не запрещалось или разрешалось в случае необходимости, но даже и поощрялось. Принимая во внимание, что изданные в первой половине XIX века горные положения проводили линию „милитаризации“ горно-заводской промышленности, приравнивая заводскую работу к военной службе, трудно ожидать, чтобы управляющие отдельными казенными заводами отказывались от использования труда малолетних, тем более, что, посылаемые в школу с 7—8-летнего возраста, они по окончании обучения в течение двух-трех лет оставались без дела.

При обсуждении в 1849 г. вопроса о новых штатах для алтайских горных заводов, указывая, что на уральских заводах дети назначаются на работы начиная с 15 лет, министр финансов писал, что правило это установлено „по тому преимущественно уважению, что для малолеток меньшего возраста нет на тех заводах приличных работ. На заводах же алтайских таких работ всегда достаточно, особенно на рудниках, где малолетки употребляются для разбора и обогащения руд, но, чтобы не изнурить их продолжительными, хотя и легкими занятиями“, продолжительность рабочего дня не должна превышать для них 8 часов в сутки⁵⁴⁾. В конечном итоге закон был изложен в следующей редакции: „Дети мужского пола нижних и рабочих чинов до 12-летнего возраста называются малолетними, а с 12 до 18 лет—подростками. Принадлежа заводскому ведомству, они по рождении вносятся в общий список заводских людей и 8-ми лет поступают в заводские школы. По выходе из школ малолетки, оказавшие лучшие успехи, определяются к занятиям по письменной и искусственной части, а прочие по достижении 12-летнего возраста употребляются в работу с тем, однако же, чтобы работа сия до 15-летнего возраста была легкая, дневная и продолжалась не более 8 часов в сутки“. То, что трудом малолетних рабочих пользовались на алтайских заводах в довольно широких размерах, подтверждается, между прочим, и тем фактом, что согласно проекту штатов 1846 г. в числе 19552 рабочих имелось 2267 подростков, начиная с 12-летнего возраста, получавших в среднем по 4—5 руб. в год, и кроме того на одних только рудниках Змеиногорского и Салаирского края были заняты по разбору и обогащению руд до 1200 подростков⁵⁵⁾.

⁵⁴⁾ *Архив Госуд. Совета, департ. экономии, дело № 53 за 1849 год. „О новых штатах и рабочих положениях алтайских горных заводов“.*

⁵⁵⁾ Там же, л. 17—об.

Итак, отличие штатов для алтайских заводов от уральских штатов по отношению к малолеткам заключается в том, что в штатах алтайских заводов была исключена фраза, разрешавшая детей до 15 лет не посылать на заводы, а оставлять их для домашних работ. Это обстоятельство свидетельствует, что то улучшение, которое должен был внести закон 1847 г., осуществлялось лишь на Урале, где в силу местных особенностей заводы не требовали широкого применения труда малолетних. На алтайских же предприятиях рабочая сила детей имела такое большое значение, что их, начиная уже с 12 лет, употребляли на заводских работах. Таким образом, ограничительные правила в использовании малолетних рабочих на горно-заводских предприятиях устанавливались не как результат какой-то общей, единой политики и идей, а только в тех случаях, когда они были уже проведены в жизнь самой практикой.

Специальные законодательные меры принимались в целях использования труда детей ссыльных и ссыльно-каторжан. Свободное состояние детей их несколько осложняло вопрос. С другой стороны, само положение этих малолетних давало возможность сделать их труд наиболее дешевым и выгодным. Так, после окончания срока ссыльные получали право водворяться на жительство в любом месте, и только на Илецких промыслах они оставались прикрепленными к предприятиям. Дети же ссыльных повсеместно переводились в разряд постоянных рабочих согласно правилам о мастеровых. Когда министр внутренних дел потребовал точного соблюдения 20-летнего срока работ ссыльных, пермская казенная палата возбудила ходатайство (1839 г.) об оставлении на казенных винокуренных заводах детей ссыльных, поступивших уже в заводскую работу, ибо „в противном случае заводы лишатся в сих детях лучших и привычных к заводским работам мастеров“ (на илецких соляных промыслах дети ссыльных, прижитые на промыслах, оставались навсегда в заводском ведомстве, будучи приравнены к детям мастеровых). Поэтому было предложено оставить ссыльных рабочих при заводах на вечные времена с их детьми, уже зачисленными в штат постоянных рабочих. Но в конечном итоге было решено задержать при заводах не далее 1854 г. только тех детей ссыльных, которые уже употребляются на работах⁵⁰⁾.

⁵⁰⁾ *Архив юсуд. совета, деп. законов, дело № 2576 за 1849 г.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВОЛЬНОНАЕМНЫЙ ТРУД.

ГЛАВА I.

До закона 1 июня 1882 г.

Вопрос о слабой производительности крепостного труда неоднократно ставился еще в конце XVIII века и в первой четверти XIX в., когда именно принудительный труд стал играть роль тормоза при неограниченных возможностях вывоза хлеба, открывшихся в связи с промышленной революцией в Англии. В течение всей первой половины XIX века, в условиях развивающейся промышленности и перехода многих предприятий на использование вольнонаемного труда, указанное явление проявилось особенно резко, приблизив день осуществления крестьянской реформы. Освобождение крестьян от крепостной зависимости, проведенное с соблюдением интересов землевладельческой и промышленной аристократии, явилось тем фундаментом, на котором строилась во второй половине XIX века капиталистическая Россия. Создание же условий, наиболее благоприятствующих процессу обезземеления широких крестьянских масс, привело, конечно, к росту и организационному оформлению класса фабричных рабочих. Понятно поэтому, что крестьянская реформа должна была в сильнейшей степени отразиться на положении рабочего класса вообще и на рабочем законодательстве в частности.

Освобождение крестьян было проведено в таком направлении, что около 20% их числа были лишены земельных наделов, а примерно 60% были снабжены ими в далеко недостаточных размерах. Благодаря этому одна часть крестьянства сразу же оказалась в рядах безземельного пролетариата, а другая, и довольно значительная, имела все предпосылки, необходимые для углубления процесса ее пролетаризации.

Совершенно особо говорило Положение 1861 г. о тех владельческих, посессионных и казенных крестьянах, которые работали на фабриках и заводах. Из опасения оставить фа-

брично-заводскую промышленность, главным образом горно-заводскую, без рабочей силы, эта часть крестьянства была поставлена в материальную зависимость от предпринимателя. Создать же эту зависимость удалось путем уменьшения земельных наделов.

Проблема освобождения крестьян, работавших на вотчинных фабриках, разрешалась сравнительно легко, уже по одному тому, что к концу первой половины XIX века дворянские фабрики пришли в совершенный упадок, составляя не более 5% общего числа фабрично-заводских предприятий. И мы видим, что по линии основного занятия крестьянского населения — земледелия реформа сделала все возможное, чтобы заложить прочный фундамент для дальнейшего обезземеления широких крестьянских масс, которым не оставалось ничего другого, как броситься на отхожие промыслы и фабрично-заводскую работу.

Кроме этого, крестьянская реформа сказалась еще на другом чрезвычайно важном экономическом явлении второй половины XIX века — мы имеем в виду подавление крестьянских кустарных промыслов капиталистической промышленностью. Пока кустарный промысел является подсобным занятием, крестьянин имеет возможность сопротивляться захватническим стремлениям проникающего капитала. Но как только кустарь лишается земли, он не может противодействовать капиталу; кустарь, как самостоятельный производитель, вырождается, превращаясь в наемного рабочего, быстро захватываемого развивающейся промышленностью. И в 60-х годах, вследствие того, что многие промыслы очутились в чрезвычайно неблагоприятных условиях, кустарь принужден был стать наемным рабочим; он предпочитал лишиться весьма проблематичной самостоятельности, но иметь более или менее обеспеченный заработок в предприятиях фабрично-заводской промышленности.

Целый ряд явлений экономического порядка, как ослабление дворянства и усиление промышленного капитала, рост и оформление рабочего класса, концентрация предприятий и создание условий, наиболее содействующих обострению конкуренции, появление на рынке труда огромного числа свободных и дешевых рабочих рук — все это способствовало усилению и кристаллизации тех сил, которые уже к концу первой половины XIX века выявили на арене зачинающейся классовой борьбы свои противоречивые интересы по вопросам, связанным с дальнейшим развитием фабрично-заводской промышленности вообще и рабочего законодательства в частности. Силы эти — 1) *промышленный капитал*, 2) *рабочий класс* и 3) *конкуренция между отдельными предпринимательскими группами*. И именно от соотношения этих трех факторов, как мы увидим в дальнейшем, от их одновременного участия в разрешении вопросов, связанных с эксплуатацией рабочей силы малолетних, и зависела судьба законодательства о труде детей и подростков.

В предыдущей главе мы уже упомянули о тех проектах, которые были приняты комиссиями при петербургском губернаторе и министре финансов в отношении использования труда малолетних рабочих. Под давлением предпринимателей центрального промышленного района проектам этим не суждено было претвориться в жизнь. Запрещение принимать на работу детей до 12 лет и ограничение продолжительности рабочего дня подростков 12-ю, а в ночное время — 6-ю часами (при существовании зависимости между работой несовершеннолетних и взрослых) должно было привести к частичной замене детского труда взрослым, а, следовательно, неминуемо влекло за собою рост цен на рабочие руки. Естественно поэтому, что предприниматели центрального района, которые побивали своих конкурентов не столько качеством, сколько количеством продукции и ее дешевизной, дали решительный отпор всем до-реформенным попыткам петербургских фабрикантов. Но при крепостном порядке силами одних только конкурирующих предпринимателей и противников развития фабричной промышленности разрешить эти жгучие вопросы все равно было невозможно. Падение же крепостной зависимости снова поставило на очередь вопрос о законодательном регулировании взаимоотношений между работодателями и рабочими.

Первое обсуждение этих вопросов следует отнести к концу 60-х г.г., когда неудовлетворенность проектом, выработанным комиссией при министре финансов и представленным в 1866 г. в министерство внутренних дел, с одной стороны, и начавшиеся рабочие беспорядки, с другой, натолкнули на мысль о необходимости создания новой комиссии, которая разработала бы правила пользования трудом несовершеннолетних рабочих. Эта комиссия и была учреждена в 1870 г. под председательством графа Игнатьева¹⁾.

Но еще за год до этого московское отделение мануфактурного совета — эта цитадель предпринимателей центральных промышленных губерний, обсуждая, какие ограничения возможно допустить по отношению к детям и подросткам, нашло что 12-летний возраст, ранее которого нельзя принимать малолетних на фабрики и заводы, абсолютно неприемлем и предлагало снизить его до 10 лет. Далее оно признало возможным ограничить для них продолжительность рабочего дня 10 часами действительной работы днем и 8 часами, если работа производится не только в дневное, но и в ночное время. Таким образом, принимая во внимание, что ночное время засчитывалось в двойном размере, московское отделение мануфактурного со-

¹⁾ *Архив юсуд. совета, деп. законов, дело № 58 за 1882 г. „О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах“.*

вета фактически защищало двенадцатичасовой рабочий день для малолетних²⁾).

Чрезвычайно интересный материал дают нам по вопросу об отношении предпринимателей к ограничительным правилам о труде детей стенографические отчеты первого съезда фабрикантов и заводчиков, состоявшегося в Петербурге в 1870 г., на котором обсуждалось, какие меры могут быть приняты для „содействия умственному и нравственному развитию нашего рабочего сословия“. При этом по вполне понятным причинам дебаты развернулись, главным образом, вокруг работы и школьного образования несовершеннолетних рабочих. Хотя при открытии прений один из членов съезда заявил, что существует „тесная связь между умственным и нравственным развитием нашего рабочего и интересами наших промышленных деятелей“, и указал на ту отличительную черту „нашего русского промышленника, которая не всегда, к сожалению, встречается на Западе, а именно — готовность уделить из накопленных богатств излишек для меньших своих братьев“, — все же в дальнейшем страсти разгорелись и выявили противоречивые интересы различных предпринимательских групп. Так, напр., член съезда Львов высказал мнение, что обучение в школах ни в коем случае не должно производиться за счет предпринимателей, которые и так, мол, обременены непосильными расходами. Предлагая установить обязательное взимание платы за обучение, Львов считал, что все меры, принимаемые к улучшению положения рабочих, должны ограничиваться преподаванием закона божьего и правил христианской нравственности, которые и „составляют необходимое основание для добросовестного исполнения работ“. Другого мнения был член съезда Кайгородов, который заявил, что содействовать как умственному, так и нравственному развитию рабочего сословия возможно, главным образом, „улучшением материального и физического его благосостояния“, что без этого все меры, принимаемые к поднятию культурного уровня рабочих, не принесут какой-либо пользы, а потому фабриканты должны прежде всего позаботиться об улучшении их пищи, жилищ и т. д., в рабочих же школах надлежит преподавать не столько закон божий, сколько естествознание, промышленное законодательство, гигиену, историю и пр. Такую же точку зрения высказал и профессор Вреден, который прямо заявил, что если предприниматель пользуется трудом несамостоятельных членов рабочей семьи, если благодаря этому увеличивается его прибыль, то он должен и нести известные расходы по улучшению их благосостояния и школьного образования. Поэтому, возражая против взимания платы в школах за детей рабочих, Вреден предлагал, чтобы содержание этих школ целиком было возложено на самих предпринимателей.

Особенно горячие споры на с'езде возникли вокруг ограничительных правил о труде детей и подростков. Один из петербургских предпринимателей прямо заявил, что обсуждение вопроса об обучении рабочих представляется ему бессмысленным, поскольку после 14—15 часовой работы они едва могут найти время для необходимого им отдыха. Прежде всего нужно сокращение рабочего дня для взрослых до 10, а для несовершеннолетних — до 6 часов в сутки.

Из докладов противников и защитников ограничительных правил приведем по две наиболее яркие речи, которые дают полное представление о подоплеке этого спора.

Упомянутый уже Кайгородов предложил, чтобы дети, не достигшие 14-летнего возраста, вовсе не принимались на фабрики и заводы, а в более старшем возрасте при таких ограничениях, которые создадут условия, благоприятствующие их умственному развитию. Если предприниматели и потерпят от этого в первое время известные убытки, то эти убытки „с избытком вознаграждаются более производительной работой здоровых и сытых рабочих“. Вместе с тем необходимо запретить работу всем несовершеннолетним на вредных производствах, как то: на пороховых заводах, каучуковых и табачных фабриках и т. д.

Эта типично петербургская точка зрения, об'единившая фабрикантов, предприятия которых отличались лучшим техническим оборудованием, требовавшим более сознательных и производительных рабочих, была поддержана профессором Вреденом, который, не будучи связан с предпринимательской деятельностью, дал об'ективную оценку значения детского труда. Отказываясь от соображений гуманного порядка, Вреден перенес вопрос на экономическую почву. Доказывая, что труд малолетних и женщин оплачивается не в полном размере, а как труд подсобный, и признавая, что заработки малолетних покрывают, однако, известную долю расходов семьи рабочего, он говорил, что все же „эта подспорная плата оказывает сильнейшую конкуренцию самой основной или главной заработной плате главы семьи или вообще самостоятельного взрослого работника“. Указывая, что „ни конкуренция рабочих на рынке, ни увеличение народонаселения не сбавляют в такой степени задельную плату, как приведенное соперничество“, Вреден высказал ту мысль, что даже чисто материальная польза от работы малолетних весьма проблематична и в конечном счете использование их труда не только не помогает, но даже приносит рабочему классу определенный убыток, ибо вследствие конкуренции между полурабочими и взрослыми предприниматель получает возможность снизить заработную плату последних до самых минимальных размеров. На основании этого надо требовать запрещения работы малолетних, не достигших 12-летнего возраста, а для находящихся в возрасте от 12 до 17 лет ограничить продолжительность рабочего дня и при

том дозволить им работать только в предприятиях, совершенно безвредных для здоровья.

Эта точка зрения нашла ярых противников в лице представителей промышленного капитала центральной России Сыромятникова и Скальковского. Высказывая уже знакомые нам соображения о том, что многие предприятия должны будут совершенно прекратить свою деятельность, если только правительство издаст подобные правила, Сыромятников нападал на предложения, нарушающие принцип „свободы труда“, говоря: „Спрашивается, что же будут делать семьи, если дети не будут работать до 17 лет? Что же будут делать женщины? Ясно, что они будут делать: такие семьи, которые не работают на фабрике, предаются пьянству или нищенствуют. Я не вижу причины не допускать их к работе — обыкновенно они работают с 6 до 12, с 12 до 6 спят и потом опять работают с 6 до 12 и больше 12 часов в сутки не работают“.

Эта лицемерная речь, в которой не было, конечно, упомянуто, что такое распределение работ наиболее губительно даже для взрослых рабочих, ибо не дает ни полного сна, ни полного отдыха, была поддержана Скальковским. Обрушившись на требование об ограничении работы детей, он выставил себя защитником интересов рабочего класса, доказывая, что проектируемые меры могут привести только к обнищанию последнего; „надобно не сокращать, а по возможности усиливать все средства для увеличения заработков, так как от материального благосостояния зависит и улучшение нравственное“. Далее он прибавил, что свобода промышленности „состоит в возможно меньшем числе ограничений, запрещений и наблюдений“ и что уменьшение стеснений промышленного устава, т. е. расширение прав фабрикантов на эксплуатацию, способствует развитию промышленности³⁾.

Нет нужды подчеркивать, что речь здесь шла не о повышении заработной платы, а об увеличении числа дешевых рабочих путем более широкого использования сил малолетних и женщин, а „нравственное“ воспитание детей мнилось, как преподавание закона божьего и тех догматов христианской религии, которые помогут сделать из детей и подростков покорных предпринимательской воле рабочих.

Итак, уже на первом съезде промышленной аристократии выявились две ярко противоположные точки зрения на труд малолетних, соответствовавшие все усиливающейся конкуренции между предпринимателями петербургского и московско-владимирского районов. Принятая на съезде резолюция, в кото-

³⁾ Протокол и стенографические отчеты 1-го Всероссийского Съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью, в 1870 г. Второе и третье заседание 6-го отделения. Издание Академии Наук, 1872 г.

рой выражалось пожелание, чтобы правила о работе малолетних, включаемые в проект промышленного устава, были согласованы с уже состоявшимися по этому вопросу узаконениями в других государствах, показывает, что каждая из двух групп предпринимателей боялась дать своему противнику решительный бой. Принимая такую растяжимую резолюцию, съезд этим самым фактически передал вопрос на разрешение министерских канцелярий, сохранив за каждой группой возможность пользоваться приемами закулисного давления. Что касается более безобидного вопроса о школьном обучении, то даже здесь съезд ограничился только тем, что признал „полезным и желательным“ устройство начальных школ и воскресных классов с преподаванием в них черчения и рисования.

Вопросы фабричной работы детей и подростков были вновь подвергнуты обсуждению правительственных и общественных организаций уж после того, как комиссия гр. Игнатьева представила в 1871 г. свой проект устава о найме рабочих. Комиссия эта, принявшая в отношении работы детей довольно радикальное постановление, отвечавшее интересам петербургских предпринимателей, оценила опасность стачечного движения, объединив по этому вопросу все группы промышленников. Приравнивая стачку или забастовку к вымогательству, комиссия сочла необходимым наказывать участников ее ссылкой в Сибирь. Целый ряд пунктов Игнатьевского проекта свидетельствует, что весь либерализм и человеколюбие предпринимателей, вся их забота об умственном воспитании рабочих и прочее действительны до тех только пор, пока все это не угрожает их материальному благополучию.

В начале 70-х г.г. положение было настолько тревожно в связи с активным выступлением на арену классовой борьбы такой силы, как промышленные рабочие, что даже далеко не прогрессивные мысли касательно найма рабочих подверглись со стороны министра внутренних дел жестокой критике, так как „отношение между требованием на труд и его предложением, при обширных пространствах и малой населенности нашего отечества, до такой степени неравномерно, что и без того в силу одних только экономических условий страны *интересы нанимателей существенно поставлены в зависимость от доброй воли рабочих*, почему и надлежит скорее принять меры к тому, чтобы *обеспечить первых от произвола последних*“⁴⁾.

Относительно малолетних рабочих комиссия предлагала: а) воспретить фабричную работу детям, не достигшим 12 лет; б) ученики в возрасте до 14 лет, посещающие школу, могут быть занимаемы не более 6, а не посещающие не более

⁴⁾ П. Литвинов-Фалинский. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России, стр. 13 (изд. 1900 г.).

8 часов в сутки; в) малолетние от 12 до 14 лет работают только 8 часов в дневное время и не свыше 4½ часов ночью и г) для несовершеннолетних от 14 до 17 лет продолжительность действительной работы устанавливается в 10 часов, а если она производится и в ночное время, то в общей сложности не более 8 часов.

Министерство внутренних дел, рассматривавшее предложения комиссии Игнатьева, признало возможным еще более ограничить эксплуатацию малолетних и в своем контр-проекте (1873 г.) предложило: а) дети в возрасте от 12 до 14 лет работают только 6 часов в сутки вместо 8-ми; б) подростки от 14 до 17 лет могут быть занимаемы на фабричной работе 8 часов в дневное и 6 часов в ночное время.

Как же сочетать эти прогрессивные начала проекта министерства внутренних дел с теми выпадами против предложений комиссии Игнатьева, о которых мы говорили выше? Дело, повидимому, в том, что министерство, заинтересованное в предотвращении в будущем беспорядков, стремилось к установлению жесткой дисциплины, связывая рабочих с предпринимателями под угрозой тяжелых кар. Это отвечало, вместе с тем, и желаниям петербургских и московских предпринимателей. Но именно первые, более тесно связанные с чиновничьим миром, основываясь на необходимости сделать рабочему классу некоторые уступки, которые уменьшат число поводов к беспорядкам, настояли на включении в проект этих правил о детском труде, ослабляющих их главных конкурентов.

Проект министерства встретил сильнейшее противодействие центрального района во главе с московской биржей и ее старшиной Найденовым. Совещание, составленное из московского биржевого комитета и предпринимателей московского района, заявило, что „неизбежное (в случае утверждения проекта) во многих случаях уничтожение ночных работ, при значительности затрат на устройство фабрик, равно как и возвышение заработной платы вследствие уменьшения числа малолетних, где без них нельзя обойтись, и замена их взрослыми повлекут неминуемо чувствительное увеличение стоимости обработки и тем повлияют даже на цену самых произведений в интересах иностранной конкуренции“⁵⁾.

На тему о законодательном регулировании детского и подросткового труда высказался ряд общественных организаций и отдельных лиц.

В 1874 г. вопросы образования и работы малолетних были подробно рассмотрены уездными земствами Владимирской губ., предложения которых были сформулированы и собраны в одно целое губернским земским собранием. Было постановлено

⁵⁾ *Архив госуд. совета, деп. законов, д. № 58 за 1882 г.; Е. Андреев. Работа малолетних в России и в Западной Европе. 1884 г.*

ходатайствовать, во-первых, чтобы при тех фабриках и заводах, где число рабочих не менее 100, предприниматели обязывались иметь школы начального образования для детей рабочих, а во-вторых, чтобы дети, не достигшие 14 лет, совершенно не допускались на фабричные работы. Рабочий же день подростков от 14 до 17 лет ограничивается 8 часами действительной работы⁶⁾. Такое отношение земцев, в значительной мере мелких помещиков, вполне понятно, так как они находились в постоянном антагонизме с крупной промышленностью.

В том же году по вопросам работы несовершеннолетних председатель постоянной комиссии по техническому образованию русского технического общества составил записку по докладу проф. Янсона. Комиссия предварительно обратилась к ряду фабрикантов и заводчиков с просьбой прислать все сведения, касающиеся работы малолетних, сопроводив их своими заключениями.

По данным одних предпринимателей, „на бумагопрядильных дети страдают малокровием, при чистке машин руки покрываются сыпью от раздражения минеральным маслом, работающие в трепальном и чесальном отделениях страдают воспалением дыхательных ветвей и дыхательного горла, у рабочих (детей) в словолитнях трясутся руки“. Сахарный заводчик, говоря о запрещении допускать к работе малолетних до 15 лет, подтверждал, что „в настоящее время и при ремонте и в течение производства дети 8—10 лет, а иногда 7 лет занимаются чисткою бульеров и паровиков от накипи при крайне вредных для здоровья условиях, почти задыхаются от пыли и копоти, а при производстве еще страдают от высокой температуры“. Управление Боровичскими заводами огнеупорных кирпичей также высказалось за ограничение работы детей, не достигших 12 лет, так как в течение дня двенадцатилетнему ребенку приходится перетаскивать руками в течение одного дня до 300—375 пудов глины. „Такая тяжелая работа изо дня в день, сопровождаемая постоянным сгибанием туловища, не может быть под силу малолеткам; не всякий из них выдерживает эту работу до конца — являются прогульные дни, вычеты и, в конце концов, случается, что мальчик почти ни с чем уходит домой, так как, получая в день средним числом 20 коп., он уплачивает за прогульный день 35 коп.“.

Противники ограничительного законодательства тоже прислали в комиссию свои замечания. Так, один фабрикант пишет: „Причину плохого здоровья фабричных детей следует скорее искать в крайне плохих санитарных условиях их домашней обстановки, чем в свойствах самой фабричной работы“. Другой взывал к национальным чувствам: „Жалобы на изнурительность детского труда и эксплуатацию его хозяевами не-

⁶⁾ *Архив юсуд. совета*, дело № 58, 1882.

основательны, так как русским людям свойственно гуманное отношение к слабым". Аргумент, действительно, очень серьезный! Недаром управляющий копиями „Георг“ считал, что допущение подростков 14 и 15 лет к работам на копиях и рудниках „не вредно для них ни на поверхности земли, ни под оною“.

На основании материала, присланного предпринимателями¹⁾, проф. Янсон сделал следующее заключение: а) все фабрики в большей или меньшей степени пользуются услугами малолетних, число которых по отношению к взрослым рабочим достигает от 6 до 40%; б) на работу очень часто употребляются дети моложе 10 лет; в) число детей в возрасте от 10 до 12 лет по отношению ко всем несовершеннолетним (до 17 лет) достигает примерно 25% и г) число рабочих часов и для детей и для взрослых почти везде одинаково.

Пополнив свой состав для усиления авторитета чиновными людьми и научными работниками, комиссия при техническом обществе приступила к разработке проекта ограничительного закона о труде детей и подростков.

По вопросу о возрасте, когда дети могут начать фабрично-заводскую работу, четыре члена комиссии высказались за 10-летний, так как устранение от работы детей до 12 лет, которые составляют 25% к общему числу несовершеннолетних, нанесет несомненный ущерб как фабрикантам, так и семьям рабочих. Большинство в комиссии признало необходимым все же запретить работу всем малолетним, не достигшим 12 лет, и не допускать всех несовершеннолетних во вредные производства²⁾. Что касается продолжительности рабочего времени, то было постановлено ограничить его для детей в возрасте от 12 до 15 лет — 5 часами работы, совершенно запретив ее в ночное время для всех, не достигших 17 лет. Относительно количества часов дневной работы для подростков (от 15 до 17 л.) мнение комиссии разделилось: одни настаивали на ограничении ее 10 часами, а другие высказывались за то, чтобы продолжительность ее равнялась числу часов работы взрослых.

По вопросу о школьном образовании несовершеннолетних рабочих комиссия решила, что школы организуются в районах с диаметром в 4 версты во всех местностях, где общее число рабочих, включая и ремесленные заведения, достигает 500 человек обоего пола; на устройство школ с фабрикантов устанавливается ежегодный налог в размере $\frac{1}{2}$ —2% со всей суммы выдаваемой рабочим заработной платы; за учащихся

¹⁾ Подробные сведения о работе малолетних и подростков за эти годы см. в моей книге „Труд детей и подростков в фабрично-заводской промышленности России“, том первый (Госиздат).

²⁾ При этом предполагалось, что немедленно под действие этих правил подводятся лишь вновь поступающие на фабрики. Что же касается уже работающих, то в отношении их устанавливается 4-х летний льготный срок.

с рабочих может взиматься плата примерно в размере 1% их заработка; в тех местностях, где существуют школы, наем рабочих 12—15-летнего возраста производится с неперменным условием, что они занимаются в школе не менее трех часов в день в промежутки между 6 ч. утра и 8 ч. вечера; несовершеннолетним рабочим (15—17 лет) посещение школы не может ставиться в обязанность, но и чинить препятствия также не разрешается; 15—17-летние рабочие, не имеющие знаний в объеме одного двухклассного народного училища, должны посещать школы по крайней мере в течение двух часов ежедневно⁹⁾.

Большой интерес представляют собою иезуитские рассуждения на эту тему иваново-вознесенского комитета торговли и мануфактур. Соглашаясь на устройство школ, комитет этот предлагал для большего вовлечения рабочих в школьное образование учредить обучение в две смены—так, чтобы одна половина рабочих занималась в утренние, а другая в послеобеденные часы¹⁰⁾. Эта, на первый взгляд, как будто и прогрессивная мысль получает совершенно другое значение, когда иваново-вознесенские предприниматели добавляют, что так как они сомневаются в возможности вовлечения в школы „необходимого для двух смен числа рабочих“, то и считают, что „для устранения этого неудобства нужно допустить к фабричным работам малолетних 10-летнего возраста“. Оказывается, таким образом, что для успешного проведения обязательного обучения малолетних детей рабочих надо не ограничивать их эксплуатацию на фабриках и заводах, а, наоборот, допустить ее в самых широких размерах!

В том же 1875 г. к одному и тому же, примерно, выводу об ограничении работы малолетних пришли особая комиссия при рижском биржевом комитете и рижском техническом обществе и съезд деятелей машиностроительной промышленности. И в том и в другом случае было высказано пожелание, чтобы разрешалось принимать на работу детей, начиная уже с 10-летнего возраста, ограничив их рабочий день 6 часами действительной работы, причем для достигших 13 лет и вплоть до 17 она не должна превышать 12 часов.

В марте 1875 г. представила свой проект комиссия под председательством Валуева, которая рассмотрела переданные ей за год до этого предложения министерства внутренних дел. Комиссия эта работала при ближайшем участии представителей наиболее заинтересованных ведомств и организаций. В состав ее входили делегаты министерств, некоторых губернских земских управ, губернские предводители дворянства, шесть наиболее значительных фабрикантов и заводчиков, по

⁹⁾ Архив государственного совета, дело № 58 за 1882 г.

¹⁰⁾ П. Литвинов-Фалинский. Фабричное законодательство, стр. 34—36.

выбору министра финансов. Работа комиссии не дала сколько-нибудь заметных положительных результатов. В проект министерства внутренних дел были внесены следующие изменения: соглашаясь на запрещение работы детям, не достигшим 12 лет, комиссия признала вместе с тем, что следует в этом отношении предоставить льготный двухгодичный срок для тех малолетних этого возраста, которые уже работают на фабриках и заводах;

уступая многочисленным и настойчивым требованиям, главным образом, московских предпринимателей, комиссия решила понизить для подростков предельный возраст с 17 до 16 лет;

продолжительность рабочего времени устанавливается для детей от 12 до 14 лет в 6 часов, а для подростков от 14 лет — в 8 часов, причем ночная работа у первых не должна продолжаться более 3, а у вторых — не свыше 4 часов;

фабриканты и заводчики обязывались предоставлять всем несовершеннолетним время для посещения школ;

предприниматель не должен требовать от несовершеннолетнего работника работ, несвойственных его возрасту и силам, и обязан не только не препятствовать, но и побуждать его к посещению „церкви и школы“;

с предпринимателей взыскивается штраф за нарушение указанных правил, в размере от 50 коп. до 10 рублей, в зависимости от характера нарушения.

Мы видим, что Валуевская комиссия сделала еще шаг назад по сравнению с теми проектами, которые вырабатывались ранее. Небезынтересно отметить, что министерство финансов, которое не только принимало участие в выработке тех или иных предположений, но зачастую играло решающую роль, не имело твердого, строго установленного мнения. В зависимости от степени влияния закулисных связей оно определяло свое отношение к ограничительным правилам о детском труде, каждый раз по-иному. Его представитель в Валуевской комиссии не согласился даже на те куцые реформы, которые были выработаны комиссией, и настаивал, чтобы на проведение в жизнь правила о 6-часовой работе 12—14-летних был дан льготный 4-х годичный срок, на протяжении которого все малолетние и несовершеннолетние в возрасте от 12 до 16 лет должны работать 8 часов в сутки ¹¹⁾.

Государственный совет не утвердил проекта комиссии, заявив, что следует вырабатывать законодательные предположения не по всем вопросам личного найма, а только по тем из них, которые имеют в данный момент наиболее актуальное значение.

В это время, в 70-х годах, фабричные рабочие все чаще и чаще затрагивают в своих выступлениях вопросы, связанные

¹¹⁾ Архив госуд. совета, дело № 58, за 1882 г.

с эксплуатацией труда детей и подростков. Работа в самых антигигиенических условиях, низкая заработная плата, уменьшающаяся, кроме того, оплату труда взрослых, тяжелая, изнурительная работа даже во вредных производствах в течение 12 — 14 часов, штрафы и вычеты, физическое вымирание и умственная отсталость и т. д., и т. п. — на все это так или иначе должна была реагировать рабочая масса, выступившая на борьбу за свои права. Например, во время крупных беспорядков на Кренгольмской мануфактуре в числе прочих было выставлено также требование о сокращении рабочего дня малолетних и предоставлении им возможности посещать школу. В ноябре 1878 г. на фабрике Кенига, на которой из числа 200 рабочих на долю детей и подростков приходилось, примерно, 140 чел., произошла забастовка по поводу того, что предприниматель хотел заставить малолетних выполнять, кроме своих обязанностей, еще и работу женщин по сортировке „пыли“.

Под влиянием все учащающихся беспорядков начинают один за другим бить тревогу и губернаторы, которые больше всего стремились к мирному течению жизни. И вот, петербургские предприниматели, ранее настаивавшие на обязательном обучении малолетних и на ограничении эксплуатации их труда, ибо только при этих условиях они могли вести успешную конкуренцию с центральным промышленным районом и надеяться на необходимые при развитии промышленности кадры подготовленных рабочих, начинают теперь оперировать не только фразами о нравственном воспитании, человеколюбии и пр., но также и запугиванием правительственных кругов перспективой новых и серьезных волнений среди фабричных рабочих. Теперь ограничительное законодательство необходимо провести не только для пользы петербургских фабрикантов, но и как уступку классовому врагу.

Под влиянием всех этих обстоятельств министр финансов Н. Х. Бунге, пользуясь предоставленным государственным советом правом вносить законопроекты по отдельным вопросам, предложил 30 декабря 1881 г. на его утверждение проект о законодательном регулировании условий пользования трудом детей и подростков. Этим проектом предполагалось запретить поступление на работу детям, не достигшим 12 лет, для малолетних от 12 до 14 лет установить 8-часовой рабочий день, а для 14 — 17-летних — 10-часовой; в ночное время работа первых не может продолжаться более 4, а для вторых — свыше 6 часов; вместе с тем имелось в виду составить список производств, которые по своим специфическим условиям должны быть изъяты из поля действия этих правил.

В государственном совете к обсуждению „представления о мерах к ограничению работ и к образованию малолетних и подростков, занимающихся на фабриках и заводах“, были приглашены владельцы крупных промышленных предприятий и

другие лица, всего 16 человек¹²⁾. Предприниматели центрального района, обеспокоенные быстрым продвижением законопроекта, поспешили выяснить министру финансов свое отношение к ограничительным правилам, в основном схожее с ранее уже отмеченным. Так, московский биржевой комитет опять говорил о том, что проведение в жизнь этого закона самым губительным образом отразится на состоянии промышленности, что малолетние неразрывно связаны в своей работе со взрослыми рабочими и, следовательно, ограничение ночной работы одних немедленно же повлечет за собою приостановку фабрик и заводов, что это — не что иное, как переворот во всей промышленности и т. д. Московское отделение мануфактурного совета считало, что фабричные рабочие не составляют в России отдельного класса, и потому школьное обучение здесь не может быть отделимо от общего народного образования, а значит „ни к введению обязательного для фабрикантов устройства при фабриках школ, ни к установлению на этот предмет какого-либо специального сбора — не представляется справедливых оснований“.

В ход пускается также заявление десяти стеклянных заводчиков Новгородской, Тверской, Владимирской, Московской, Смоленской, Рязанской и Ярославской губерний: ограничение труда малолетних равносильно совершенному уничтожению стеклянного производства в России; навыки к работе могут приобретаться только с малолетства — „дети постепенно знакомятся с этим ремеслом и, *почти играя*, уже зарабатывают хлеб“. В заключение заводчики уже прямо говорят, что замена дешевого детского труда более дорогим трудом взрослых рабочих убыточна не только для предпринимателей, но и для самих рабочих¹³⁾.

Другой характер носят замечания к проекту, сделанные комиссией при Русском техническом обществе. Она высказалась против изъятия части предприятий из-под действия предполагаемого закона и требовала включения в закон правил о специальном сборе с фабрикантов для устройства школ начального обучения детей рабочих¹⁴⁾. Член государственного совета Небольсин, поддерживая мнение комиссии, предложил, во-первых, отменить ночную работу и, во-вторых, установить ежедневные занятия в школах в течение не двух, а трех часов¹⁵⁾.

¹²⁾ В числе их мы встречаем таких крупных фабрикантов и заводчиков, как Миллер, Сан-Галли, Торнтон, Морозов, и таких противников ограничительных правил о труде малолетних, как Найденов.

¹³⁾ *Архив госуд. совета*, дело № 58, за 1882 г.

¹⁴⁾ *И. Татаров*. Закон 1 июня 1882 г. (журнал „Комсомольская Летопись“, № 3, стр. 71).

¹⁵⁾ Там же, стр. 72.

Вопрос поступил на рассмотрение в соединенные департаменты законов и государственной экономии.

Положение, что дети до 12 лет по общему правилу к работам не допускаются, не встретило особых возражений. Прения развернулись, главным образом, по вопросу об ограничении продолжительности рабочего дня малолетних. Здесь к уже знакомым нам соображениям прибавилось еще требование не подводить под действие закона подростков, достигших 15-летнего возраста, которые должны быть приравнены к взрослым рабочим. Московские фабриканты, яростно нападая на предложение 8-ми и 10-часовой работы детей и подростков, угрожали, что подобная мера приведет к увольнению от работ всех вообще несовершеннолетних рабочих. По мнению некоторых предпринимателей, весь вопрос заключается не в количестве рабочих часов, а в необходимости внушить предпринимателям мысль об „отеческом“ попечении о малолетних. Не менее горячие споры вызвали параграфы о школьном обучении детей рабочих. Фабриканты восставали против тех обязательств, которыми проект хотел связать их, и при этом они основывались на „свободе труда“, т. е. заявляли, что рабочие, если им не нравятся условия предпринимателя, могут не наниматься на фабрику или завод. Существенное значение имело предложение части членов государственного совета о двухлетней отсрочке приведения в действие правила о недопущении на работы детей до 12-летнего возраста.

Наконец, проект перешел в общее собрание государственного совета, и здесь было постановлено:

„1) Дети, не достигшие 12 лет от роду, к работам не допускаются (вступает в действие 1 мая 1883).

„2) Малолетние в возрасте от 12 до 15 лет не могут быть занимаемы работою более 8 часов в сутки, не включая времени, потребного на завтрак, обед, ужин, посещение школы и на отдых. При этом работа не должна продолжаться более четырех часов сряду.

„3) Малолетние, имеющие менее 15 лет от роду, не могут быть занимаемы работою между 9 часами вечера и 5 часами утра, а также в воскресные и высокаторжественные дни.

„4) Упомянутых в ст. 3 малолетних воспрещается допускать к таким производствам, которые по своим свойствам вредны для здоровья малолетних или должны быть признаваемы для них изнурительными. Указание такого рода заводов, фабрик и мануфактур и отдельных работ, а также определение возраста (не далее, впрочем, 15 лет), до которого труд малолетних на оных не допускается, предоставляется взаимному соглашению министров финансов и внутренних дел.

„5) Владельцы заводов, фабрик и мануфактур обязаны тем из числа работающих в их заведениях малолетних, которые не имеют свидетельства об окончании курса по крайней мере

в одноклассном народном или равном ему училище, предоставлять возможность посещения означенных учебных заведений не менее 3 часов ежедневно или 18 часов в неделю.

„6) Местности, в которых существует фабричная, заводская и мануфактурная промышленность, делятся, в отношении надзора за работою и обучением малолетних, на особые округа.

„7) В каждом округе состоят, смотря по надобности, один или несколько инспекторов, а общий надзор за всеми округами вверяется главному инспектору. Инспекция сия находится в ведении министерства финансов по департаменту торговли и мануфактур.

„8) На инспекторов возлагаются: 1) наблюдение за исполнением постановления о занятиях малолетних рабочих и о посещении ими начальных училищ; 2) составление при участии чинов местной полиции протоколов о нарушении упомянутых постановлений.

„9) Предоставить министру финансов, по соглашению с министром внутренних дел, в виде временной меры, в течение двух лет по введении в действие настоящего узаконения: а) допускать в случае надобности к работам на заводах, фабриках и мануфактурах таких малолетних, которые имеют не менее 10 лет от роду; б) разрешать малолетним, находящимся в возрасте от 12 до 15 лет, ночную работу в тех промышленных заведениях, в которых еще, по роду производства, сие оказывается необходимым и не может причинить вреда здоровью малолетних, с тем, однако, ограничением, чтобы ночная работа не продолжалась более 4 часов в сутки; в) распространять настоящее узаконение на те ремесленные заведения, к которым применение оного признано будет возможным и полезным, по истечении же двухлетнего опытного срока представить на уважение государственного совета окончательные заключения по сим вопросам¹⁶⁾“.

Эти постановления государственного совета и составили закон 1 июня 1882 г.

Борьба вокруг ограничительного закона, как мы видели, началась уже очень давно. В основе ее лежали экономические особенности центрального и северо-западного районов России. Высокая плотность крестьянского населения в Московской, Владимирской и других губерниях, населения, среди которого процесс обнищания и пролетаризации шел чрезвычайно быстрым темпом, обеспечивала промышленников этого района дешевой рабочей силой. В период, когда рабочий класс не являл собою монолитного целого, организационно оформленного, борьба за существование ведется стихийно и

¹⁶⁾ *Архив госуд. совета*, дело № 58 за 1882 г. Мы опустили некоторые статьи закона, не относящиеся непосредственно к нашей теме.

превалирует над принципом общности классовых интересов. И здесь особую роль играет рабочая сила детей и подростков. Полуголодное, совершенно необеспеченное существование заставляет рабочих посылать на фабрики и заводы малолетних, которые приносят в дом в буквальном смысле слова гроши, но которые вместе с тем понижают цены на труд, что, конечно, еще более ухудшает положение рабочей массы. Этим пользуется предприниматель. Ему нет нужды заботиться о лучшем техническом оборудовании своих фабрик и заводов; он имеет возможность заменить усовершенствованные станки дешевым трудом жаждущих работы взрослых рабочих, женщин, подростков и детей; он пользуется их нуждой, снижает заработную плату, увеличивает рабочий день, заставляет свое предприятие работать и днем и ночью; он не нуждается в физически и умственно хорошо развитом рабочем, ему нет нужды заботиться об их квалификации и, не боясь за деятельность своего предприятия, выжав из рабочего в кратчайший срок все, что только возможно, он заменяет последнего другими, с излишком имеющимися на рынке труда. Такой предприниматель бьет своего конкурента дешевизной выпускаемой продукции.

В районах с редкой плотностью населения цены на труд сравнительно высоки и даже при самых благоприятных условиях, напр., при кризисе сбыта, безработице, в неурожайные годы и пр., они все же выше, чем в районах, густо населенных. В таком положении оказалась Петербургская и прилегающие к ней губернии. Следовательно, при всех прочих равных условиях московский предприниматель легко и просто победил бы своего конкурента. Поэтому уже к концу первой половины XIX века петербургские предприниматели стремятся укрепить себя улучшением технического оборудования своих фабрик и заводов. Технический прогресс быстрым темпом завоевывает петербургские промышленные заведения, уменьшая в известной мере их зависимость от положения на рынке труда, уменьшая количество потребных рабочих. Но чем совершеннее техника, тем большую роль играет производительность. Петербургский фабрикант отказывается от ночной работы, так как при более высокой заработной плате она ему уже невыгодна. Далее, ему представляется целесообразным заменить дешевый труд малолетних более дорогим, но зато и более квалифицированным рабочим, при условии усовершенствования машин. Необходимая петербургскому предпринимателю производительная работа нуждается в сравнительно коротком рабочем дне. Квалифицированный рабочий требует не только высокой заработной платы, но и общего и профессионально-технического образования — петербургскому фабриканту выгодно затратить некоторые средства для обучения детей рабочих и предоставить им на то необходимое время. Петербург-

ский капиталист бьет своего конкурента заменой дешевого рабочего машиною, качеством и количеством выпускаемой продукции.

Но каждая предпринимательская группа пытается не только уравновесить возможности той и другой стороны, но еще установить на рынке свою гегемонию. Стремлением ослабить конкурента и следует объяснить тот факт, что предприниматели петербургского района подняли вопрос об ограничении эксплуатации труда детей и подростков. Промышленники центрального района отлично понимали, к чему приведет утверждение одного из подготовленных петербуржцами проектов. Призрак гегемонии петербургских фабрикантов и заводчиков, угрожающая перспектива повышения заработной платы и новых затрат на техническое усовершенствование своих фабрик и заводов объединили предпринимателей центральной России, и все попытки петербургских промышленников разбивались о дружный и решительный отпор их противников.

В этой борьбе самая жалкая роль досталась на долю правительства, которое в своих решениях и проектах по вопросу о детском труде в полной мере отражало влияние в данный момент той или иной из капиталистических групп. Но силами одних предпринимателей вопрос о детском труде не мог получить разрешение в течение долгого времени. Только 37 лет спустя, после издания указа 1845 г., впервые ограничивающего использование труда малолетних, был издан, наконец, закон, формально поставивший предел эксплуатации детей и подростков. И знаменательно то, что появление его как раз совпало с годами подъема рабочего движения, важнейшей задачей которого было освобождение рабочей массы из-под гнета фабрикантов и заводчиков.

Наступление рабочего класса на твердыни капитализма произвело сильнейшее впечатление не только на правительственные, но и на предпринимательские круги. Надо было сделать какие-либо уступки, и, конечно, скорее всего промышленный капитал согласился отказаться от эксплуатации рабочей силы детей и подростков, тем более что он имел все основания считать, что от утверждения ограничительных правил до проведения их в жизнь еще очень далеко. Так случилось и с законом 1 июня 1882 г. Кроме того, что многие предположения более ранних проектов были здесь существенно урезаны, а значение его прогрессивных статей было ослаблено теми „временными“ правилами, которые предоставляли министрам право разнообразных „изъятий“, закон вступал в силу только с 1 мая 1883 г. И в дальнейшем мы увидим, что предприниматели центрального района неоднократно добивались внесения новых „поправок“ и новых отсрочек.

Все же самый факт издания закона 1 июня свидетельствует, во-первых, что в условиях быстрого развития промыш-

ленного капитализма и обострения противоречий между отдельными предпринимательскими группами победа остается за более сильными, концентрированными и технически лучше оборудованными предприятиями, а во-вторых—говорит за то, что хотя само принятие этого закона государственным советом и нельзя отнести всецело за счет развивающегося рабочего движения, но при наличии острой борьбы между петербургскими и московскими предпринимателями оно сыграло решающую роль.

ГЛАВА II

Борьба за проведение в жизнь закона 1 июня 1882 г.

Уже одно то, что закон 1 июня должен был вступить в силу только через год, предвещало продолжение борьбы вокруг проведения его в жизнь. Предпринимателям Московской, Владимирской и др. губерний важно было добиться отсрочки, так как они надеялись, что если им и не удастся исходатайствовать полное аннулирование закона, то во всяком случае они смогут внести в него существенные изменения.

Обе стороны готовились к бою. Фабриканты и заводчики вырабатывали проекты, протесты и заявления, проводили их через отделения мануфактурного совета, биржи и пр., взывали к патриотизму власти, угрожали, просили и т. д. Не дремали и сторонники ограничительных правил о труде малолетних. Департамент торговли и мануфактуры обратился к фабрикантам, заводчикам и хозяевам ремесленных заведений со специальным циркуляром, в котором, указывая, что правительство, считаясь с интересами всех слоев населения, решило ввести закон лишь с 1 мая 1883 г., просит предпринимателей дать подробные сведения о своих заведениях и соображения относительно приемлемости предполагаемых ограничительных правил, направляя материалы главному инспектору над занятиями малолетних рабочих Е. Н. Андрееву.

Материал поступал крайне медленно — к 1 августу 1883 г. было получено всего 2.792 отзыва. Уже из первых сведений видно было, что фабриканты будут требовать отсрочки проведения закона в жизнь, тем более что он был разослан с большим запозданием. И, действительно, пока Е. Н. Андреев вместе со своими помощниками об'езжал губернии, собирая материал, московские предприниматели через свое отделение мануфактурного совета сделали министру финансов соответствующее представление: „Невыяснившиеся еще условия относительно дальнейшей работы малолетних на фабриках нашего отделения,—писали они,—ставят, с одной стороны, в крайнее затруднение владельцев промышленных заведений по неимению средств к определению своих действий на будущее время, а с другой — в тягостное положение самих рабочих, которые

по возвращении из деревень, после праздника св. пасхи, целыми семьями могут оказаться в необходимости содержать на свои средства значительное число привезенных ими членов семьи... Независимо от сего, находящиеся на фабриках в значительном числе сироты, привыкшие уже к работам, могли бы остаться без всяких средств к существованию". Это трогательное совпадение интересов предпринимателей и рабочих, подкрепленное еще соображением, что и те и другие „находятся относительно нового закона в совершенно неопределенном положении", дало московскому отделению мануфактурного совета повод настаивать, что „проведение такого закона, если введение его уже найдено необходимым, требует крайней осторожности и строгой постепенности". Либеральный министр Бунге поддался нажиму предпринимателей. В записке от 6 апреля 1883 г. он указывал, что „при существенно важном значении, которое особенно в некоторых фабричных и заводских производствах имеет работа малолетних", немедленное проведение закона влечет за собою для фабрикантов „некоторые неудобства". Сопоставляя это с тем, что вопросы школьного обучения также не получили еще своего окончательного разрешения, Бунге настаивал, чтобы закон вступил в силу только с 1 мая 1884 г. ¹⁾ Соединенные департаменты законов и экономики решили просьбу об отсрочке уважить, с тем, чтобы больше никаких подобных просьб уже не обсуждать. Это решение 13 апреля получило высочайшее утверждение ²⁾.

Уже после принятия закона 13 апреля 1883 г. главный инспектор над работой малолетних Е. Н. Андреев проработал сведения, присланные ему фабрикантами и заводчиками, сыгравшие в дальнейшей судьбе ограничительных правил 1 июня немаловажную роль. Характеризуя, с одной стороны, отношение различных предпринимательских групп к ограничению эксплуатации детей и подростков, указанные материалы вместе с тем дают представление о тех условиях, в которых протекала работа и жизнь малолетних ³⁾.

Наиболее полные сведения сообщили предприятия хлопчатобумажной промышленности.

Данные о двух ватных фабриках в Петербурге свидетельствуют, что малолетние составляли на них 4,8% к общему

¹⁾ *Архив госуд. совета, деп. законов, дело № 29 за 1883 г. „Об отсрочке приведения в действие правил о малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах".*

²⁾ Там же.

³⁾ *Архив госуд. совета, деп. законов, дело № 57 за 1884 г. „О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции".* Приводимые ниже сведения из доклада Е. Н. Андреева имеются также и в его книге „Работа малолетних в России и Западной в Европе" (изд. 1884 г.). Анализ этих данных см. в моей книге „Труд детей и подростков в фабр.-заводско промышленности России".

числу рабочих, работы в ночное время не производились, а продолжительность действительной работы колебалась от 11 до 13 часов в сутки. Ясно, что владельцы этих предприятий не протестовали против ограничительных правил.

Что касается 56 бумагопрядилен, то здесь дело обстояло иначе. Число малолетних достигало в среднем 12,78% (от 4% в Петербурге до 40% в Лодзи); ночные работы производились, главным образом, в Московской губ. (на 11 фабриках из 13), Владимирской, Рязанской, Ярославской. Как исключение, работы в ночное время производились на 3-х из 14-ти петербургских предприятий. В общем дети и подростки, наравне со взрослыми, были заняты ночью на 29 предприятиях с 77.671 рабочими, деятельность которых в значительной мере протекала в центрально-промышленном районе. Принимая во внимание также и то, что на всех 56 бумагопрядильнях работали 95.394 рабочих, мы можем заключить, что процент детей, занятых на фабриках от 9 ч. вечера до 5 ч. утра, очень велик. Рабочий день длился на предприятиях не менее 12 часов. Эти данные определяют и отношение к закону 1 июня различных групп бумагопрядильных предпринимателей.

Так, 18 фабрикантов, высказываясь о ночной работе малолетних, сообщили, что они не встречают препятствий к проведению в жизнь ограничительных правил, а 3 владельца бумагопрядилен заявили даже о необходимости запретить производство работ в ночное время. Протест против закона 1 июня заявили 23 промышленника центральных губерний, основываясь на том, что „на фабриках имеются такого рода работы, которые свойственны малолетним и подросткам, чем взрослым, почему подростки далеко не всегда могут быть заменены взрослыми, даже при неизбежном возвышении стоимости производства, вследствие чего придется прекратить ночное производство вообще, а еще более вероятно исключение подростков вообще с фабричной работы“. Не меньшее „неудобство“ представляет собою запрещение нанимать на фабрики детей, не достигших 12 лет, которое „отразится вредно в том отношении, что за невозможностью оставлять дома таких детей придется и родителям бросить фабричную работу“. Оказывается, таким образом, что тяжелая 12-часовая работа на бумагопрядильнях днем и ночью представляла для жизни и здоровья малолетних меньше опасностей, чем оставление их дома, без родительского присмотра. Это же самое, примерно, говорит и фабрикант шерстяных изделий, на предприятии которого дети работали до 13 часов в сутки: „Кроме вздорожания производства и убытка семьям, — глубокомысленно замечает он, — ограничение работы детей поведет к безнравственности (!) детей, вследствие отсутствия за ними надзора“...

Петербургские фабриканты (6 человек), соглашаясь с ограничением для детей ночной работы, писали, что „новые поста-

новления должны бы подчинить все мануфактуры одному и тому же правилу относительно продолжительности, чтобы поставить их в *одинаковые условия конкуренции*". Не менее определенно высказались за запрещение и другие четыре предпринимателя, говоря, что продолжительный рабочий день и ночная работа „часто влекут за собою *чрезмерное производство с неминуемыми кризисами*". Этот новый мотив опять-таки был выгоден петербуржцам, которые думали таким путем оказать на правительство соответствующее давление.

Лодзинские фабриканты, на предприятиях которых, как было уже сказано, работало очень большое число малолетних, решительно высказываются против нового закона, указывая, что этим будет вызвано сильнейшее вздорожание стоимости производства.

На 40 бумаготкацких фабриках из 22.929 рабочих на долю несовершеннолетних приходилось 2720 чел., т.-е. 11,8%. Работы в ночное время производились на 8 предприятиях во Владимирской губ., 6 — в Костромской, 4 — в Московской и 1 — в Петербурге, на которых „наравне со взрослыми участвуют и малолетние и подростки“. Продолжительность рабочего дня для детей и взрослых была также одинакова, достигая в Казанской и Московской губерниях до 14—15 часов в сутки. И при всем этом оплата труда малолетних на фабриках центрального района отличается мизерными размерами, опускаясь до двух рублей в месяц. Возражая против ограничительных правил, предприниматели приводят уже знакомые нам мотивы о необходимости детского труда при производстве ночных работ и невозможности заменить его одинаково оплачиваемым трудом взрослых рабочих. В особо вредных ситценабивном, белильном, красильном и аппретурном производствах на 76 фабриках было занято 3894 малолетних (10,74%), причем наибольшее число их встречаем мы в Московской и Владимирской губерниях. Здесь же значительное распространение получили и ночные работы, на которых дети принимали участие наравне со взрослыми. При этих предприятиях имелось 12 школ, которые посещались еще не работающими детьми. Понятно поэтому, что 21 фабрикант категорически высказался против предлагаемых ограничительных правил на том основании, что это сильно удорожит производство. Не менее решительно ходатайствовали об отмене закона владельцы льнопрядильных и льноткацких фабрик, требуя даже, чтобы разрешалось увеличивать рабочий день малолетних до 12 часов в сутки. Такое отношение к вопросу не представляет собою ничего из ряда вон выходящего, тем более что число малолетних на этих предприятиях доходит до 16,76% по отношению ко всем рабочим, а на Костромской, напр., фабрике оно достигает даже 32,5%. Из 18 фабрик 12 действуют и днем и ночью, и при этом продолжительность рабочего времени колеблется от 12 до 13 часов в сутки.

Не менее интересны сведения о 43 суконных фабриках с 25.135 рабочими. Все несовершеннолетние составляли здесь 11,9%. На большинстве из этих предприятий малолетних эксплуатировали не только днем, но и ночью. И потому многие предприниматели возражают против ограничительных правил. Часть из них основывалась на неминуемом вздорожании производства, на полной приостановке ночных работ и на ухудшении материального положения рабочих.

Табачные фабриканты, на предприятиях которых дети составляли в среднем 13,66% к общему числу рабочих, а продолжительность рабочего времени равнялась зачастую 14—16 часам при наличии ночных работ, также говорят, что проектируемые запрещения „произведут увеличение стоимости производства, так как *дешевый* детский труд придется заменить более дорогим трудом взрослых“, и вообще затруднят производство, ибо „некоторые работы *невыполнимы* без участия малолетних“.

Иные из владельцев горных и металлургических заводов, где рабочий день продолжался обычно только 10 часов, а из 83.055 рабочих на долю малолетних приходилось всего лишь 4.574, также не могли согласиться на ограничения в использовании труда детей из-за того, что замена их взрослыми рабочими должна была отразиться на доходности предприятий.

На механических, машиностроительных и литейных заводах ночная работа детей и подростков встречается редко, а рабочий день продолжался обычно от 10 до 12 часов в сутки. Как правило, наблюдаем мы, что на предприятиях этого типа при меньшем числе рабочих процент малолетних очень высок и доходит иногда до 24%, в то время как средний для всех заводов не превышает 4,42%. Здесь сравнительно лучше поставлено и школьное обучение, что отвечает потребностям самого производства. Отмечая, что „недопущение детей до 12-летнего возраста к работам вообще неудобств представить не может“, заводчики эти указывали лишь на необходимость повсеместного введения ограничительных правил, иначе „одна часть промышленников, ремесленников и торговцев будет в состоянии пользоваться *дешевым* детским трудом“.

Не менее энергично высказывались против закона 1 июня владельцы стеклянных заводов и спичечных фабрик, на которых трудом детей пользовались в особенно широких размерах. Безусловная вредность этих производств, 15—16-часовой рабочий день и чрезвычайно низкая заработная плата несколько не смущали предпринимателей, и они цинично говорили о „патриархально-семейных отношениях“, существующих на их заведениях, и о том, что „дети, почти играя, зарабатывают свой хлеб“¹⁾.

¹⁾ Что касается заработков малолетних рабочих, то, как правило, можно отметить, что на предприятиях центрально-промышленного района они были

Из приведенных примеров видно, какая группа предпринимателей отстаивала введение ограничительного закона, а какая боролась против него. Вообще, предприятия, находившиеся в центральных губерниях, работали и днем и ночью, широко использовали право на эксплуатацию дешевого детского труда, оплачивали его в самых минимальных размерах и, увеличивая продолжительность рабочего дня, далеко выходили за пределы средней нормы. Владельцы таких предприятий решительно восставали против ограничительного закона. Что касается заведений, отличительными чертами которых являлись сравнительно высокая заработная плата, 10—11-часовой рабочий день, слабо практикуемая работа в ночное время и небольшой процент несовершеннолетних рабочих, то их владельцы, за редкими исключениями, или не возражали против правил 1 июня или же высказывались за скорейшее проведение их в жизнь.

Как было уже сказано выше, Е. Н. Андреев и его сотрудники, не довольствуясь присланными сведениями, раз'ехали по губерниям, чтобы проверить на местах влияние фабричной работы на условия жизни малолетних. Составленная ими сводка носит далеко неутешительный характер. Все малолетние, по свидетельству инспекторов, выражают живейшее желание учиться, но непосильная работа обрекает их на невежество. Дети, занятые в промышленных заведениях, были „бледны, худы, хилы и очень малого роста“. Да это и неудивительно. Спичечные фабрики в Новозыбкове, напр., были настолько плохо устроены, что совершенно не охраняли работающих от вредных сторон производства. Выпадение зубов, болезни челюстей, гниение и пр. нередко имели своим следствием преждевременную смерть рабочих. Недаром же „работающего на спичечной фабрике можно издали узнать по запаху“. Жестокое обращение с малолетними и избивание их за неисправную работу также мало могли способствовать „веселой и здоровой внешности“.

Низкая заработная плата, невероятно скверные жилища, плохое питание, многочасовая работа при описанных выше условиях и постоянные болезни влияли, со своей стороны, на увеличение числа травматических повреждений, получаемых в процессе производства. И знаменательным представляется тот факт, что малолетние страдали от этого в процентном отношении сильнее, чем взрослые. Об этом свидетельствует статистика несчастных случаев в течение года на двух бумагопрядильных фабриках. Так, на одной из них число раненых среди детей, не достигших 14 лет, равнялось 9,6% по отношению ко всем рабочим данного возраста, в возрасте от 14 до 18 лет — 2,2% и у более старших оно исчислялось, примерно,

значительно ниже. Так, работавшие на бумагопрядильных получали в месяц от 3 р. 50 к. до 20 р., на бумаготкацких — от 15 р. в Петербурге до 2 р. в Костроме и т. д. В среднем взрослый мужчина получал в месяц 14 р., женщина — 7 р. 52 к., подросток — 7 р. 22 к., дети — 4 р. 25 к.

такой же цифрой. На другой фабрике травмы получили 12% малолетних, 6% — подростков и 4% — взрослых рабочих. В общем наблюдения убедили инспекцию, что малолетние подвергаются травматическим повреждениям в 3—4 раза, а подростки в 2 раза больше, чем взрослые.

Ясно, что все эти обстоятельства влияли не только на здоровье, но и на умственное состояние малолетних рабочих. По наблюдениям инспекторов, а также по свидетельству опрошенных ими рабочих, дети не имели никакой возможности посещать школы. Число безграмотных среди несовершеннолетних было очень велико, доходя до 75% по отношению к рабочим данного возраста.

Вот какими сведениями о работе и жизни малолетних обладали Е. Андреев и его помощники перед боем, который они собирались дать противникам ограничительного закона. Эти же сведения приводились фабрикантами и заводчиками в подтверждение всех их соображений о неприемлемости ограничений, и они же в полной мере дают оценку тем „патриархально-семейным“ отношениям и абсолютной „легкости“ и „безвредности“ работ, о которых так часто любили напоминать предприниматели.

Противники ограничительного закона не удовлетворились, конечно, посылкой в департамент торговли и мануфактур сведений и своих соображений, они постарались также использовать все связи, чтобы подействовать как-нибудь на правительство и заручиться его поддержкой. Они писали всесильному обер-прокурору синода Победоносцеву и все время колебавшемуся Бунге. От угроз о прекращении деятельности многих предприятий они переходили к доносам на защитников ограничительных правил и закона о школьном обучении малолетних⁵⁾, пугали красной опасностью, рабочими волнениями, застоями в промышленности, кризисами и пр.

А кризис сбыта действительно принимал большие размеры и особенно сильно отражался на хлопчатобумажной промышленности. Работа на многих фабриках сокращалась, рабочих увольняли, заработки снижались, армия безработных беспрерывно росла. Все это волновало предпринимателей.

Застой в промышленных делах был на руку петербургским фабрикантам, и они старались запугать правительство угрозой грядущих рабочих беспорядков. Единственным выходом из создавшегося положения являлось, по их мнению, принятие срочных мер к ослаблению кризиса сбыта, который мог быть изжит путем запрещения ночных работ.

И власть прислушалась к этому голосу. Петербургский градоначальник пригласил к себе на совещание придильных

⁵⁾ И. Татаров. Закон 1 июня 1882 г., стр. 85 („Комсомольская Летопись“, № 3).

фабрикантов, которые и заявили о необходимости скорейшего проведения в жизнь правил о работе малолетних и женщин в ночные часы⁶⁾). Требования петербургских капиталистов, изложенные ими в записке от 25 января 1884 г., были переданы министром финансов на заключение московского отделения мануфактурного совета, которое представило по этому поводу свое контр-заявление. Считая, что соображения, выставленные петербургскими фабрикантами в пользу запрещения ночной работы, не имели серьезных оснований, московское отделение указывало, что, во-первых, застой в делах распространился на все отрасли промышленности, а не на одну только хлопчатобумажную, и вызван различными неблагоприятными обстоятельствами общего характера; во-вторых, нужно сокращать производство товаров, а не рабочую силу; в-третьих, мера, предлагаемая петербургскими предпринимателями, будет способствовать понижению (?) цен на труд и породит рабочие волнения; в-четвертых, „последствия указываемой меры не могут ограничиться этим, так как, с одной стороны, для петербургских фабрик, действующих при несравненно благоприятнейших условиях против внутренних, по низшей стоимости топлива, неимению при фабриках помещения для рабочих, более дешевой стоимости получаемых заграничных материалов и другим причинам, *выработка при одинаковом рабочем времени будет обходиться значительно дешевле, нежели для фабрик центрального района*“. Что же касается вопроса о нравственности рабочих, то москвичи считали, что „когда в народе пьянство на каждом шагу, разврат проявляется открыто, сознание обязанности к повиновению в рабочем классе, подстрекаемом печатью нигилистического направления, слабеет“, тогда запрещение ночной работы несовершеннолетним и женщинам, которое вызовет понижение материального уровня жизни рабочих, поведет только лишь к еще более сильному проявлению всех этих явлений⁷⁾).

Итак, мы видим, что обе стороны, прикрываясь заботами о рабочем классе и пугая правительство распространением опасных идей, старались создать для себя условия, наиболее благоприятствующие успешной конкуренции. Но от гуманных и прогрессивных идей петербуржцев не остается и следа, когда они начинают чувствовать, что правило закона 1 июня о четырехчасовой — не более — работе сряду для малолетних, которое должно было повести за собою или сокращение рабочего дня взрослых, или учреждение лишней смены детей, затрагивает их интересы. Одиннадцать владельцев петербургских бумагопрядилен подали министру финансов Бунге записку, в которой заявили, что из-за указанного требования „рабочее

⁶⁾ *Тран-Барановский*. Русская фабрика, стр. 383.

⁷⁾ *Литвинов-Фалинский*. Фабричное законодательство, стр. 42—54.

население понесет весьма чувствительный ущерб, который вызывает в его среде неудовольствие" ⁸⁾). Оказывается, что при 8-часовом рабочем дне и запрещении работы свыше 4-х часов сряду дети не могут работать вместе со взрослыми, которые заняты 12-часовой непрерывной работой. Следовательно, чтобы выйти из этого положения, при условии, что фабриканты ни в коем случае не согласятся на три смены малолетних, необходимо разрешить для них 6-часовую работу сряду.

Все эти требования предпринимателей нашли отражение в докладе министра финансов Бунге, который, капитулируя перед фабрикантами и заводчиками, несмотря на кричащий материал, собранный департаментом торговли и мануфактур, поддержал ходатайство об установлении для малолетних рабочих в возрасте от 12 до 15 лет 6-часовой непрерывной работы с тем, однако, условием, чтобы общая продолжительность рабочего времени в таком случае не превышала 6, а при изменении распорядка работ—8 часов в сутки. Кроме того, Бунге старался провести очень существенные изменения. Говоря, что детей до 10-летнего возраста (также как и от 10 до 12 лет) при фабричных работах находится вообще очень мало и что предстоящее с 1 мая с. г. воспрещение принимать их для работы на заводах, фабриках и мануфактурах не встретит затруднений, Бунге писал: „Где только возможно, фабриканты заменяют, конечно, малолетних более взрослыми, особенно женщинами, но, во всяком случае, потрясение будет весьма чувствительное“. Отмечая, что достигшие 14-ти лет могут работать больше, чем 12-летние и что в производствах, особенно пользующихся трудом малолетних (начиная с 14 лет), работа их происходит „при хорошей гигиенической обстановке (!), в светлых, просторных (!) мастерских“, Бунге настаивал, чтобы в случае надобности разрешалось 14—15-летним детям заниматься на дневных работах наравне со взрослыми, т. е. в течение 12 часов в сутки.

Что касается школьного обучения малолетних рабочих, то министр предлагал ограничиться на первое время начальными училищами и теми, которые уже имеются при фабриках, не учреждая новых. Далее он считал, что необходимо взимать с рабочих плату, примерно, в размере 2 р. или 10-дневного заработка малолетнего, так как „взимание платы возвышает самое обучение в глазах родителей, которые к даровому обучению не всегда относятся с должным вниманием“.

Министерство народного просвещения в категорической форме высказалось против тех льгот, которые предлагал Бунге для предпринимателей, так как при таких условиях несовершеннолетние дети не будут иметь никакой возможности посе-

⁸⁾ *Архив госуд. совета, деп. законов, дело № 57 за 1884 г. Дополнительная записка Бунге от 23 марта 1884 г.*

щать школы, а министерство внутренних дел выступило против проекта обязательного обучения детей рабочих, как не соответствующего общей школьной политике, которая проводилась в то время⁹⁾.

Бунге должен был ответить на заключение министров. И тут мы видим, что он не только поддался влиянию московских предпринимателей, но и в полной мере заразился их лицемерием. Так, он пишет, что все предлагаемые им изменения вовсе не отвечают интересам фабрикантов, а, наоборот, делают им исключительно для рабочих, которым эти „льготы“ должны облегчить переход от старых условий работ к новым.

В соединенных департаментах законов и экономии государственного совета решительным противником столь регрессивных нововведений выступил Мансуров. Считая, что удовлетворение ходатайства фабрикантов явилось бы не чем иным, как изменением уже раз принятого закона, направленного к ограждению труда несовершеннолетних, Мансуров напомнил, что еще в 1882 г., при обсуждении первого проекта ограничительных правил, заявления предпринимателей о сокращении производства и закрытии фабрик были верно названы пустой, необоснованной угрозой. Такую же цену имеют заявления владельцев промышленных заведений о том, будто ограничительный закон нанесет ущерб самим рабочим. „Сопоставляя нынешнее утверждение 11 заводчиков с тем, что говорили противники реформы, когда сии последние отстаивали и 12-часовую и ночную работу малолетних — становится очевидным, что означенное утверждение о невозможности следует заменить выражением *невыгодности уступать что-либо из прибыли*“. Сокращенный рабочий день коснется только 4% рабочей силы, а это, конечно, не сможет так губительно повлиять на развитие промышленности. Наконец, неудобства 4-часовой работы сряду легко ликвидировать назначением лишней смены малолетних.

Один из членов государственного совета, поддерживая Мансурова, говорил о том влиянии, которое имеет на детский организм „страшное, в полном смысле слова страшное утомление детей, выдержавших 6-часовую бессменную, бессмысленную работу сряду без перерыва“. Другой из выступавших в защиту старой редакции закона отметил, что все фабриканты уже в течение 20 лет подготовлялись к новым законам. Теперь им была уже дана новая двухлетняя отсрочка. Высказываясь против каких бы то ни было изменений, он говорил, что принятие предложений Бунге „будет означать только сознание бессилия самого министерства финансов в непременном исполнении закона 1 июня 1882 г.“.

⁹⁾ Там же. Заключение министра нар. просвещения от 3 июня 1883 г. и заключение мин. внутр. дел от 21 ноября 1883 г.

Это замечание подтверждается тем влиянием, которое оказывали на министерство финансов те или иные предпринимательские группы.

Несмотря на горячие речи Мансурова и его сторонников, 15 членов высказались за частичное удовлетворение требований, предъявленных фабрикантами и заводчиками через министра финансов, и соединенные департаменты государственного совета постановили предоставить министру финансов по соглашению с министром внутренних дел право разрешать в течение двух лет со дня приведения в действие закона 1 июня 1882 г. 6-часовую непрерывную работу малолетних в возрасте от 12 до 15 лет.

Что касается школьного обучения малолетних рабочих, то предложенные правила ни к чему не обязывали предпринимателей, лишь *предоставляя* последним *право* открывать при своих заведениях школы для обучения малолетних. Все заботы об образовании детей и подростков сводились к тому, чтобы неимеющие свидетельств об окончании курса хотя бы одноклассного народного училища посещали „открываемые“ при фабриках школы¹⁰⁾. Вопросы школьного образования детей и подростков, занятых на фабриках и заводах, должны были быть переданы исключительно на благоусмотрение самих предпринимателей.

Все эти предложения были приняты государственным советом и получили высочайшее утверждение. Так возник закон 12 июня 1884 г.¹¹⁾

Отметим любопытный факт. Журнал собрания государственного совета, на котором обсуждались вопросы о работе малолетних, был разослан членам совета для подписания. Б. Мансуров обратил внимание на то, что редакция его могла дать представление об единогласно принятом решении. Поэтому в частном письме к статс-секретарю, указывая на происходившие прения и на то, что он голосовал против предложения Бунге, Мансуров настаивал, чтобы в журнале было помечено о принятии решения только большинством членов государственного совета, а не единогласно. Требование Мансурова было удовлетворено¹²⁾.

В условиях того времени надо было иметь много мужества, чтобы решиться бросить вызов могущественному промышленному капиталу, завоевывающему твердьни российского дворянства. И цельная фигура Мансурова выделяется на фоне трусливых и реакционно настроенных царских сановников.

Параллельно с разрешением вопроса об условиях фабричной работы малолетних министерство юстиции готовило

¹⁰⁾ Там же.

¹¹⁾ Там же; Третье Собрание Законов, № 2316 (закон 12 июня 1884 г.).

¹²⁾ Архив юсуд. совета, дело № 57 за 1884 г. л. 328.

закон о взыскании за нарушения соответствующих постановлений. Соединенные департаменты законов и гражданских и духовных дел рассматривали предложение, чтобы за нарушение правил о недопущении к работам детей до 12 лет, о их рабочем времени, а также о запрещении занимать их во вредных для здоровья производствах фабриканты или их ответственные служащие подвергались или штрафу до 100 рублей или аресту на 1 месяц. Это предложение, которое потом получило силу закона, предоставляло фабрикантам значительную льготу, так как, перекладывая вину на своих служащих, менее обеспеченных, они уплачивали минимальные штрафы. Что же касается тех, чья вина заключалась в таком распределении работ, которое препятствовало малолетним посещать школу, то в отношении их предлагалось установить взимание штрафа в размере до 50 р. Соединенные департаменты приняли первоначально (в 1883 г.) только первый пункт этого законопроекта на том основании, что закон о школьном обучении детей малолетних не вошел еще в силу. Но потом (апрель 1884 г.) этот вопрос обсуждался вторично, и тогда было постановлено: 1) заведывающие (владельцы или управляющие) заводами, фабриками и мануфактурами, виновные в неисполнении правил относительно работы в этих заведениях малолетних, подвергаются аресту на срок не свыше одного месяца или денежному взысканию не свыше ста рублей; 2) виновные же в непредоставлении малолетним, работающим в промышленных заведениях, которые, согласно правилам, должны посещать школу, возможности посещать таковую в течение установленного времени, подвергаются штрафу в сумме не свыше ста рублей; 3) если владелец или управляющий предприятием докажет, что нарушения, указанные в §§ 1 и 2, произошли без его ведома, по вине непосредственно наблюдающего за работами, то последний и подвергается соответствующему взысканию. Это постановление было утверждено общим собранием государственного совета¹³⁾.

Итак, закон 1 июня 1882 г., уже и без того достаточно сокращенный и обессиленный, вступил в силу в еще более урезанном виде. Законодательство о труде детей и подростков, служившее яблоком раздора между предпринимателями петербургского и центрального районов, несмотря на все старания последних, было все же, наконец, сдвинуто с мертвой точки. Московские фабриканты развили в период 82—83 г. бешеное наступление на закон 1 июня и, как видим, добились значительных результатов.

С другой стороны кризис сбыта, угроза рабочих беспорядков, пропаганда „опасных“ идей — вот те козыри, которые

¹³⁾ *Архив госуд. совета, деп. законов, дело № 45 за 1884 г. „О взысканиях за нарушения постановлений о работе малолетних“.*

оказались в руках петербургских промышленников и благодаря которым им удалось отстоять основные статьи закона. Но вместе с тем именно вследствие развивающегося рабочего движения и ослабления „сознания обязанности к повиновению“¹⁴⁾ стала вновь намечаться солидарность интересов этих враждующих предпринимательских групп. И лучшим примером этому служит неоднократно цитированная нами записка 11 петербургских фабрикантов, на долю которой и следует отнести значительную часть успеха московских предпринимателей. И в дальнейшем законодательство не только о детях, но и вообще о всех рабочих, не раз подвергалось нападению организованного промышленного капитала, и зачастую, в благоприятные для этого моменты, принимало даже ярко выраженный наступательный характер.

ГЛАВА III

Восьмидесятые годы

Закон 12 июня 1884 г. не мог, конечно, удовлетворить сторонников ограничительных правил и умиротворить конкурирующие районы. Наоборот, сильнейшее обострение промышленного кризиса дало петербургским фабрикантам возможность нанести своим противникам контр-удар. Уже в январе 1885 г. они направляют в министерство финансов ответ на заключение московского отделения мануфактурного совета по поводу их заявления, в свое время представленного петербургскому градоначальнику. Пункт за пунктом разбирая все основные положения москвичей, они приходят к выводу, что наиболее остро проявился кризис именно в хлопчатобумажном производстве и что изжить его можно лишь путем уменьшения выработки. А в этих целях необходимым представляется запретить ночные работы. Подкрепляя свое заявление ссылками на рабочее законодательство в других странах и теми рабочими беспорядками, возникшими вследствие банкротства многих предприятий, беспорядками, о которых они предупреждали еще в 1883 г., петербургские фабриканты вновь ходатайствовали об обязательном прекращении женщинами, детьми и подростками производства работ в ночные часы в бумагопрядильных, ткацких и ситценабивных фабриках. Это требование вновь было послано на заключение московского отделения мануфактурного совета, которое, обсудив его совместно с 70 фабрикантами района, пришло к следующим выводам: 1) от воспреещения в хлопчатобумажном производстве ночных работ

¹⁴⁾ См. ответ московского отделения мануфактурного совета на заявление петербургских фабрикантов от 25 января 1884 г. О рабочих волнениях за этот период — см. ряд статей, помещенных в „Архиве истории труда в России“, кн. 1—10.

женщинам и малолетним, встречающихся на всех почти предприятиях, зависит самое существование ночных работ, так как дети и женщины играют в этом процессе наибольшую роль; 2) сохранение существующего распорядка работ представляется абсолютно необходимым и в целях изжития кризиса, и в целях предупреждения рабочих беспорядков; 3) запрещение ночных работ невыгодно самим рабочим и т. д. Это заключение объединило почти всех московских фабрикантов.

Меньшинство же, принимая во внимание „чрезмерную выработку по хлопчатобумажному производству и упорно продолжающееся в течение столь долгого времени затруднительное положение дел“, считало возможным воспретить в течение двух лет работу женщин и детей в ночное время и проверить результаты этой меры. Только один Т. С. Морозов, не отрицая, что запрещение ночных работ вызовет рост цен на товары, признал все же меру, предлагаемую петербуржцами, заслуживающей проведения в жизнь ¹⁾.

Столь противоречивые взгляды петербургских и московских предпринимателей потребовали передачи этого вопроса в комиссию сенатора Плеве, учрежденную при министерстве внутренних дел для составления правил о найме рабочих. Заслушав мнения представителей промышленников Петербургской, Московской и Владимирской губерний, комиссия признала необходимым воспретить производство ночных работ (от 9 час. вечера до 5 час. утра.) женщинам и подросткам, не достигшим 17-летнего возраста, на хлопчатобумажных, шерстяных и полотняных предприятиях.

Члены комиссии исходили из того соображения, что ожидаемое повышение стоимости производства не может равняться с той пользой, которую принесет запрещение ночных работ.

Что же заставило комиссию так быстро и решительно встать на точку зрения петербургских фабрикантов? Оказывается, что огромную роль в этом сыграли рабочие беспорядки, которые приняла в середине 80-х г.г. угрожающие размеры. Уже в 1882 г., когда в Петербурге на гроздильном заводе, в Нарве на Кренгольмской мануфактуре, близ Варшавы на Жирардовской мануфактуре, в Перми и т. д. вспыхнули стачки, правительство забило тревогу и постаралось путем издания закона 1 июня успокоить рабочую массу. Но больших результатов эти полумеры дать не могли, и конец 1884 и начало 1885 г.г. ознаменовались сильнейшими рабочими беспорядками на предприятиях Ивано-Вознесенского, Московского и Владимирского районов. Достаточно указать на знаменитую Морозовскую стачку и на волнения среди рабочих Вознесенской и Никольской мануфактур, выявившие их исключительную солидарность, чтобы понять, какое беспокойство охватило ми-

¹⁾ Литвинов-Фалинский, стр. 85.

нистерство внутренних дел. Уже 4 февраля 1885 г. граф Толстой, возглавлявший это министерство, писал министру финансов Бунге, что „исследование местными властями причин означенных стачек рабочих обнаружило, что они грозили принять размеры серьезных волнений и произошли, главным образом, вследствие *отсутствия* в нашем законодательстве общих постановлений, на основании коих могли бы определяться взаимные отношения фабрикантов и рабочих“, а потому необходимо как можно скорее приступить к выработке такого закона, который, ограничивая произвол фабрикантов, устранил бы в будущем поводы к подобного рода событиям ²⁾.

Выработка таких правил была поручена известной нам комиссии Плеве, и ясно, что именно беспорядки и сыграли решающую роль в ее постановлении о запрещении употреблять женщин и детей на работах в ночное время. Проект комиссии получил утверждение, и 3-го июня 1885 г. был издан закон, согласно которому в течение трех лет, начиная с 1-го октября 1885 г., запрещалась ночная работа женщин и подростков (до 17 лет) на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках. При этом министру финансов по соглашению с министром внутренних дел предоставлялось право распространять указанное ограничение и на другие промышленные производства. Далее этим же министерствам было поручено всесторонне разработать вопрос о ночной работе женщин и подростков в общей связи с условиями фабричной работы малолетних. ³⁾.

Законодательные акты о малолетних рабочих интересны не только как показатель—в момент их издания—соотношения сил отдельных классовых группировок, но также и теми результатами, которые дало проведение их в жизнь.

Первые отчеты фабричных инспекторов ⁴⁾, полностью охватывающие 1885 г., т. е. первый год действия важнейших ограничительных правил о детском труде, дают в этом отношении много материала. И прежде всего они свидетельствуют, что проведение в жизнь закона 1 июня отразилось, главным образом, на числе малолетних рабочих. Так, напр., фабричный инспектор Владимирского округа д-р Песков говорит, что на 292 фабриках с 97.756 человек малолетних было 6.049, т. е. 6,2% — „число значительно меньше того, которое было до введения закона о малолетних“. В одной только Владимирской губ. малолетние составляли до ограничительного закона 10,38%, ко времени вступления его в силу — 5,17%, а к концу отчет-

²⁾ „Архив истории труда в России“, кн. вторая, стр. 38. (В. Колпенский, Фабрично-заводские волнения и фабричное законодательство).

³⁾ Третье Собрание Законов, № 3013.

⁴⁾ Инструкция фабричным инспекторам, утвержденная министром финансов, была опубликована 19 декабря 1884 г.

ного—лишь 3,80⁰0. Это „свидетельствует, что с применением закона владельцы все более удаляли малолетних с фабрик“.

Не менее интересно отметить и то, что предприниматели тех районов, в которые весть о предполагаемом законе дошла скорее, уже заранее постепенно уменьшали эксплуатацию детей и подростков, и наоборот, наиболее высокий процент малолетних рабочих продолжал удерживаться в тех районах, которые по тем или иным причинам получали аналогичные сообщения с некоторым запозданием ⁵⁾.

Как сказался закон 1 июня на абсолютных количествах малолетних рабочих, видно из того, что до его применения в Костромской губ. были заняты фабричной работой 1853 детей в возрасте до 15 лет, из которых на долю 12—15-летних приходилось 1.735, а после проведения его в жизнь их насчитывалось уже только 707, из которых 659 были в возрасте от 12 до 15 лет. Не менее характерны данные по Харьковскому округу. В общем число малолетних упало здесь с 3.325 до 1.425. По отдельным производствам действие закона сказалось различно. Так, напр., дети, работавшие в предприятиях по обработке волокнистых веществ, составляли 24,5⁰0 (808 чел.) по отношению ко всему числу малолетних, теперь же их насчитывалось только 5,5⁰0 (79 чел.). Почти перестали пользоваться трудом малолетних в химическом производстве: до применения закона их было 582 чел. (14,5⁰0), теперь их осталось лишь 13 чел. (0,3⁰0). Значительно дольше удерживались малолетние в мелкой промышленности, а также в заведениях ремесленного типа. Так было и в киевском фабричном округе, где отношение малолетних к числу рабочих даже в конце 1885 г. достигало 8,24⁰0 ⁶⁾. При этом рабочий день продолжался на свеклосахарных и рафинадных заводах 12 часов, в типографиях 10—11 часов, на табачных фабриках 13—15 часов, на суконных 12 часов и т. д. По данным двух исследователей ⁷⁾, малолетние составляли на предприятиях Московской губернии, примерно, 9,5⁰0 по отношению к общему числу рабочих, причем главная масса их приходилась на 12—15-летний возраст.

В общем в первые же годы число малолетних рабочих стало понижаться, но не во всех округах этот процесс шел одинаково интенсивно. Здесь большую роль играли характер производства, размеры предприятия, район, в котором оно находилось, а в еще большей мере—влияние кризиса сбыта. В середине 80-х г.г., вследствие сильнейшего перепроизводства

⁵⁾ Отчет фабричного инспектора Владимирского округа д-ра Пескова за 1885 г., стр 25—26.

⁶⁾ Вычислено по таблице 6-ой отчета инспектора киевского округа Новицкого за 1885 г.

⁷⁾ Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет.—*Янжул*. Фабричный быт Московской губернии.

и закрытия многих, в особенности маломощных, предприятий, когда на рынке труда появилась огромная армия безработных, столь дешево продававших свою силу, что последняя была способна заменить почти даровой труд малолетних, фабриканты могли без особого для себя ущерба сравнительно добросовестно выполнять ограничительные законы. Но уже к концу 80-х г.г., когда кризис был изжит, эксплуатация детей и подростков опять, как мы увидим ниже, приняла почти прежние размеры. По крайней мере, в 1888 г. малолетние составляли по отношению ко всему числу рабочих 11,1% ⁸⁾:

Рабочий день всех несовершеннолетних продолжался обычно не менее 12—13 часов и только по силу закона 12 июня 1884 г. он стал (по крайней мере, согласно официальным сведениям инспекции) постепенно приближаться к установленной норме. Следует отметить, между прочим, что все эти данные далеки от абсолютной точности, ибо инспекции, в виду противодействия предпринимателей, было очень трудно добиваться правдивых сведений.

Ограничительные правила, которые должны были привести к увеличению заработков взрослых рабочих, оказали обратное влияние на размеры оплаты труда малолетних. Принужденные пойти на сокращение рабочего времени для детей и подростков, фабриканты и заводчики немедленно же провели *формально* пропорциональное уменьшение их заработной платы. Малолетние при сокращении например, времени работы на одну треть (с 12 на 8 часов) стали соответственно получать в три раза меньше, а в тех промышленных заведениях, в которых число рабочих часов было сокращено вдвое (с 12 часов на 6), заработок уменьшился также на половину ⁹⁾.

При таком проведении прямо пропорциональной зависимости размеров заработной платы от продолжительности рабочего дня может показаться, что малолетние рабочие, ничего не приобретая, в то же время ничего и не теряют. Однако, многочисленные исследования показали, что сокращение рабочего времени отнюдь не соответствует такому же понижению производительности труда, и, наоборот, известны даже случаи, когда последняя выигрывает от этого не только в относительных, но и в абсолютных цифрах. Так, если малолетний рабочий был ранее занят на фабрике в течение 12 часов, а теперь только 8 часов, то это никак не означает, что его производительность также понизилась на одну треть. Менее изнуренный 8-часовой работой, он зачастую выполняет за это время то же количество работы, что и прежде при 12-ча-

⁸⁾ Архив госуд. совета, деп. законов, дело № 75 за 1891 г.

⁹⁾ Я. Михайловский, Отчет главного фабричного инспектора за 1885 г., стр. 86. Изд. 1886 г. СПб.

совом рабочем дне; во всяком случае, производительность его труда если и уменьшается, то не на одну треть, а только, напр., на одну шестую. Таким образом при оплате 12-часового дня в размере 9 р. при его сокращении до 8-ми часов заработок должен быть не ниже 7 р. 50 к.

Конечно, враждебно настроенные к ограничительному закону, пользуясь каждым удобным случаем, чтобы сократить расходы на производство и увеличить свои прибыли, стремясь переложить всю тяжесть промышленного кризиса на плечи рабочего класса, предприниматели не делали такого „тонкого“ расчета и огульно понижали заработки малолетних в пропорциональной зависимости от сокращения рабочего дня. Но, как мы уже отметили, эта пропорциональность была чисто формальной, ибо фактически заработная плата детей понижалась в больших размерах, чем их производительность¹⁰⁾.

Судьба школьного обучения малолетних рабочих благодаря закону 12 июня 1884 г. зависела, как мы уже знаем, почти исключительно от доброй воли того или иного предпринимателя. В этом вопросе роль фабричных инспекторов представлялась крайне неблагоприятной. Единственно, что они могли делать, это регистрировать грамотность малолетних. Не видя каких-либо результатов от такой своей пассивной деятельности, инспектора очень скоро совсем перестали собирать подобные сведения, и вопросы школьного обучения в их отчетах и не затрагивались. Тем больший интерес представляют данные, собранные за 1885 г. и систематизированные в сводном отчете главного инспектора. Оказывается, что на 1 января 1886 г. по всем округам из 15294 малолетних обучались и обучаются всего лишь 5265 чел. или 34,42%, причем 494 имели свидетельства о грамотности, 3086 хотя и были грамотными, но свидетельств не имели, а 1685 являлись полуграмотными. Как видим, 65,58% фабричных детей были обречены на невежество. На первом месте по числу неграмотных стоял харьковский округ—78,81% всех малолетних, Казанский—72,14%, Владимирский—68,10% и т. д. Наиболее благополучным являлся петербургский район, где неграмотные составляли лишь 29,74%. Из производств на первом месте по неграмотности стояла обработка минеральных веществ, где число неимеющих самых элементарных познаний доходило до 87,6% по отношению ко всем малолетним, работающим в этом производстве. Второе место занимали предприятия по обработке пищевых и вкусовых веществ—87,5%, далее шли производства по обработке во-

¹⁰⁾ Что касается влияния законов о детском труде на заработки взрослых рабочих в смысле их повышения, то вследствие промышленного кризиса, понизившего цены на труд, оно было значительно ослаблено.

локнистых веществе—67,1%, затем животных продуктов—53,8% и, наконец, по обработке металлов—35,85%¹¹⁾).

Распределение числа грамотных по округам и производствам подтверждает, что в предприятиях с меньшей продолжительностью рабочего дня, более высокой заработной платой и сравнительно мало практикуемой ночной работой малолетние имеют больше возможностей посещать школу и накапливать знания. И это было выгодно, в свою очередь, владельцам тех фабрик и заводов, которые нуждались в грамотных, образованных, а следовательно и более производительных рабочих. Там же, где имелась ночная работа, где изнурительный многочасовой труд оплачивался низко, там дети не имели никакой возможности заботиться о своем образовании, а тем более посещать школы. И это, конечно, ни с какой стороны не заботило капиталиста. В борьбе московских и петербургских фабрикантов и по вопросу о школьном образовании и об ограничении работы детей, когда на карту была поставлена жизнь малолетних рабочих, правительство стало на сторону тех, кто всей своей деятельностью способствовал их физическому и умственному вырождению. И только стремительно развивающееся рабочее движение заставило владельцев поступиться частью своих прав и перейти на путь уже известных нам „реформ“.

Сразу же по издании закона 3 июня 1885 г. комиссия Плеве, под непосредственным давлением и по требованию министерства внутренних дел, составила проект правил „О найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры“ и „Особенные правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих“, которые и были утверждены 3 июня 1886 г. Они коренным образом изменили существовавшие до этого времени условия найма рабочих вообще, а этим самым, следовательно, и малолетних.

Расследование рабочих беспорядков 84—85 г. г. выяснило, что отсутствие твердо установленных условий договора между нанимающимся и работодателем дает последнему возможность снижать расценки, изменять сроки выдачи заработной платы, увеличивать продолжительность рабочего времени и пр. Поэтому в закон 1886 г. была включена очень важная статья об обязательной выдаче расчетных книжек, в которую вносятся все условия найма. Далее, в виду самых разнообразных вычетов (квартира, столовые, баня и пр.), которыми владельцы часто злоупотребляли, было постановлено, что эти вычеты производятся лишь по таксе, утвержденной фабричной инспекцией. Запрещено было взимать плату за врачебную помощь, орудия

¹¹⁾ Нами исключены данные по петербургскому району, так как там число грамотных сравнительно велико и неравномерно влияет на сведения, приводимые по отдельным производствам.

производства и т. д. Недопустимыми были признаны дача владельцем денег взаймы рабочему с начислением процентов и принуждение рабочих получать в счет заработной платы товары, продукты и т. п.

Особое внимание уделил закон штрафованию рабочих и деятельности харчевых лавок.

Поводами к штрафам служили самые разнообразные поступки рабочего. Так, напр., инспектор харьковского округа насчитал в 1885 г. 23 таких повода, из которых отметил нетрезвое состояние, ругань, ссоры, брань, анекдоты, признанные предпринимательской моралью неприличными, игра в карты, куренье табаку, жестокое обращение с животными, непосещение церкви и т. д. и т. д. Суммы в 25—50 коп., а часто и в 1 р., игравшие такую огромную роль в бюджете рабочего, обычно взыскивались за нарушение этих правил. На предприятии Морозова штрафы приняли особенно большие размеры. „С 1882 г.,—пишет В. И. Ленин,—Морозов стал сбавлять плату, и до 1884 г. было пять сбавок. В то же время становились все строже и строже штрафы: по всей фабрике они составляли почти четверть заработка (24 копейки штрафа на заработанный рубль), а иногда доходили у отдельных рабочих до половины заработка. Чтобы скрыть такие безобразные штрафы, контора в последний год перед погромом поступала так: тех рабочих, у которых штрафы достигали половины заработка, они заставляли брать расчет, а потом хоть в тот же день рабочие эти могли опять поступать на работы и получать новую книжку. Посредством этого книжки, где были записаны очень уж большие штрафы, уничтожались. При прогулах вычитали три дня за один прогульный день, за куренье штрафовали по 3, 4 и 5 руб. зараз“¹²⁾).

Штрафы, поступавшие в карман предпринимателя, служили зачастую одним из способов увеличения прибылей, и они же неоднократно толкали рабочих на путь стачек и забастовок. Поэтому закон 3 июня определил, что штрафные суммы идут в общую кассу и тратятся исключительно на нужды рабочих. Поводы к штрафным взысканиям, которые были утверждены законом, предоставляли возможность широкого их использования. При этом закон установил, что подобные взыскания в общей сложности не могут превысить *одну треть* заработка рабочего, т. е. тот процент, который штрафные суммы редко достигали даже в тяжелые для рабочих времена.

Следует указать, что обязательное пользование рабочими харчевыми лавками, цены в которых всегда были значительно выше рыночных, закон 3 июня отменил, причем деятельность лавок должна была находиться под контролем фабричной инспекции.

¹²⁾ В. И. Ленин. Сочинения. т. I, стран. 387. Третье издание ГИЗ. 1926 г.

Кроме того, устанавливалось, что при найме на срок более месяца выдача заработной платы должна производиться ежемесячно, а при заключении договора на менее длительный или неопределенный срок — два раза в месяц. Это правило следует признать очень важным, в значительной мере ослаблявшим зависимость рабочего от предприятия.

Зато в лучшие условия были поставлены предприниматели в отношении расторжения договоров найма. Прежде всего рабочий может добиваться защиты своих прав только лишь судебным порядком со всей сопутствующей ему волокитой, формальностями и необходимостью доказать вину хозяина. Но даже при благоприятном для рабочего решении предприниматель рисковал при срочном договоре только уплатой штрафа в пользу истца, не свыше, впрочем, его двухмесячного заработка. При договоре на неопределенный срок максимальное взыскание спускалось до двухнедельного заработка рабочего. При этом надо иметь в виду, что уважительными причинами для расторжения им договора считались невыплата заработка, нанесение побоев и тяжких оскорблений со стороны хозяина, нарушение условий по снабжению рабочих пищею и помещением, особая вредность работы, разрушающе действующая на организм работника, и т. п. Иначе карается сам рабочий, если он бросил работу ранее истечения срока найма. В таких случаях он подвергается аресту до одного месяца.

При такой точке зрения на права и обязанности работодателей и рабочих закон 3 июня установил для последних особо тяжелую ответственность за нарушение обязательных правил о найме, утвержденным законодательным порядком. Если с предпринимателей взыскивались штрафы, при самом тяжком правонарушении достигавшие всего 300 р., то за стачку, преследующую повышение заработной платы, рабочие подвергаются тюремному заключению на срок до восьми месяцев; если беспорядки сопровождались порчей заводского или фабричного имущества, а также принадлежащего служебному персоналу, виновные несли кару еще более жестокую — от четырех месяцев до одного года и четырех месяцев. В этих постановлениях в полной мере отразился страх перед повторением рабочих волнений в Московской и Владимирской губ. И этому не противоречат те статьи закона 3 июня, которые на первый взгляд носят столь прогрессивный характер. Они были выражены в столь туманной и неопределенной редакции, что в значительной мере ослабляли свое значение, предоставляя фабрикантам и заводчикам возможность обходить запретительные нормы.

Тот факт, что закон 3 июня был издан непосредственно под воздействием рабочих беспорядков, подтверждается ненавистью, которую питали к нему предприниматели. Не желавшие поступиться даже самой малой частью своих прав, освященных обычаями крепостнической России, фабриканты и завод-

чики повели против этого закона сильнейшую кампанию, получив полную поддержку в лице своего ставленника, нового министра финансов Вышнеградского. Он порицал законы о фабричной инспекции (три 1882, 84 и 86 г.г.) и говорил, что это только *сентиментальность*, никуда негодная для промышленного дела: первый закон уже нанес вред промышленности, закон 1886 года сделает ее просто невозможной. „Фабрикантам надо помогать, а не мешать. Малолетние служат для уплаты податей. Никакого вреда от их работы нет“¹³⁾.

Следует отметить, что к этому времени кризис сбыта стал изживаться, застой в промышленных делах сменился значительным оживлением, критический момент прошел, и предприниматели центрального района вновь почувствовали свою силу. Неудивительно поэтому, что через некоторое время они добились существенного успеха: „12 ноября 1887 г. была учреждена комиссия по пересмотру закона 1886 г. в духе пожеланий фабрикантов“¹⁴⁾.

В этот переходный период, когда возврат к старым условиям предпринимательской деятельности находился еще в стадии обсуждения, правительство успело принять 15 августа 1886 г. и 4 ноября 1888 г. постановления о продлении срока действия законов 1 июня 1882 г., 12 июня 1884 г. и 3 июня 1885 г. о труде детей, подростков и женщин сперва до 1 октября 1888 г., а затем и до 1 января 1890 г.

ГЛАВА IV

Девяностые годы

Первое время после издания ограничительных законов предприниматели, ослабленные кризисом сбыта, не оказывали им активного противодействия. И это понятно, ибо благодаря сокращению производства крупных предприятий и закрытию многих мелких мануфактур освободилось значительное число рабочих рук, ослабилась сопротивляемость рабочих. Кризис сбыта, повлекший за собой сильнейшее превышение предложений рабочей силы над спросом, привел к падению заработной платы. В жестокой борьбе за право существования рабочий соглашался не только на низкие заработки, но и на удлиненный рабочий день и на все другие условия работы, запрещенные ограничительными законами. И в этом нет ничего удивительного. Угроза остаться без заработка, угроза голода делала его невольным соучастником предпринимателя против фабричной инспекции, осуществлявшей надзор за выполнением правил и установленных законов. В годы промышленных кризисов и роста безработицы жалобы рабочих на нарушение фабрикан-

¹³⁾ М. Балабанов, ч. 2-ая, стр. 289.

¹⁴⁾ Там же, стр. 292.

тами договоров найма всегда меньше, чем в те годы, когда нужна в трудовых силах дает возможность рабочей массе диктовать свои условия. Так было и теперь, когда кризис, развившийся в середине 80-х годов, принудил рабочих, в отступление от завоеванного, соглашаться на все условия работодателей. Поэтому предприниматели и имели возможность оказывать ограничительным законам только пассивное противодействие и в ознаменование своих „патриархально-семейных“ отношений, „уступая просьбам“ рабочих, нарушать установленные правила, принимать на работу малолетних в запрещенном возрасте, допускать подростков на ночную работу и пр. и пр. И знаменательной нам представляется жалоба первых фабричных инспекторов, указывающих, что они наталкиваются в своей работе на трудно преодолимые препятствия—предприниматели дают неверные сведения о работе фабрик и заводов, уклоняются от ответов, рабочие же не оказывают поддержки, не сообщают о нарушении правил, а малолетние или вовсе прячутся во время инспекторских обходов, или же скрывают свои лета, опасаясь увольнения.

Наступившее в конце 80-х г.г. оживление в предпринимательской деятельности изменило политику промышленников, и они все сильнее начинают ощущать стеснительность ограничительного закона. Стремясь наверстать упущенные за время застоя прибыли, предприниматели расширяют производство фабрик и заводов. Возникают новые мелкие заведения, повышается потребность в рабочих руках. Открывшиеся возможности требуют максимального использования рабочего дня, ночная работа представляется просто необходимой. Но самое важное последствие промышленного подъема состоит в том, что спрос на рабочие руки превалирует над предложением и вызывает повышение заработной платы. Это, в свою очередь, удорожает производство, сокращает прибыль предпринимателей. Как же избежать этого? Ясно, что наиболее простой путь для предпринимателя—широкое использование дешевого труда малолетних, как общее правило, понижающего заработную плату рабочих вообще. Но сейчас это сделать труднее, ибо сопротивляемость рабочей массы увеличилась, усиливая в то же время значимость ограничительных законов. Отсюда предприниматель делает простой вывод—надо, если не совсем аннулировать, то, во всяком случае, изменить, ослабить стеснительные правила. И отсюда бешеная травля ненавистных законов. Она, совпав с минованием кризиса, пошла по двум направлениям: с одной стороны—простое игнорирование и обход законов, а с другой—ходатайства, заявления, протесты и пр.

Ухищрения, на которые порой пускались фабриканты, преимущественно имели своей целью ввести в заблуждение фабричного инспектора. Так, предприниматели устанавливали для

малолетних частые и короткие смены, напр., после 2-часовой работы следовал $\frac{1}{2}$ —1-часовой перерыв. Не говоря о том, что такой порядок считается самым губительным для организма, при этих условиях дети, во-первых, проводили на фабрике гораздо больше времени (во всяком случае, не менее 11—12 часов), чем это разрешалось законом, а, во-вторых, фабричный инспектор не имел никакой возможности проверить, действительно ли малолетние заняты работой наравне со взрослыми; в подавляющем большинстве случаев фабриканты, не устанавливая фактически такого распределения рабочего времени, ссылались на него с единственной целью затруднить контроль и иметь возможность безнаказанно удлинять рабочий день малолетних. Запугивая рабочих увольнением, запрещая служебному персоналу давать какие-либо сведения, лично отсутствуя во время обхода и пр. и пр., промышленники создавали для фабричных инспекторов непреодолимые препятствия.

Не считая удобным прямо требовать отмены закона, предприниматели главный удар свой направляли на фабричную инспекцию. Показательными в этом отношении представляются ходатайства московского отделения содействия русской промышленности и торговле, переданные министру финансов Вышнеградскому 10 и 30 марта 1887 г. Указывая, что с самого начала проведения в жизнь ограничительных законов между фабрикантами и инспекторами возникли „разногласия и пререкания“, московские предприниматели всю вину возлагали на фабричную инспекцию, которая, мол, проявляет крайнюю требовательность и совершенно не понимает такой „простой“ вещи, как то, что между трудом и капиталом не только не существует антагонизма, но, наоборот, они тесно связаны между собою „сходством интересов“¹⁾. А потому контроль за выполнением законов следует сосредоточить в руках фабрикантов. Ясно, что при выполнении этого требования ни одно из правил о труде малолетних не проводилось бы в жизнь. Эти мечты фабрикантов и заводчиков были достаточно недвусмысленно выражены в петиции купечества, торгующего на Нижегородской ярмарке, поданной в августе 1887 г. тому же Вышнеградскому: „Не прошло и года со дня открытия действия нового института (фабричной инспекции), а уже известно, сколько им возбуждено недоразумений и вызвано неприятностей. Русские промышленники, оглядываясь на долгое спокойное и патриархальное прошлое русских производств, смеют думать, что они заслуживают у власти *большого доверия*, чем то, какое им оказано введением стесняющего как их, так и их рабочих (!) нового фабричного закона, отдающего часто целое предприятие на милость и немилость лица, в фабричном деле некомпетентного и не имеющего ничего общего ни с интере-

1) Литвинов-Фалинский, стр. 314. Ходатайство от 10 марта.

сами государства, ни с нуждами промышленности“²⁾. Министр финансов Вышнеградский в ответ на это заявил, что он считает такое требование *умеренным и справедливым*.

Промышленный капитал, подгоняемый жадой наживы, быстро забывший урок, данный рабочими беспорядками 84—85 г.г., вздумал было возвратиться к прежним приемам предпринимательской деятельности.

И правительство, всецело находящееся в зависимости от промышленной буржуазии, должно было прислушаться к голосу своих новых хозяев. Колеблясь перед необходимостью расточать улыбки московским предпринимателям, а также боясь все усиливающейся мощи рабочего класса, оно прибегло к полумерам и, не удовлетворив целиком требований фабрикантов, нашло все же возможным и целесообразным поступиться частью уже изданных ранее ограничительных правил о детском и подростковом труде. В результате соотношения всех этих сил, при вновь обострившейся конкуренции между предпринимателями петербургского и центрального районов, и появился закон 24 апреля 1890 г., не только приостановивший поступательное было движение рабочего законодательства, но и в значительной степени расширявший права предпринимателей на эксплуатацию малолетних.

Согласно постановления от 4 октября 1888 г., все изданные ранее, в виде отдельных из'ятий, временные правила о труде малолетних детей и подростков имели силу лишь до 1 января 1890 г., когда разработанные к тому времени материалы о последствиях этих мероприятий должны были дать возможность установить окончательное содержание ограничительных законов о труде малолетних. Таким образом, государственному совету предстояло разрешить следующие вопросы: 1) о допущении к работе в фабрично-заводских предприятиях малолетних в возрасте от 10 до 12 лет; 2) о работе в ночное время детей от 12 до 15 лет; 3) о шестичасовой непрерывной для них работе и 4) о ночной работе всех несовершеннолетних до 17-летнего возраста. Следовательно, незыблемыми были признаны правила о 8-часовом рабочем дне и воспрещении принимать на фабрики и заводы детей, не достигших 10-летнего возраста.

Какой же вывод сделал из всего этого высший законодательный орган? Общее собрание государственного совета постановило предоставить министру финансов право по соглашению с министром внутренних дел разрешать работу малолетним в возрасте от 10 до 12 лет в тех предприятиях, где они уже работают, запретив новые приемы,—следовательно, через два года на фабриках и заводах не должно было остаться ни одного рабочего моложе 12 лет. Такое „прогрессивное“ решение, противоречащее общей реакционной политике, которая

²⁾ Цитируем по Литвинову-Фалинскому, стр. 317—318.

проводилась в тот период, объясняется преимущественно тем, что дети этого возраста, составляя по отношению ко всему числу малолетних совсем незначительный процент, не представляли для фабрикантов большого интереса.

Другое решение государственного совета носило уже несколько агрессивный характер. Подтверждая запрещение ночной работы детей в возрасте от 12 до 15 лет в производствах хлопчатобумажном, полотняном, шерстяном, льнопря-дильном, льнотрепальном и смешанных тканей, он вместе с тем вновь разрешил употреблять малолетних этого возраста на 6-часовой ночной работе в наиболее вредном стеклянном производстве. Здесь мы сталкиваемся уже с явной уступкой в пользу „патриархально“ настроенных заводчиков, которым подобное запрещение нанесло бы очень чувствительный ущерб, так как фактически исключало (вследствие специфических условий работы и неопределенности в распределении времени на этих предприятиях) вообще работу малолетних на стеклянных заводах.

Далее, непрерывная шестичасовая работа для детей в возрасте от 12 до 15 лет была утверждена с тем, чтобы и общее число рабочих часов при этом не превышало шести. Таким образом временное правило, значительно ухудшавшее условия труда малолетних, получило санкцию закона. И почтительнейшая просьба о том, чтобы правило это применялось только там, „где по ходу производства это необходимо“, несколько не уменьшало агрессивной сущности указанного постановления.

Такой же характер носит и статья, принятая госуд. советом о ночной работе женщин и подростков в возрасте от 15 до 17 лет, предоставлявшая разрешение этого вопроса на благо-усмотрение губернаторов и фабричных присутствий. Это был отказ от запрещения ночной работы подросткам и женщинам, полная капитуляция перед промышленной буржуазией.

Не остановившись на этом, усердствующие члены государственного совета предоставили инспекции право разрешать работу малолетних в воскресные и праздничные дни, а также увеличили продолжительность рабочего дня для них до 9 часов в сутки на тех предприятиях, где существует 18- часовая работа двумя сменами. И даже запретный ночной период, всегда укладываемый между 9 ч. вечера и 5 ч. утра, был урезан на один час и должен был длиться лишь с 9 веч. до 4 ч. утра³⁾.

Последняя статья закона может, между прочим, натолкнуть на мысль о сокращении рабочего времени взрослых до 9 часов в сутки. Соответствующую оценку этому постановлению дает Дементьев, который говорит, что „благодаря недомолвке закона, ничего не говорящего о перерывах работ на отдых и о наи-

³⁾ Третье Собрание Законов, № 6741 (24 апреля 1890 г.; *Архив госуд. совета*, журнал департамента законов № 185 от 9 апреля 1890 г.).

большей допустимой продолжительности непрерывной работы, на практике на очень многих фабриках для всех рабочих, кроме малолетних ¹⁾, оказалось по 9 часов *непрерывной* работы, между тем как всякая однообразная работа в течение более 6 непрерывных часов настолько вредна, что мы серьезно затруднились бы ответить на вопрос, что хуже: 9-часовая ли непрерывная работа или 13—14-часовая работа с тремя перерывами на отдых, как она сплошь и рядом ведется на фабриках Московской губернии“ ²⁾.

Вот каким, в конечном итоге, „реформам“ подверглись первоначально столь либеральные проекты о труде малолетних рабочих. Вызванные к жизни развивающейся классовой борьбой и обострением противоречий между могущественными предпринимательскими группами, проекты эти изменяли свое лицо в зависимости от соотношений сил этих факторов. Закон 1 июня 1882 г., который появился в результате начинающегося рабочего движения и временной победы петербургских фабрикантов, был в достаточной степени умален в своем значении уже в 1884 г., когда после упорной борьбы правительство склонилось на сторону предпринимателей центральных губерний. Но тогда оно еще колебалось, еще выбирало более могущественного попутчика. Рабочие беспорядки 1884—85 г.г. и развившийся кризис, внесшие растерянность не только в правительственные, но и в предпринимательские круги, вызвали издание в 1885—86 г.г. временных правил, которые должны были как-будто получить силу закона. Однако, оживление промышленной деятельности и некоторое затишье в рабочем движении позволили капиталу предпринять на ограничительные законы, а следовательно и на рабочий класс в целом новое наступление, закончившееся полной победой московских фабрикантов. Правительство покорно склонилось перед их волей, и от всего законодательства о труде детей и подростков остались ничтожные крохи. Закон 24 апреля 1890 г. во всех отношениях соответствовал своей эпохе, эпохе подавления рабочего движения мерами административно-полицейского порядка. И знаменательно, что именно к этому времени относится прекращение печатания отчетов фабричных инспекторов, дабы результаты проведения в жизнь последнего закона не сделались достоянием широких масс.

В 1892 г. вышел закон, согласно которому ограничительные правила о труде малолетних были распространены на частные горные заводы и промысла. Женщины и дети, не достигшие 15 лет, не допускались к ночным работам, а равно к работам внутри рудников. Кроме того, продолжительность рабочего

¹⁾ Последние работали двумя сменами по 4½ часа сряду.

²⁾ Делентьев, Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, стр. 106.

дня малолетних рабочих определялась 8 часами в сутки. Наблюдение же за выполнением правил о труде детей, подростков и женщин и о посещении первыми начальных училищ было возложено на окружных инспекторов и их помощников⁶⁾. Не следует, однако, думать, что в практике горнозаводской промышленности закон этот получил широкое распространение. „Для того, чтобы посмотреть, как применяется закон 9 марта 1892 г., — указывает Л. Либерман, — стоит только на любом из рудников зайти в здание угледодежных и других машин или же в так называемое ламповое отделение. В этих помещениях, особенно „ламповых“, где воздух до такой степени насыщен парами наливаемого в лампы бензина, что вызывает головокружение и тошноту, можно увидеть целую вереницу крошек-мальчугов, движущихся среди батарей ламп, вытирающих, наливающих их, заряжающих пистонами и т. п. Большинству из них трудно дать и 13 лет; сплошь и рядом попадаются дети лет одиннадцати. Но если вы спросите любого, сколько ему лет, он, к вашему изумлению, ответит: пятнадцать. Делается это часто по распоряжению низшей администрации, выполняющей, таким образом, закон, да кроме того не в интересах и самого мальчика открыть истину: он может лишиться места... Так исполняется закон о возрасте работающих детей, так же точно соблюдается он и относительно продолжительности рабочего дня и ночных работ. На одном руднике малолетние работают в две смены днем и ночью, по двенадцати часов каждая. Впрочем, если точнее высчитать, то рабочий день выражается цифрой много больше двенадцати... Это же явление можно наблюдать на массе крупных и мелких рудников при сортировке угля: 10—13-летние мальчики и девочки в течение 12 часов согнувшись выбирают руками, с помощью маленьких кочережек, попавшие в уголь кусочки горных пород, получая за это 25—30 коп. в день, в зависимости от времени года. На „конных“ шахтах, т. е. таких, где уголь поднимается на поверхность при помощи лошадей, дети по 12 часов днем и ночью принуждены ходить по кругу, подгоняя лошадей. Отсюда так часто встречающиеся среди детей худосочность, анемичность, высокая смертность“⁷⁾.

Как видим, ограничительные правила о детском труде являлись для предпринимателей не слишком стеснительными.

В середине 90-х г.г. в порядок дня был поставлен вопрос о нормировке рабочего дня для рабочих всех возрастов, который привел к закону 2 июня 1897 г.⁸⁾, установившему, что 11½ часов работы являются, как правило, предельными для каждого ра-

⁶⁾ Третье Собрание Законов. № 8402.

⁷⁾ К. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, т. II, стр. 28—29.

⁸⁾ До этого по докладу мин. финансов и внутренних дел было постановлено продлить срок действия закона 24 апреля 1890 г. до 1 октября 1897 г. (Третье Собрание Законов, № 12134).

бочего. Хотя сам этот закон и не внес изменений в условия работы малолетних, но перипетии борьбы за и против его издания, во время которых неоднократно возбуждались вопросы о продолжительности рабочего дня детей и подростков, заслуживают внимания.

Основой всей этой борьбы являлся расцвет промышленной деятельности с сопутствующим ему обострением конкуренции между различными промышленными районами. Первый сигнал к бою дало лодзинское отделение общества для содействия русской промышленности, которое предлагало запретить ночную работу в предприятиях, по характеру производства не требующих непрерывной работы, и установить продолжительность действительной работы не более чем в 11 часов. Общество охранения народного здоровья признало еще к этому, что „ночная работа вредна и нежелательна для всех рабочих вообще, а для женщин, подростков и малолетних в особенности, а потому для женщин всех возрастов и для малолетних ночная работа недопустима“⁹⁾. К этому же выводу приходили и научные работники, свидетельствовавшие, что „после 12 час. ночи случается травм вдвое и даже вчетверо более, чем в первую половину“¹⁰⁾. В заседании комиссии по нормировке рабочего дня выступил Дементьев, который указал, что „ночная работа должна допускаться лишь в крайних случаях и на короткое время... Временная ли или постоянная, она во всяком случае допустима лишь для наиболее сильных, т.е. для взрослых мужчин“¹¹⁾. Далее отмечалось, что „если признана необходимой защита закона для детей, то она столь же необходима и для подростков, в противном случае благая цель закона остается недостигнутой“¹²⁾. В заключение выставлялось между прочим требование, чтобы для девочек-подростков был установлен максимальный рабочий день. Указывалось, что нормирование продолжительности работы для малолетних и подростков уже само собою вызовет и соответствующее сокращение рабочего дня взрослых мужчин.

Между тем, рабочий класс не оставался равнодушным свидетелем разгоравшейся борьбы и путем ряда организованных выступлений, среди которых следует выделить забастовку на петербургских бумагопрядильнях в мае 1896 г., охватившую свыше 3000 человек, предъявил требование об уменьшении продолжительности рабочего времени. Под влиянием этих событий петербургские предприниматели усилили нажим на министерство финансов и подали заявление, в котором указывали на необходимость установления 11½-часового рабочего дня

⁹⁾ Литвинов-Фалинский, стр. 89.

¹⁰⁾ Журнал „Охрана народного здоровья“, 1895 г. № 8. (Доклад д-ра Никольского, стр. 631).

¹¹⁾ Там же, № 7, стр. 529.

¹²⁾ Там же, стр. 531.

и ограничения работы малолетних в возрасте от 12 до 15 лет 6 часами, с запрещением 8-часовой работы, которая в случае принятия их первого предложения делается просто излишней.

Рабочие беспорядки, с силой проявившиеся в период 1890—97 г.г., заставили правительство удовлетворить ходатайство петербургских фабрикантов, для чего 23 января 1897 г. была создана при министерстве финансов особая комиссия, результатом работы которой и явился закон 2 июня 1897 г.

ГЛАВА V

*Годы первой революции и мировой войны.

Недолгий период промышленного подъема, дошедший до своего кульминационного пункта к концу 90-х годов, сменился тяжелой и продолжительной депрессией, повлиявшей, конечно, на размеры заработков рабочих и на продолжительность их рабочего дня. Влияние указанного кризиса сказалось тем сильнее, что застой в торговле и промышленности сопровождался тяжелыми неурожаями, и рабоче-крестьянские массы, таким образом, должны были выдержать напор двух грозных сил.

Осенью 1899 г. во многих крупных промышленно-торговых городах России, вследствие плохого сбыта, стали понижаться цены на предметы металлообрабатывающей и текстильной промышленности. Растущие залежи товаров толкнули фабрикантов и заводчиков на сокращение производства, которое выразилось, с одной стороны, в увольнении значительного числа рабочих, а с другой—в уменьшении числа рабочих дней, с соответствующими вычетами, конечно, из жалованья рабочих за дни простоя. В течение осени и зимы 1899 г. кризис сбыта захватил уже лодзинский, иваново-вознесенский и петербургский районы. В 1901 г. разражается еще нефтяной кризис, и в результате—закрытие целого ряда предприятий, сокращение штатов, уменьшение рабочего периода и т. д. делаются явлением повсеместным. Наряду с этим капитал, всегда старающийся переложить все последствия промышленных неурядиц на плечи рабочего класса, начинает новое наступление путем сбавки расценок, уменьшения заработной платы, удлинения рабочего дня и пр.¹⁾ Кризис все углубляется, захватывает 1902 г., а затем и 1903 г. Предприятия всех отраслей промышленности—металлообрабатывающей, угольной, нефтяной, цементной, текстильной, по обработке вкусовых и минеральных веществ и пр.—частично вовсе прекращают свою деятельность, а отчасти проводят массовое сокращение рабочих, уменьшают заработную плату, повышают интенсивность труда.

¹⁾ Л. Мартов. Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России, стр. 176—177.

Понятно, что при этих условиях, когда рынок пополняется, с одной стороны, увольняемыми фабричными рабочими, а с другой—теми тысячами крестьян, которых жестокий неурожай выгнал на поиски заработков, и когда призрак голодной смерти заставляет и тех и других бороться за получение работы путем понижения своих требований—цена на труд упала до самых минимальных размеров и совершенно обесценилась и без того дешевая рабочая сила детей и подростков.

Предпринимательская политика „прижима и нажима“ делалась все более жестокой, и фабричная инспекция выслушивала от рабочих много жалоб на нарушения, допущенные владельцами предприятий в отношении соблюдения не только законов, но также и тех условий договоров найма, которые были заключены между предпринимателями и рабочими²⁾.

Предоставленному своим силам рабочему классу не оставалось ничего другого, как повести решительное наступление на твердыни капиталистической России, и в результате мы имеем значительное усиление забастовочного движения.

Непосредственно вслед за событиями 9 января 1905 г. перед угрозой новых беспорядков и все разрастающегося забастовочного движения правительство вынуждено было поставить в порядок дня вопрос об улучшении положения фабрично-заводских рабочих. А сделать это можно было, прежде всего, путем законодательного регулирования различных условий их труда. Министр финансов В. Н. Коковцов еще недавно противился поступательному движению рабочего законодательства. Но во всеподданнейшем докладе своем от 19 января 1905 г. он уже защищает точку зрения, что забастовки и беспорядки вызваны почти исключительно тяжелыми экономическими условиями жизни рабочих, а не причинами политического характера. Поэтому Коковцов настаивал на развитии изданных прежде ограничительных правил и на выработке новых законопроектов, могущих ослабить эксплуатацию рабочих и способствовать улучшению их материального положения. Коковцов предлагал устройство, в обязательном порядке, больничных касс и учреждений в составе представителей рабочих и фабричных управлений для разрешения возникающих вопросов, упорядочение врачебной помощи, пересмотр статей закона, карающих за стачки и, кроме того, еще большее, по сравнению с законом 2 июня 1897 г., сокращение рабочего дня³⁾.

Комитет министров признал, что, несмотря на образование (29 января) комиссии под председательством члена госуд. совета Шидловского для выяснения причин недовольства рабочих в Петербурге и изыскания мер к устранению таковых

²⁾ См. отчеты фабричной инспекции за эти годы.

³⁾ Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова. С предисловием Б. А. Романова (Центрархив). Изд. „Вопросы труда“. 1926 г. документ № 1, стр. 13.

в будущем, создание особой комиссии, которая обсудила бы все эти вопросы в общеимперском масштабе, является совершенно необходимым¹⁾.

Однако он нашел, что участие в ней выборных от рабочих провести в жизнь чрезвычайно трудно, вследствие их огромного числа и того, что „при громадном количестве промышленных заведений организация выборов, которая дала бы возможность осведомиться о действительных пожеланиях и запросах рабочих, представляет собой почти непреодолимые трудности. Равным образом, крайним неудобством явилась бы и совершенная неподготовленность большинства рабочих к рассмотрению и соображению сложных законопроектов“.

Отстранив, таким образом, одну заинтересованную сторону от участия в разрешении животрепещущих вопросов, комитет министров признал „неудобным“ официально включить в состав проектируемой комиссии представителей промышленников—„во внимание к тому неблагоприятному впечатлению, которое могла бы вызвать мысль о неуравновешенности в представительстве обеих заинтересованных сторон“. Но на ряду с таким „беспристрастным“ отношением комитет министров отметил, что комиссия будет иметь возможность воспользоваться соображениями предпринимателей путем приглашения отдельных лиц и даже целых групп промышленников, и этот совет был использован в полной мере.

Председателем комиссии был назначен В. Н. Коковцов. В виду того, что все законопроекты, рассматривавшиеся комиссией, за исключением имеющего своей темой продолжительность и распределение рабочего времени, носят общий характер и специально о детях и подростках ничего не говорят, мы остановимся только на нем одном²⁾.

Оставляя в силе законы 1882—84—85 г. г. о работе малолетних и несовершеннолетних рабочих, проект 1905 г. стремился к развитию ограничительных правил, изданных 2 июня 1897 г. Так, вместо 11½-часового дня теперь разрешалась только 10-часовая продолжительность работы в дневное время, а для занятых хотя бы частично ночью она не могла превышать 8 часов. Далее устанавливалось число обязательных праздничных дней: кроме всех воскресных еще семнадцать. К этой статье в проекте было дано специальное примечание, согласно которому „в расписание дней, в которые малолетние и подростки не могут быть занимаемы работою, должны быть вклю-

¹⁾ Там же, № 2, Особый журнал комитета министров 28 и 31 января 1905 г.

²⁾ Небезынтересно отметить, что предприниматели придавали этому проекту наибольшее значение и считали, что если все намеченные меры вызовут расход примерно от 18 до 40 процентов к заработной плате, то только один предлагаемый закон о рабочем времени даст увеличение расходов в сумме от 10 до 30 процентов (там же, № 7, стр. 59).

чаемы все воскресные и те праздничные дни, в которые полагаются работы для взрослых рабочих⁶⁾).

При сокращении продолжительности рабочего времени особое значение приобретали сверхурочные работы, которые, нося принудительный характер, представляли удобнейший способ обхода промышленниками законов. Это было предусмотрено рассматриваемым проектом. Признав, что „сверхурочною считается работа, производимая рабочими в промышленном заведении в такое время, когда по расписанию рабочего времени не полагается работы“, проект, конечно, указал множество „исключительных“ случаев, когда одни сверхурочные работы могли быть включаемы в договоры найма для обязательного выполнения из-за особых свойств производства, другие получали права гражданства по специальному разрешению фабричной инспекции, а третьи без всякого разрешения, как, напр., необходимые вследствие внезапной порчи котлов, пожара и пр. Все эти изъятия в известной степени умаляли значение ограничительных статей проекта. Но все же значение проекта в этом вопросе безусловно велико тем, что он решительно ограничил произвол предпринимателя в отношении детей и подростков, для чего выделил их в особую группу и совершенно запретил для них производство работ в неурочное время.

Проект о рабочем дне должен был рассматриваться в комиссии 15 мая. Но еще ранее предприниматели в лице петербургского общества для содействия улучшению фабрично-заводской промышленности подали записку, в которой указывали, что проектируемыми мерами все равно не удастся успокоить рабочие массы и улучшить их благосостояние, и при этом особенно сильно обрушились на предложение установить 10-часовой рабочий день и ограничить производство сверхурочных работ. Фабриканты предлагали, „признавая в принципе излишней законодательную нормировку рабочего времени“, сохранить нормы, установленные законом 2 июня 1897 г., не упраздняя сверхурочных работ, ограничив лишь число как урочных, так и сверхурочных часов 75-ю в неделю. В проекте петербургских промышленников была совершенно исключена статья, запрещающая производство сверхурочных работ для детей и подростков⁷⁾.

Едва начались занятия комиссии, как уже на втором заседании (18 мая 1905 г.) представитель московского биржевого комитета от имени всех присутствовавших фабрикантов и заводчиков заявил, что полученное сообщение о гибели флота в сражении под Цусимой настолько серьезно, что они не могут продолжать занятия. Несмотря на увещевания Коковцева про-

⁶⁾ Там же, № 8. „Проект закона о продолжительности и распределении рабочего времени в промышленных заведениях“ (составлен в марте 1905 г.).

⁷⁾ Подробно об этих проектах см. „Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцова“, №№ 9 и 10.

мышленники остались непреклонны и таким образом сорвали работы первой комиссии по рабочему вопросу.

Второе совещание по рабочему вопросу было созвано в апреле 1906 г. под председательством министра торговли и промышленности М. Федорова. Оно должно было проработать восемь законопроектов: о рабочем дне, правилах найма промышленных рабочих, страховании их от болезней и несчастных случаев, о сберегательных кассах, строительстве дешевых жилищ, об инспекции и промысловых судах.

Специально о малолетних рабочих говорит только первый законопроект, остальные же носят общий характер.

Проект о продолжительности и распределении рабочего времени сводился к следующим положениям: а) продолжительность работы малолетних в возрасте от 12 до 15 лет не может превышать 6 часов в сутки—согласно законам 80-ых г. г. эта норма равнялась 8, а в некоторых случаях и 9 часам; б) лицам, не достигшим 17-летнего возраста, воспрещаются ночные работы во всех производствах; в) для взрослых рабочих день исчисляется 10½ часами, а в неделю 60-ю; г) при хотя бы частичной работе в ночное время продолжительность его не может превышать 9 часов.

Итак, по сравнению с положениями, выдвинутыми Коковцовым, мы видим теперь известные уступки промышленникам в деле ограничения рабочего дня взрослых, а на ряду с этим значительные изменения специально по отношению к малолетним детям.

Означенные проекты полгода спустя подверглись новому тщательному и подробному обсуждению при вновь назначенном министре торговли и промышленности Д. Философове в созванном для этой цели совещании. Из внесенных проектов мы остановимся только на одном—о рабочем времени, ибо он является единственным, имеющим статьи, непосредственно относящиеся к вопросу об эксплуатации рабочей силы детей и подростков⁸⁾.

Состав этого третьего совещания был очень многолюден. Кроме представителей от ведомств, фабричных ревизоров, фабричных инспекторов и особо приглашенных лиц—ученых экономистов профессоров Озерова, Яроцкого и Саладинова, к работам совещания были привлечены 101 делегат от предпринимательских организаций со всех концов России. Отсутствовали лишь представители другой заинтересованной стороны—рабочие. Как заявил в своей речи при открытии совещания Филосовов, это случилось не по воле министерства. Оно

⁸⁾ Материалы по третьему совещанию мы использовали по печатному экземпляру Стенографического отчета Особого Совещания при министерстве торговли и промышленности, под председ. министра торг. и промышл. шталмейстера Д. А. Философова, для обсуждения законопроектов по рабочему законодательству (заседания 14—21 декабря 1906 г.)

хотело видеть их на совещании, но „от этого пришлось отказаться при полном отсутствии у нас такой организации, которая дала бы нам представителей именно рабочего класса, а не отдельных случайных людей». Очевидно, тут имелись в виду активные участники рабочего и революционного движения, в особенности члены Р.С.-Д.Р.П.

Было объявлено, что настоящее совещание является предварительным, что будет создано новое для окончательного принятия того или иного решения. Против такой оттяжки фабриканты и заводчики, конечно, не протестовали. Более того, воспользовавшись случаем, они лишний раз заявили о своем отрицательном отношении к вмешательству правительства во взаимоотношения между рабочими и предпринимателями, считали, что в этой области все обстоит вполне благополучно. И одиноко прозвучал голос д-ра Л. Б. Бертенсона, требовавшего не только скорейшего издания органичительных правил, но и распространения их на ремесленные предприятия, «где условия труда представляются ужасными в полном смысле этого слова. Там, главным образом, работают дети, которые находятся в ужасных условиях».

В такой обстановке должен был обсуждаться вопрос о продолжительности рабочего времени для детей и подростков.

Проект министерства торговли и промышленности сводился к следующему:

1. Продолжительность труда малолетних (в возрасте от 12 до 15 лет) сокращается до 6 часов в сутки.

Лицам, не достигшим 17-летнего возраста, воспрещаются ночные работы во всех производствах.

2. Дневная продолжительность работ лиц женского пола, в возрасте *свыше 15 лет*, ограничивается 10½ часами в сутки, а в неделю—в общей сложности—60 часами. Ночная работа воспрещается для женщин во всех возрастах.

3. Дневная продолжительность работ лиц мужского пола, в возрасте *свыше 15 лет*, ограничивается 10½ часами в сутки, а в неделю—в общей сложности—60 часами, ночные же работы для лиц старше 17 лет—9 часами в сутки.

4. Производство сверхурочных работ допускается по свободному соглашению сторон.

5. Число обязательно празднуемых дней сокращается.

6. Для непрерывных работ главное по фабричным делам присутствие может допускать две смены рабочих по 12 часов, с обязательным чередованием ночных и дневных смен не позже, как через каждые две недели.

Можно было бы предположить, что последний законопроект вносит значительные улучшения в условия труда малолетних, что прогрессивной является его первая статья, согласно которой рабочее время для 12—15-летних сокращается до 6 часов и совершенно запрещается ночная работа для всех, не достигших

17 лет⁹⁾. Но оказывается, что в действительности это было не так. Дело в том, что теперь, как и раньше, в последней четверти XIX века, принужденное идти на уступки рабочей массе и стремясь вместе с тем сохранить добрые отношения с промышленной буржуазией, правительство старалось отыгаться на охране труда детей и подростков, того труда, ограничение в использовании которого, причиняя предпринимателям наименьшие неудобства, создавало вместе с тем впечатление прогрессивного движения законодательства. И это положение как нельзя более ярко проявляется на данном примере. В начале XX века технические завоевания в сильнейшей степени отразились на оборудовании наших фабрик и заводов. И если раньше механизация производства, освобождая предприятие от потребности в мускульной силе, давала возможность в широких размерах использовать труд малолетних, то теперь изобретенные сложнейшие машины требуют уже обученного и сознательного, в техническом отношении, рабочего. И, действительно, в начале XX века малолетние рабочие постепенно вытесняются и на их место становятся женщины и подростки в возрасте от 14 до 17 лет¹⁰⁾. Поэтому проект закона понижал продолжительность рабочего дня только для тех малолетних детей, труд которых к этому времени терял свое бывшее значение. Вместе с тем, отказываясь от запрещения сверхурочных работ для всех малолетних¹¹⁾ и приравнивая подростков с 15 лет к взрослым рабочим, проект с излишком вознаграждал предпринимателей за неприятности, связанные с первым пунктом проекта.

В полной мере прогрессивным представляется требование о запрещении производства ночных работ для всех, не достигших 17-летнего возраста. Оно противоречило желаниям промышленников, и, как мы увидим ниже, в разгоревшейся по этому вопросу борьбе последние вышли победителями.

В. И. Тимирязев, делегат съезда представителей промышленности и торговли¹²⁾, заявил, что предприниматели, соглашаясь в принципе с нормировкой рабочего дня для детей и женщин, вместе с тем категорически высказываются в отношении взрослых рабочих за „принцип устранения всякой нормировки с тем, чтобы это дело было предоставлено добровольному соглашению между рабочими и работодателями“¹³⁾. При этом, в виде ус-

⁹⁾ Согласно закона 1 июня 1882 г., дети в возрасте от 12 до 15 лет могли быть занимаемы работою до 8 часов в сутки, а ночная работа запрещалась лишь для недостигших 15-летнего возраста.

¹⁰⁾ Об этом процессе см. мою книгу „Труд детей и подростков в фабрично-заводской промышленности России“, том первый (Госиздат).

¹¹⁾ См. проект комиссии Коковцова.

¹²⁾ Бывший член комиссии В. Н. Коковцова.

¹³⁾ Стенографический отчет особого совещания под председ. Философова, заседание от 21 декабря.

тупки, предприниматели готовы были „не настаивать“ (!) на отмене существующего закона¹⁴⁾.

Промышленники не возразили в принципе против сокращения числа рабочих часов для малолетних. Однако, когда совещание подошло к рассмотрению этого пункта проекта, оказалось, что предприниматели далеко несогласны с содержанием статьи. В виду того, что промышленность стала в значительно большей степени использовать не малолетних, а подростков, то против сокращения рабочего дня первых до 6 часов в сутки никто и не высказывался. Зато решительное наступление повели фабриканты и заводчики на ограничительный возраст, требуя, чтобы малолетними считались дети от 12 до 14 лет, а подростки—с 14 до 16 лет.

Таким образом 6-ти часовой рабочий день был бы установлен только для рабочих 12—14-летнего возраста, а перешедшие его должны были бы работать наравне со взрослыми.

На ряду с этим и работы в ночное время запрещались только для не достигших 16-ти лет.

Основанием к такому требованию служило, по мнению промышленников, то обстоятельство, что дети заканчивают школьное образование к 14 годам, „а до 15 лет мы (предприниматели) не можем¹⁵⁾ брать их на фабрику и они бегают по улицам и хулиганничают“. Примерно то же говорил Э. Л. Нобель, представитель бакинской нефтяной промышленности и Петербургского общества фабрикантов и заводчиков. Не возражая против нормировки рабочего дня малолетних 12—14 лет шестью часами, он указывал, что рабочий почти никогда не может довести обучение своего ребенка до 14-ти лет. Такие дети, во всяком случае, 95% из них, находясь на улице, превращаются в хулиганов. Конечно, у Нобеля нет даже и мысли, что зло это можно предотвратить иным путем, а не приравнением 14-летнего ребенка к взрослому рабочему.

Достойную отповедь дал предпринимателям проф. Яроцкий. На их заявление, что им тяжело высказываться, так как „это всегда вызывает недоверчивую улыбку и подозрение, что мы только прикрываемся интересами рабочих, а преследуем другие цели,“ Яроцкий выразил протест против того, будто наем на заводы малолетних „есть какое-то благодеяние, что завод—это

¹⁴⁾ Закон 2 июня 1897 года об 11½ часовом рабочем дне взрослых рабочих. Любопытно отметить, что во время прений представитель московского биржевого комитета заявил—„мы все восстаем против того, что вы (мин. торг. и промыш.) по каким-то политическим соображениям, из боязни идти вперед хотите уменьшать время работы. Нужно, чтобы рабочие знали: раз они работают на данной фабрике, им платят, если не желают работать, пусть уходят“.

¹⁵⁾ Т.е. невыгодно.

есть исправительное отделение, где можно спасти подростков от хулиганства". Дело объясняется иначе: „люди прежде всего руководствуются соблюдением своих собственных интересов и потому берут этих наиболее дешевых рабочих на работы". Относительно понижения ограничительного возраста и ссылок на западные страны Яроцкий отметил, что там существует, во-первых, обязательное обучение, а во-вторых, начинается оно в значительно более раннем возрасте. Вместе с тем никак нельзя сказать, что в России обучение детей рабочих заканчивается к 14 годам. Оно в силу определенных экономических условий, может быть, и прекращается в этом возрасте, но это ни в коем случае не дает оснований к понижению ограничительного возраста, а, наоборот, требует создания условий, наиболее благоприятствующих их обучению.

Несмотря на все эти доводы, Философов заверил промышленников, что их требование будет принято во внимание.

Говоря о работе женщин с 15-ти лет днем не более, чем в течение 10¹/₂ часов, и о полном для них запрещении работы в ночное время, большинство предпринимателей категорически запротестовали против этого, указывая, что от ночной работы ни нравственность, ни здоровье работниц несколько не страдают, и было выдвинуто требование, чтобы 10¹/₂-часовой рабочий день был установлен для женщин, начиная с 14-летнего возраста. Предложение лодзинских фабрикантов об удлинении времени, считающегося ночным, на два часа¹⁷⁾ было отклонено промышленниками других районов.

Горячий спор между представителями науки и промышленности был вызван статьей проекта о сверхурочных работах, согласно которой производство их должно было зависеть исключительно от соглашения сторон. Указание первых на то, что при отсутствии законодательной нормировки в этой области, под угрозой увольнения, рабочий вынужден будет „соглашаться" на сверхурочные работы, что приведет фактически к значительному удлинению продолжительности рабочего дня как взрослых, так и малолетних рабочих, не было принято во внимание и председательствующий имел полную возможность резюмировать, что, как заявили „господа промышленники", статья проекта „о соглашении сторон" по вопросу о сверхурочных работах не встречает с их стороны возражений.

В феврале 1907 г. было созвано четвертое совещание, разбиравшее законопроект о труде детей и подростков¹⁸⁾. По-

¹⁷⁾ Вместо с 10 ч. веч. до 4 ч. утра по проекту лодзинцев—от 10 ч. в. до 6 час. утра. По закону 1882 года ночным считалось время с 9 час. в. до 5 час. утра.

¹⁸⁾ Стенографический отчет Особого Совещания под председательством министра торговли и промышленности Д. Н. Философова для обсуждения законопроектов по рабочему законодательству. Заседания происходили в период от 14 февраля до 12 марта.

статейному обсуждению проекта министерства торговли и промышленности „о наиме малолетних и рабочем времени“ предшествовал ряд частных собраний промышленников для согласования различных точек зрения. И на совещании тотчас же выявился единый фронт предпринимателей. От лица всех фабрикантов и заводчиков был заявлен протест против возрастных норм в 15 и 17 лет, так как на декабрьском совещании предприниматели определенно потребовали, чтобы малолетними считались дети в возрасте от 12 до 14 лет, а подростками — от 14 до 16 лет. Соглашаясь не менять предлагаемых в проекте возрастных норм только для тех малолетних, которые не имеют свидетельства об окончании училища, предприниматели заметили, что их личные интересы в данном вопросе нисколько не затронуты, потому что размер заработной платы 14 или же 15-летнего юноши один и тот же. „Однако, для некоторых отраслей промышленности — стальной, писчебумажной, горной — вопрос этот имел особенное значение, и для этих промышленности возрастные нормы, предусмотренные проектом министерства, являются тягостными с технической точки зрения. Некоторые производства требуют особой ловкости и быстроты движений, что доступно только после известного навыка в этом деле, который опять-таки является возможным лишь при более низком возрасте“¹⁹⁾. К этому же склонялся и член главного по фабричным делам присутствия Ф. В. Фомин, который считал, что „в настоящее время малолетние рабочие в большинстве случаев находятся в условиях, *значительно худших дома, чем на фабрике*“, и что предложенные министерством нормы нужно было бы сохранить лишь для вредных производств.

Против этого возражал д-р Бертенсон как потому, что спорные нормы, по его мнению, и так еще достаточно высоки, так и по той причине, что „всякая работа на фабрике и заводе, благодаря слабости детского организма, представляется с точки зрения науки вредной“. Об этом же говорил и профессор Яроцкий, отмечавший между прочим, что сами взрослые рабочие, интересы которых будто бы защищают предприниматели, неоднократно высказывались за еще большее ограничение эксплуатации малолетних.

Не меньшие возражения встретила статья, согласно которой „лица, не достигшие 17-летнего возраста, и все вообще лица женского пола не могут быть занимаемы подземными работами“. Основываясь на том, что на многих подземных работах, где из-за того, что пространство в шахтах зачастую чрезвычайно ограничено, требуется работа подростков с более низким ростом, промышленники настаивали на разрешении допускать к работам под землей несовершеннолетних в воз-

¹⁹⁾ Стенографический отчет, заседание 8 марта 1907 г., стр. 178.

расте от 16 до 17 лет. Ни возражения Бертенсона, отметившего, что „раз признано вредным брать на военную службу лиц, не достигших 21 (предполагалось одно время с 20 лет), то как же в таком деле, как подземные работы, стремиться к понижению, ведь мы все знаем, что условия работ там ужасны“, ни указания на незначительное число подростков, занятых на подземных работах, не изменили отношения фабрикантов к этому вопросу, и председательствующий должен был пообещать, что требование их будет принято во внимание.

Статьи о недопущении детей и подростков до 17 лет к работам в производствах, признанных вредными и опасными для жизни, были приняты промышленниками без возражений, и в виде уступки они отказались для данного случая даже от требования о понижении возрастной нормы.

Значительное и весьма ощутимое ухудшение должно было внести в условия труда малолетних постановление о ночном времени. По проекту ночным временем должен был считаться промежуток с 10 ч. вечера до 4 ч. утра, что явилось регрессом, поскольку закон 1 июня 1882 г. установил, что ночное время считается с 9 ч. вечера до 5 ч. утра. Но промышленники потребовали, кроме того, чтобы „ночным временем считался непрерывный шестичасовой промежуток времени между 10 час. вечера и 6 час. утра, устанавливаемый правилами внутреннего распорядка данного предприятия“, и это предложение было принято.

Что же сулило оно детям и подросткам? Расшифровывая формулу, предложенную предпринимателями, мы увидим, что если правила внутреннего распорядка устанавливали, напр., шестичасовой промежуток между 12 ч. ночи и 6 ч. утра, то дети, не допускаемые к ночным работам, могли быть заняты теперь до 12 часов ночи, в то время как раньше пределом являлись 9 часов вечера. Нет никаких сомнений, что статья эта ухудшала положение малолетних.

По поводу статьи, гласившей, что „для лиц, не достигших 17-летнего возраста, а также для всех работниц рабочие часы должны быть распределены исключительно в дневное время“, под влиянием настойчивости промышленников (опять сказавших несколько слов о благотворном влиянии фабричной работы, об интересах самих рабочих и проч.), совещание постановило понизить ограничительный возраст с 17 до 16 лет.

При обсуждении статьи проекта о 6-часовом рабочем дне для детей в возрасте от 12 до 15 лет (за неделю в общей сложности не более 36 часов) промышленники опять заявили о необходимости понизить возрастную норму до 14 лет, призывая совещание к гуманному отношению к рабочим, к предоставлению малолетним возможности работать на фабриках и заводах! Они также указали, что принятие статьи в первоначальной редакции ни к чему не приведет, так как промыш-

ленники все равно выполнять ее не намерены—закон 1882—1884 г.г. допустил ошибку, определив малолетними лиц, находящихся в возрасте от 12 до 15 лет, и эту ошибку надо исправить. Вообще же статья проекта настолько не соответствует, мол, интересам рабочих, что, когда законопроект будет внесен в Государственную Думу, сами рабочие будто потребуют соответственного изменения и Дума такого проекта не примет.

В защиту 15-летней возрастной нормы выступил чиновник министерства финансов Г. М. Курило, указавший, что если будет принято предложение промышленников, то малолетние 14—15 лет будут работать не 8 часов, как это было установлено для них законом 1 июня 1882 г., а 10½ часов, и что понижение нормы явится таким образом значительным и ничем не оправдываемым отступлением от действующего закона.

В ответ на выкрики предпринимателей о хулиганстве среди молодежи, Тигранов, представитель горного департамента, вполне правильно отметил, что, чем больше будет взято на фабричную работу детей в младшем возрасте, тем большее число 16—17-летних останется свободными, что представляет собой значительно большую угрозу развития хулиганства.

Представители власти, считавшие необходимым сделать какие-либо уступки в пользу рабочих, совершенно неожиданно решили дать бой промышленникам по вопросу о возрастной норме малолетних и о продолжительности их рабочего дня. Не ожидая такого отпора, предприниматели отбросили всякие сентиментальности и резко переменили тон своих речей. Так, делегат петербургского общества фабрикантов и заводчиков заявил: „Закон только тогда хорош, когда он отвечает требованиям жизни. Закон, который создает *негодяев* и *хулиганов*, очевидно, не может быть принят. Если промышленники указывают, что министерство ошибочно смотрит на известные вопросы, то чем руководствуется министерство в своем *нежелании изменить свой взгляд*?“ Представители власти побоялись итти на разрыв с предпринимателями, и председательствующий счел за благо прекратить прения по этой статье.

Эпизод этот весьма характерен и показывает, кто являлся на совещании действительным хозяином положения и в чьих руках находилась судьба законодательства о труде детей и подростков.

Обсуждение пунктов, согласно которых рабочий день всех рабочих, начиная с 15-летнего возраста, не должен был превышать 10½ часов в сутки, в неделю—60 часов, а при хотя бы частичной работе в ночное время—9 часов в сутки и 54 часов в неделю, не внес охлаждения в накаленную атмосферу совещания. От имени предварительного совещания промышленников их представитель настаивал, чтобы 10½-часовая норма была утверждена только для подростков в возрасте *от 14 до 16 лет* и для женщин, занятых исключительно в дневное

время. Что же касается рабочих в возрасте более 16 лет, то для них продолжительность рабочего времени должна быть устанавливаема исключительно по соглашению рабочих и нанимателей. Министерство торговли и промышленности, по словам промышленников, играло на руку германской промышленности, так как сокращение рабочего времени и рост цен на труд, как следствие ограничительных правил о труде подростков, ставят германскую промышленность в лучшие условия конкуренции.

Упорные, когда задевались их интересы, предприниматели без всяких возражений приняли те статьи проекта, которые не имели большого значения для деятельности крупных промышленных предприятий. Так было со статьей, по которой рабочее время малолетних в возрасте от 12 до 15 лет, не имеющих свидетельства об окончании хотя бы одноклассного училища, должно распределяться так, чтобы они имели возможность посещать школу. То же самое было принято и в отношении малолетних, имеющих такие свидетельства, если на предприятиях, где они работали, устроены или приспособлены для них школы высшего типа.

По проекту министерства, отступления от постановлений касательно подростков в возрасте от 15-ти до 17-ти лет, а также и женщин ²⁰⁾ допускаются только в нижеследующих случаях: с разрешения министерства торговли и промышленности, когда производство работ вызывается государственными или общественными надобностями; в случае затруднительности установить в заведениях правильные работы в производствах, приуроченных к определенному краткому времени года (варка варенья, заготовление консервов и проч.); при работах из-за непредвиденных расстройств в механизмах, приборах или сооружениях; при производстве временных работ из-за пожара, поломок и проч.; при работах, необходимых для предотвращения опасности, грозящей жизни людей или имуществу, а также для устранения случайных обстоятельств, нарушающих правильность водоснабжения, освещения, канализации и т. д. ²¹⁾

Кроме того, отступления от правил допускаются при срочном выпуске периодических изданий печати.

Уже один перечень „отступлений“ в достаточной степени гарантировал предпринимателей, что статьи закона, в части, касающейся малолетних рабочих, не доставят им серьезного беспокойства. При „добрых“ отношениях с министерством

²⁰⁾ О запрещении назначать на работы в ночное время женщин вообще и несовершеннолетних до 17-летнего возраста. Рабочий день для перешедших 15-летний возраст исчисляется 10½ часами в сутки и 60 часами в неделю, а для рабочих м. п. с 17 лет, хотя бы отчасти занятых в ночное время— 9 часами, в неделю 54 часами.

²¹⁾ Для некоторых „исключений“ требовалось разрешение только старшего фабричного инспектора.

торговли и промышленности не трудно было добиться, в случае нужды, применения того или иного „отступления“. Но фабриканты все же вновь потребовали, во-первых, понижения возрастных норм, а во-вторых, подтверждения, что исключения относятся также к шахтам, сахарным, кирпичным и т. п. предприятиям.

По вопросу о сверхурочных работах, приняв во внимание, что злоупотребление ими может привести к фактическому аннулированию ограничительных правил, министерство предлагало установить: 1) сверхурочные работы, не включенные в договор найма, являются для рабочих не обязательными; 2) в договор найма включаются такие сверхурочные работы, которые являются технически необходимыми; 3) лица до 17 лет, как и женщины, допускаются к сверхурочным занятиям только в случаях крайней необходимости технического характера; 4) урочные и сверхурочные работы вместе не могут превышать для 12—15 летних рабочих 36 часов в неделю, а для взрослых, начиная с 15 лет—67¹/₂ часов в неделю.

Предприниматели потребовали внесения существенных поправок в эти правила. Так, они настаивали на понижении возрастных норм с 17 до 16 лет и с 15 до 14 лет и на нормировке числа урочных и сверхурочных работ для женщин и *малолетних в возрасте от 12 до 14 лет—67¹/₂ часами*, а для всех остальных 25% к общему количеству рабочих часов, установленному законопроектом. Таким образом, в случае удовлетворения требований фабрикантов и заводчиков продолжительность рабочего дня малолетних легко могла быть доведена до 11 часов в сутки, а для взрослых рабочих и того больше. Понятно, что подобное предложение вызвало резкий протест со стороны, либерально настроенных представителей науки. Проф. Яродкий заявил, что, „возвышая все более и более норму, мы дойдем до того, что закон о нормировке будет только на бумаге“. Уверенные в своей силе, предприниматели проявили в этом вопросе большую настойчивость, не соглашаясь даже на компромиссное предложение об установлении недельной нормы урочных и сверхурочных работ в 67¹/₂ часов для *всех рабочих*.

На этом собственно закончились работы совещания по обсуждению статей законопроекта, предметом которых являлись малолетние и несовершеннолетние рабочие.

Изложение прений, которые велись во всех четырех комиссиях, достаточно убеждают нас в том, что проблема использования рабочей силы детей и подростков не могла получить в этих совещаниях своего разрешения. Все попытки правительства, направленные к „успокоению“ рабочих масс за счет промышленной буржуазии, разбивались об ее самозащиту, часто переходящую в открытое нападение. Предприниматели чувствовали себя тем сильнее, чем дальше отходило обсужде-

ние рабочего вопроса от всем памятных беспорядков и волнений 1905 г. И в 1907 г. от благих намерений министерств финансов и торговли и промышленности не только ничего не осталось, но, наоборот, мы можем зафиксировать, что фабрикантам и заводчикам удалось, и без особого труда, добиться включения в проект таких статей, которые ознаменовывали собою наступление на позиции, ранее завоеванные рабочим классом. И даже вся на первый взгляд прогрессивность статьи о 6-часовой работе малолетних должна быть взята под сомнение, если принять во внимание, что закон 1 июня 1882 г., установивший для этих детей 8-часовую работу, разрешал занимать их непрерывно только в течение 4 часов. И неизвестно, что полезнее—6-ти часовая работа сряду или 8-ми часовая с надлежащими перерывами.

Предприниматели добились новой затяжки. Законопроекты, обсуждавшиеся на четвертом совещании, не попали в Государственную Думу.

Новое совещание по рабочему вопросу было созвано в апреле 1908 г., но из всех проектов к этому времени сохранились только два: страхование от болезни и страхование от несчастных случаев.

Бурный 1905 г. был уже забыт. Реакция торжествовала победу, и вопрос о необходимости ограничения эксплуатации детей и подростков не поднимался больше за время дальнейшего существования капиталистической России.

Торжество реакции особенно отозвалось, конечно, на той рабочей силе, от которой трудно было ожидать самостоятельного и сильного отпора. События первой революции побудили предпринимателей стремиться к замене опасных и неблагонадежных взрослых рабочих детьми и подростками, главным образом последними, ибо, с одной стороны, эта группа рабочих, обладая меньшей сопротивляемостью, в то же время могла быть использована при усовершенствованных машинах, а с другой—безработица обеспечивала промышленников от предъявления последними повышенных требований. Поэтому новое наступление капитала, выразившееся в понижении среднего уровня заработной платы, в увеличении длительности рабочего дня, в росте штрафных взысканий и разных вычетов, особенно остро, если не в абсолютных, то во всяком случае в относительных цифрах отразилось именно на положении подростков.

С 1910 г., под влиянием оживления предпринимательской деятельности, когда в течение года число фабрик и заводов возросло более чем на тысячу, положение детей и подростков заметно улучшилось. Предприниматель, получивший возможность возобновить деятельность своего заведения, стал привлекать к работе недорого стоящих взрослых рабочих и подростков. Поэтому уменьшилась наблюдавшаяся ранее безработица среди малолетних и несовершеннолетних рабочих, а труд их

стал оплачиваться по более высоким расценкам. И процесс этот происходил вплоть до 1914 года.

Что же касается продолжительности рабочего дня несовершеннолетних в последний год перед великой войной, то из 205.915 несовершеннолетних, занятых на предприятиях заводской промышленности, свыше 9 часов работали 133.240 чел., для 57.426 чел. продолжительность рабочего времени равнялась 9 часам и только для 15.249 подростков она колебалась между 8 и 8 $\frac{3}{4}$ часами²²⁾. Относительно вообще использования рабочей силы детей и подростков следует отметить, что в первую четверть XX века завоевания техники и усложнившиеся процессы производства, устраняя зависимость предприятий от мускульной силы, требовали теперь в то же время и сознательного, производительного труда. Поэтому характерной для этого периода является замена взрослых рабочих мужчин — женщинами и подростками. В 1913 г. на 2 $\frac{1}{4}$ миллиона рабочих, которые подвергались произведенному тогда обследованию министерством торговли и промышленности, приходилось: женщин — 573.685 чел., подростков — 202.915 и малолетних 30.240 чел.²³⁾.

Объявление в 1914 г. войны, мобилизация, закрытие международных рынков и милитаризация промышленности потрясли и изменили весь ход экономической и политической жизни страны, резко отразились на положении рабочего класса, в частности на детях и подростках²⁴⁾.

Влияние войны прежде всего отразилось на численности и составе рабочего класса. В конце 1914 г. на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, числилось взрослых — 1.746.112 чел., подростков — 183.285 чел. и малолетних — 31.463 чел. По сравнению с аналогичными данными за 1913 г. общее число рабочих в абсолютных числах несколько сократилось (на 5.284 чел.), но, несмотря на это, группы подростков, малолетних и взрослых женщин дали известный прирост, общей численностью в 26.812 чел. и, следовательно, таким образом сокращение коснулось лишь взрослых рабочих — мужчин. Часть из них, снятая с фабрик и заводов первыми мобилизациями, была сравнительно легко заменена свободной рабочей силой женщин и подростков, почему на использовании труда малолетних детей эти 6 месяцев не отразились. Время для усиленной эксплуатации детского труда еще не пришло.

²²⁾ К. Пажитнов. т. III, стр. 40.

²³⁾ Там же.

²⁴⁾ Материалами к вопросу о составе и численности несовершеннолетних рабочих в годы войны послужили „Сводный отчет фабричной инспекции“ и „Материалы Центрального Военно-Промышленного Комитета к учету рабочего состава и рабочего рынка“, вып. I и II. Подробные сведения о положении детей и подростков за этот период см. в моей статье „Рабочая молодежь в годы войны“, журн. „Комсомольская летопись“ 1926 г. № 3.

Следующий год внес уже весьма заметные изменения. Частые мобилизации, все новые и новые требования фронта, приспособление деятельности многих фабр.-заводских предприятий к нуждам войны потребовали значительно более широкого применения слабой рабочей силы детей и подростков. И действительно, при сокращении числа взрослых рабочих мужчин на 136.285 чел. количество *взрослых* женщин возросло на 65.159 чел., *подростков* мужского пола—на 15.920 чел., женского—на 10.772 чел., *малолетних* мальчиков—на 3.720, а девочек—на 3.626 чел.

Особенно сильно выявился процесс замены труда взрослых мужчин женским и подростковым в хлопчатобумажной промышленности. В отдельных ее производствах убыль среди взрослых рабочих была настолько велика, что ее не мог покрыть даже интенсивный рост числа детей и подростков.

В 1916 г. все отмеченные нами процессы изменения в составе класса промышленных рабочих продолжали прогрессировать.

В общем, перед самой Февральской революцией, при значительном уменьшении количества всех рабочих, дети составляли по отношению к их общему числу 2,4%, а подростки—11,6%, в то время как в последний предвоенный год первые составляли 1,4%, а вторые—9,7%. В абсолютных числах малолетние *увеличили* свои кадры за этот период на 15.909 чел., а подростки—на 17.934 чел., в то время как число всех рабочих *уменьшилось* на 225.715 чел.

Все эти отмеченные нами изменения, которые произошли за годы войны в составе и численности рабочего класса, должны были в не меньшей степени отразиться и на его экономическом положении.

Если в последние годы перед войной продолжительность рабочего дня детей и подростков довольно близко подходила к нормам, установленным ограничительными законами, то сразу после объявления войны установившаяся норма рабочего времени была нарушена. Принуждаемая к сверхурочным работам, рабочая молодежь не только теряла на заработной плате, но буквально изнемогала от непосильной работы, подрывая свои неокрепшие еще силы.

Первые месяцы после объявления войны, в связи с общим затишьем в рабочем движении, забастовки на почве недовольства рабочим временем были чрезвычайно редки и незначительны. Некоторое оживление проявляется уже в начале 1915 г., когда участились и забастовки в связи с требованиями увеличения заработной платы²⁰⁾.

²⁰⁾ Дело „О мерах борьбы с рабочими забастовками“ (Архив госуд. совета, дело канцелярии совета министров 1913—1917 г.), которым мы пользуемся и в последующем изложении; см. также М. Г. Флеер, Рабочее движение в годы войны (материалы) М. 1925 г.

В течение 1916 г. борьба за сокращение рабочего дня, отмену обязательных сверхурочных работ и соблюдение дней отдыха протекала в несколько замедленном темпе. Резкое ухудшение материальных условий существования, а также рост политического и классового самосознания рабочих направил их на путь усиления борьбы за те экономические и политические права, которые имели для них более актуальное значение. И первое место здесь занимают требования о повышении заработной платы.

Действительно, с привлечением детей и женщин плата значительно понизилась. Так, средний месячный заработок фабрично-заводского рабочего в 1913 г. равнялся 22 товарным рублям, в 1914 г. — 21 тов. р., в 1915 г. — 20,6 тов. р., в 1916 г. — 20,2 тов. р., в 1917 г. — 17,8 г. тов. рублям.

Вздорожание предметов широкого потребления, повысившихся в цене к 1915 г. на 100%, повышение квартирной и арендной платы (до 200—300% в Петрограде), вздорожание обуви, одежды, белья, все это создало невыносимые условия существования трудящихся²⁶⁾, не делая никакого различия между работницей, подростком или взрослым мужчиной. Наоборот, именно слабая рабочая сила, как женщины и подростки, труд которых оплачивался по более низким расценкам и которые в то же время, благодаря постоянным призывам взрослого населения в армию, являлись единственными кормильцами семьи, оказалась в гораздо худших условиях.

Иллюстрацией к тем условиям, в которых работала молодежь, может служить трагически закончившаяся, начавшаяся в июне месяце 1915 г. забастовка на фабриках Костромской губ., в которой самое активное участие приняли работавшие на них подростки, из коих некоторые были убиты, другие ранены²⁷⁾.

1916 г. в связи с общим усилением рабочего движения увеличилось и число забастовок, вызванных недовольством рабочих получаемой ими заработной платой. Дети и подростки принимали в них не менее активное участие, чем в предыдущие годы, и зачастую, как, например, в марте 1916 года во время забастовки на заводе Леснера, в число различных требований включалось также и требование об улучшении положения малолетних и несовершеннолетних рабочих и учеников, повышения их заработной платы, изменения гигиенических условий работы и проч.

Удлиненный рабочий день, низкая заработная плата, небывалое повышение цен на предметы питания и широкого потребления, антисанитарные условия труда на старых изно-

²⁶⁾ М. Г. Флеер. Рабочее движение в годы войны (материалы). М. 1925 г.

²⁷⁾ Стенографические отчеты Госуд. Думы IV созыва, сессия IV, заседание 6-ое от 8 августа 1915 г.

шенных станках и машинах, с использованием всевозможных вредных суррогатов, и самые жестокие и беспощадные репрессии при малейшей попытке улучшить условия труда— вот те условия, в которых работала фабрично-заводская молодежь.

И, несмотря на это, за все время европейской войны правительство не предприняло ни одного шага, чтобы если не ограничить законодательным путем эксплуатацию малолетних, то хотя бы принять меры, чтобы не нарушались те правила, которые были установлены еще в 80-х годах прошлого столетия. Наоборот, военное время ознаменовалось таким законодательным актом, который даже аннулировал часть ограничительных правил. Мы имеем в виду закон 9 марта 1915 года.

Вследствие специфических условий производства и по причине большого числа сезонных рабочих, еще тесными узами связанных с деревней, предприятия добывающей промышленности пережили после войны особенно тяжелый период. Убыль в рабочей силе была настолько велика, что многие заводы и рудники, занятые добычей угля и железной руды, почти совершенно прекратили свою деятельность. Правительство, кровно заинтересованное в бесперебойной работе горнозаводских предприятий, пошло по линии наименьшего сопротивления и издало 9 марта 1915 г. закон, разрешающий привлекать женщин и несовершеннолетних к ночным и подземным работам.

При этом, кроме указания на временный до окончания войны характер этого постановления, отмечалось, что рабочий день малолетних не должен превышать 8, а в ночное время 6 часов. Далее запрещалось занимать на работах детей ранее истечения 12 часов по окончании подземных или ночных работ. Для допущения к этого рода работам требовалось предварительное медицинское освидетельствование²⁸⁾.

Особенно сильные изменения произошли в рабочем составе Уральского горного района, где положение отягощалось еще тем, что обескровленная, опустевшая деревня с большой неохотой отпускала рабочую силу на заводы, рудники и шахты.

Недостаток рабочих рук ощущался здесь постоянно, и требования на рабочую силу удовлетворялись, главным образом, за счет военнопленных и китайцев, а затем уже женщин и подростков.

Февральская революция почти не внесла улучшений в условия труда детей и подростков. Демонстрация рабочей молодежи с требованием 6-часового рабочего дня для всех не достигших 18-летнего возраста и запрещения фабрично-заводской работы подросткам, не достигшим 16 лет, наталкивалась на активное противодействие Временного Правительства, всецело находя-

²⁸⁾ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1915 г., № 90.

вшегося в руках промышленной буржуазии. Следуя примеру своих предшественников, принужденное сделать какие-либо уступки рабочей молодежи, 8 августа 1917 г. Временное Правительство постановило запретить ночную работу женщин и подростков в возрасте до 17 лет, с тем, однако, добавлением, что до окончания войны министру труда по соглашению с министром торговли и промышленности предоставляется делать из этого правила соответствующие из'ятия.

Ясно, что поправка эта, так знакомая нам по предыдущим ограничительным правилам, могла свести на нет все значение этого закона.

Но уже вскоре, благодаря октябрьскому перевороту, в выработке законов о труде детей и подростков самое близкое и непосредственное участие стала принимать сама рабочая молодежь.

Рабочее законодательство вступило в новую, совершенно иную фазу своего развития.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Стр.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ И КРЕПОСТНОЙ ТРУД.

Глава I. Зарождение фабрично-заводской промышленности.	5
Глава II. Первые законы о малолетних	9
Глава III. До конца XVIII века	17
Глава IV. Первая половина XIX века	36

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВОЛЬНОНАЕМНЫЙ ТРУД.

Глава I. До закона 1 июня 1882 г.	67
Глава II. Борьба за проведение в жизнь закона 1 июня 1882 г.	85
Глава III. Восьмидесятые годы	97
Глава IV. Девяностые годы	106
Глава V. Годы первой революции и мировой войны	114

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБПРОФСОВЕТА

ОТДЕЛ КУЛЬТУРНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Ленинград, Дворец Труда, тел. 625-62.

К СВЕДЕНИЮ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ЗАКАЗЧИКОВ!

При книжном магазине № 1 ОКО ЛГСПС (Ленинград, пр. Володарского, № 51) открыт ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ, который высылает почтой и жел. дор. все вновь выходящие и ранее вышедшие книги государственных, профессиональных, кооперативных, ведомственных и частных издательств, немедленно по получении заказа.

Комплектует и пополняет профессиональные, школьные, клубные и технические библиотеки.

Заказы для книжных магазинов, библиотек, культотделов профсоюзов и других просветительных организаций высылает почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом с соответствующей скидкой на сумму до 5 руб. без задатка. При заказе на сумму свыше указанной цифры необходим задаток в размере 1/3 стоимости всего заказа.

При высылке денег вперед (до 2-х руб. можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

Исполнение заказов быстрое и аккуратное.

Адреса и фамилии следует писать точно и разборчиво.

При запросах необходимо прилагать марки для ответа.

Печатается каталог книг, заключающий в себе свыше 6.000 названий по следующим отраслям: современная русская и переводная беллетристика, пьесы, мемуары, поэзия, путешествия и приключения и т. п.; державные книги дореволюционных изданий по технике, медицине, естествознанию, истории литературы, полные собрания сочинений писателей, а также литература по искусству (живопись, театр, музыка, художественные журналы, фарфор, роскошные иллюстрированные издания — на русском и иностранных языках).

Всех, желающих получить каталог, просим сообщить свои точные адреса.

Заказы, деньги и запросы направлять: ЛЕНИНГРАД, просп. ВОЛОДАРСКОГО, № 51, Отдел Почтовых Отправлений Издательства Ленинградского Губпрофсовета.

БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
КОМУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
ИМ. ЦИХ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБПРОФСОВЕТА

Дворец Труда, 1-й этаж.

Телеф. 183-83, 625-62.

Профдвижение.

Ленин, Н. Профессиональное движение. Избранные статьи и речи. 3-е изд. 1925 г., стр. 159	— р. 70 к.
Томский, М. Очередные вопросы профдвижения. Стр. 116.	— „ 75 „
Кремлев, Б. Основы профсоюзной грамоты 1927 г. стр. 140	— „ 85 „
Б. Кремлев и М. Осипов. Что читать по профдвижению	
стр. 184.	1 „ 25 „
Великин, Б. Профсоюзы СССР при диктатуре пролетариата, стр. 70, ц. 40	— „ 40 „
Андреев, А. XIV съезд ВКП (б), оппозиция и профсоюзы. 1926 г., стр. 64	— „ 30 „
Левман, С. Беседы по профдвижению. 1926 г., стр. 142 .	— „ 90 „
Левман, С. и Лейзеров, М. Формы и методы профессиональной пропаганды. 1925 г., стр. 124.	— „ 65 „
Майский, И. Профессиональное движение на Западе. (Основные типы). 2-е изд. 1926 г., стр. 328	1 „ 60 „
Святловский, В. В. История профессионального движения в России. (От возникновения рабочего класса до конца 1917 г.). 2-е дополн. изд. 1925 г., стр. 339 . .	2 „ — „
Стамблер, Михаил. Профучеба. Пособие по изучению профессионального движения. Изд. 2-е, стр. 510 . . .	2 „ 25 „
Хрестоматия по истории рабочего класса и профессионального движения в России. В двух томах. Составили:	
т. I—Ю. Гессен. 1925 г., стр. 247	1 „ 75 „
т. II—Э. Гершензон. 1925 г., стр. 391	2 „ 50 „
Хрестоматия по истории мирового профессионального движения. Составил К. И. Венко. 1926 г., стр. 243 . .	1 „ 70 „
Гордон, М. Профдвижение в эпоху первой русской революции (1905—07). 1926 г., стр. 68	— „ 25 „
Урсини, П. Как должен работать делегат. 1926 г., стр. 52 .	— „ 18 „
Догадов, В. М. Социальное страхование. 1926 г., стр. 98 .	— „ 35 „
Догадов, В. М. Коллективные договоры в буржуазных государствах и СССР. 1926 г., стр. 95	— „ 45 „
Резникович, Д. Охрана Труда в СССР. 1926 г., стр. 42 .	— „ 20 „
Стамблер, М. Профсоюзы Западной Европы. 1926 г., стр. 92	— „ 35 „
Щуров, Л. Расценочно-конфл. комиссии. 1926 г., стр. 46 .	— „ 22 „
Каменецкий, Г. Трудовые конфликты и проф. объединения. 1926 г., стр. 104	— „ 45 „
Его же. Очерки Росс. профдвижения. 1926 г. стр. 64 . . .	— „ 18 „
Миллев, Л. Хозяйственное строительство СССР и профсоюзы. 1926 г., стр. 78	— „ 40 „
Щуров, Л. На что идут союзные средства. 1926 г., стр. 60.	— „ 25 „

Цена 1 р. 30 к.

СКЛАД и ПРОДАЖА ИЗДАНИЙ

в книжных магазинах

Ленинградского Губ. Совета Профессиональных Союзов:

1) Просп. Володарского, № 51,	телеф. 5-98-55
2) Площадь Труда, № 1/39	" 6-19-18
3) Международный пр., № 124	" 5-11-42
4) Пр. Юного Пролетария, № 28	" 1-10-55
5) Пр. К. Либкнехта, 38/40	" 6-09-05

СПОРТ-МАГАЗИН, Пр. 25 Октября, № 23, тел. 2-32-03

„СПАРТАК“, Пр. 25 Октября, № 57, тел. 1-92-81

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МАГАЗИН

КАНЦЕЛЯРСКИХ и ПИСЧЕБУМАЖН. ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

Пр. 25 Октября, № 18, тел. 5-09-00

Оптовый склад, Кан. Грибоедова, № 18, пом. 22/23, тел. 1-15-83

СКЛАД ИЗДАНИЙ В МОСКВЕ:

Москва, Малая Дмитровка, 6. Тел. 3-04-87